

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

№ 2 (52) 2017

Периодическое научное издание

Учреждено в 1915 г.
Возобновлено в 2004 г.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 27.08.2012 г. ПИ № ФС77-50990).

Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте

в сотрудничестве с Межрегиональной
Санкт-Петербурга и Ленинградской области
общественной организацией
Вольного экономического общества России

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (Решение Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 2 февраля 2012 года № 8/13).

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» и размещается на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук, профессор;
А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд. экон. наук;
Д. Л. Драндин, канд. экон. наук.

Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте работает под научно-методическим руководством Отделения общественных наук РАН.
Директор ИНИР — С. Д. Бодрунов
Научный руководитель ИНИР — Р. С. Гринберг

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается с письменного разрешения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое возрождение России» обязательна.

Электронная версия журнала e-v-r.ru

Выпускающий редактор Л. А. Мозгунова
Верстка И. В. Фёдорова

Адрес редакции и издателя:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16
Тел.: (812) 313-82-68, E-mail: evr@inir.ru

Подписано к печати 22.05.2017 г.
Формат 84 × 108 1/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 14,3.
Тираж 2000 экз. Заказ .

Свободная цена

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, д. 12
© ИНИР им. С.Ю. Витте: составление, редакционная
подготовка, 2017

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. В. Ивантер, д-р экон. наук, профессор, академик РАН,
председатель научно-редакционного совета;
А. А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Л. А. Аносова, д-р экон. наук, профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор;
Р. М. Георгиев, д-р экон. наук, профессор (Болгария);
Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Дж. К. Гэлбрейт, д-р экон. наук, профессор Техасского
университета в Остине (США);
И. И. Елисеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Е. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
В. Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
И. А. Максимцев, д-р экон. наук, профессор;
А. Д. Некипелов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
П. Нолан, профессор Кембриджского университета
(Великобритания);
Л. Васа, д-р экон. наук (Венгрия);
В. В. Окреплов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Г. Х. Попов, д-р экон. наук, профессор;
В. Реген, д-р экон. наук, профессор, иностранный член
РААСН (Германия);
З. А. Самедзаде, д-р экон. наук, профессор, академик
НАН Азербайджана;
Ж.-Л. Трюэль, профессор Университета Париж-12
(Франция)

MEMBERS OF THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD

V. V. Ivanter, Doctor of Economics, Professor, academician of
Russian Academy of Sciences, Chairman of the scientific edi-
torial board;
A. A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian
Academy of Sciences;
L. A. Anosova, Doctor of Economics, Professor;
S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;
R. M. Georgiev, Doctor of Economics, Professor (Bulgaria);
R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, correspond-
ing member of Russian Academy of Sciences;
J. K. Galbraith, Doctor of Economics, Professor of the Uni-
versity of Texas at Austin (USA);
I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding
member of Russian Academy of Sciences;
A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;
V. L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian
Academy of Sciences;
I. A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor;
A. D. Nekipelov, Doctor of Economics, Professor, academi-
cian of Russian Academy of Sciences;
P. Nolan, Professor of University of Cambridge (Great Britain);
L. Vasa, Doctor of Economics (Hungary);
V. V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician
of Russian Academy of Sciences;
G. Kh. Popov, Doctor of Economics, Professor;
V. Regen, Doctor of Economics, Professor, foreign member of
Russian Academy of Architecture and Construction Sciences
(Germany);
Z. A. Samedzade, Doctor of Economics, Professor, academi-
cian of National Academy of Sciences of Azerbaijan;
J.-L. Truel, Professor of University of Paris-12 (France)

CONTENTS

<i>Manturov D. V.</i> The state as an investor: a shift in the role of a state in financing industry in the past 20 years	4
St. Petersburg economic congress on «Foresight «Russia»: new industrial society. Reloaded	
<i>Bodrunov S. D.</i> Return of industrialization – return of Galbraith: from NIS.2 to noospheric civilization	17
<i>Galbraith J. K.</i> The new industrial state: 50 years later	22
<i>Nigmatulin R. I.</i> Necessary conditions for economical growth in Russia	25
<i>Belousov D. R.</i> Operation «development»: how to overcome long-term stagnation	34
<i>Schulze P. W.</i> Future of industry: the fourth revolution – functions of state and society	39
<i>Ryazanov V. T.</i> The new industrial-technotronic state: the future is under the question	47
<i>Subkhangulov R. A., Maslov G. A., Zolotarev A. A.</i> New industrial society: reloaded	55
On the way to revival	
<i>Nolan P.</i> Lessons of economic reforms: experience of China and Russia	61
<i>Sirotkin V. B.</i> Transformation of Western capitalism: summary of marginalism and labor theory of value	65
<i>Popov E. V., Veretennikova A. Yu., Omonov Zh. K.</i> Institutional atlas of social innovations.....	80
<i>Kuznetsov S. V., Mezhevich N. M.</i> Regional economic policy of the USSR: historical experience for new business conditions	97
<i>Brazhnikov M. A., Safronov E. G., Babkin A. V.</i> Technical re-equipping strategy of machine-building complex within the framework of import substitution	114
Abstracts	121
Article excerpts (in English)	
<i>Manturov D. V.</i> The state as an investor: a shift in the role of a state in financing industry in the past 20 years	129
<i>Bodrunov S. D.</i> Return of industrialization – return of Galbraith: from NIS.2 to noospheric civilization	131
<i>Galbraith J. K.</i> The new industrial state: 50 years later	133
<i>Nigmatulin R. I.</i> Necessary conditions for economical growth in Russia	134
<i>Schulze P. W.</i> Future of industry: the fourth revolution – functions of state and society	135
<i>Nolan P.</i> Lessons of economic reforms: experience of China and Russia	136

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мантуров Д. В.</i> Государство как инвестор: изменение роли государства в финансировании промышленности за последние 20 лет	4
--	---

Санкт-Петербургский экономический конгресс «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перегрузка»

<i>Бодрунов С. Д.</i> Возвращение индустриализации – возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации	17
<i>Гэлбрейт Дж. К.</i> Новое индустриальное общество: 50 лет спустя	22
<i>Нигматулин Р. И.</i> Необходимые условия экономического роста в России	25
<i>Белоусов Д. Р.</i> Операция «развитие»: как преодолеть долгосрочную стагнацию	34
<i>Шульце П. В.</i> Будущее промышленности: четвертая революция – функции государства и общества	39
<i>Рязанов В. Т.</i> Новое индустриально-технотронное общество: грядущее под вопросом	47
<i>Субхангулов Р. А., Маслов Г. А., Золотарев А. А.</i> Новое индустриальное общество: перегрузка	55

По пути к возрождению

<i>Нолан П.</i> Уроки экономических реформ: опыт Китая и России	61
<i>Сироткин В. Б.</i> Трансформация западного капитализма: заключения маржинализма и трудовой теории стоимости	65
<i>Попов Е. В., Веретенникова А. Ю., Омонов Ж. К.</i> Институциональный атлас социальных инноваций	80
<i>Кузнецов С. В., Межевич Н. М.</i> Региональная экономическая политика СССР: исторический опыт для новых хозяйственных условий	97
<i>Бражников М. А., Сафронов Е. Г., Бабкин А. В.</i> О стратегии технического перевооружения машиностроительного комплекса в условиях импортозамещения	114

Рефераты

	121
--	-----

Извлечения из статей (на английском языке)

<i>Мантуров Д. В.</i> Государство как инвестор: изменение роли государства в финансировании промышленности за последние 20 лет	129
<i>Бодрунов С. Д.</i> Возвращение индустриализации – возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации	131
<i>Гэлбрейт Дж. К.</i> Новое индустриальное общество: 50 лет спустя	133
<i>Нигматулин Р. И.</i> Необходимые условия экономического роста в России	134
<i>Шульце П. В.</i> Будущее промышленности: четвертая революция – функции государства и общества	135
<i>Нолан П.</i> Уроки экономических реформ: опыт Китая и России	136

Д. В. Мантуров¹

ГОСУДАРСТВО КАК ИНВЕСТОР: ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ ГОСУДАРСТВА В ФИНАНСИРОВАНИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 20 ЛЕТ

Цель государственной инвестиционной активности в промышленности

Государство всегда было и остается активным инвестором: как собственник денежного капитала, составляющего бюджетные доходы, оно может расходовать их как на текущее потребление, так и на капитальные вложения, инвестиции. Основной целью государственных капиталовложений (в отличие от частных) является не столько извлечение прибыли, сколько получение положительных внешних эффектов в промышленности, социальной сфере и других областях экономической деятельности. Для достижения этой цели правительства не только инвестируют бюджетные средства по аналогии с частными предпринимателями. Благодаря уникальности правового положения государства как «особенного» инвестора, способного устанавливать правила игры, к инвестиционной активности в промышленности можно отнести не только конкретные инструменты (субсидии и бюджетные инвестиции), но и формирование вертикально интегрированных структур и специализированных институтов поддержки и развития промышленности, а также создание благоприятных условий для инвестиционной деятельности.

Если цель государственной инвестиционной активности так или иначе неизменна, то функция государства как основного регулятора инвестиций в российскую промышленность за последние 20 лет существенно трансформировалась. Менялись как масштабы, так и механизмы предоставления государственной поддержки. Мы обратимся к основным вехам в эволюции поведения государства как инвестора с 1990-х гг. до наших дней, определим условия и перспективы изменения роли государственных инвестиций в экономике.

1990-е гг.: поиск места государственных промышленных инвестиций в рыночной экономике

По Конституции СССР (ст.11 Конституции 1977 г.) государству принадлежат основные средства производства в промышленности. В советской системе государство было основным собственником, полноправно распоряжающимся промышленными активами. Переход к рыночной экономике означал отказ от доминирующей роли государства.

Ключевым событием 1990-х гг., существенно повлиявшим на сложившуюся к тому времени систему финансирования промышленности, стал запуск механизмов

¹ *Денис Валентинович Мантуров*, министр промышленности и торговли Российской Федерации, канд. экон. наук.

приватизации, появление новых форм собственности. К 1994 г. предприятия начали использовать собственные средства как источник инвестирования, привлекали иностранные инвестиции и средства частных российских инвесторов. Поиск промышленностью новых инвестиционных каналов был следствием неблагоприятной экономической ситуации, а также отсутствия четкой стратегии и эффективных инструментов развития промышленности. Государство переставало быть надежным и стабильным источником средств.

Отказавшись от роли полноправного собственника, государство не могло остаться в стороне от развития промышленности. Чтобы смягчить социальную напряженность финансирование стали осуществлять не на принципах инвестирования, а, по сути, в виде материальной помощи. Поддержка касалась убыточных отраслей и постепенно сокращалась из-за жесткости финансовых ограничений. Наиболее ярким примером является угольная промышленность, доля бюджетного финансирования которой в общем объеме капиталовложений сократилась с 95 % в 1993 г. до 11 % в 1999 г. Этот процесс нашел отражение в бюджетном законодательстве: с 1994 по 1999 г. государственная поддержка угольной отрасли выступала как отдельная статья расходов на развитие базовых отраслей промышленности в законах о федеральном бюджете; до 1997 г. включительно выделялась также подстатья расходов на проведение санации убыточных («неперспективных») предприятий, шахт и разрезов, однако эти суммы постоянно сокращались. В результате к 2000 г. неплатежеспособность предприятий отрасли достигла критического уровня [3].

Похожая ситуация сложилась в электронной промышленности: в первой половине 1990-х гг. ухудшились показатели отрасли, резко сократились объемы производства. Ее финансирование в 1995–1998 гг. осуществлялось в меньших объемах, чем было запланировано в бюджете в соответствии с программой «Развитие электронной техники в России»². Цели по восстановлению электронной промышленности не были достигнуты, а к 1999 г. уровень ее развития снизился настолько, что ситуация стала угрожающей для национальной безопасности страны [3].

Инструментом обеспечения стабильности, взаимной поддержки и продвижения интересов крупных промышленных предприятий в кризисных условиях в 1990-е гг. должны были стать финансово-промышленные группы (ФПГ). Формирование первых ФПГ происходило при непосредственном содействии государства, которое видело в них финансово устойчивых и понятных партнеров, притом ограниченных количеством, что облегчало взаимодействие и достижение соглашений при одновременном отказе государства от прямого инвестирования в промышленность. В 1993 г. были разработаны меры по стимулированию развития ФПГ, в частности, создан механизм предоставления государственных гарантий для финансирования инвестиционных проектов ФПГ, в том числе через совместное доленое участие в них. Однако в условиях противоречивости мер государственного регулирования (зачастую нормативные правовые акты, регулирующие порядок формирования ФПГ, не соответствовали другим нормам российского законодательства), а также непрозрачности их внутреннего устройства и стратегий привлечение средств негосударственных инвесторов оказалось фактически невыполнимой задачей. А обвал финансовой системы в 1998 г. заставил государство практически полностью прекратить предоставление гарантий и льгот [22].

² Постановление Правительства Российской Федерации от 06.05.1994 № 453 «О Российской государственной программе развития электронной техники».

Параллельно с усилиями по поддержанию на плаву убыточных отраслей постепенно формировался инструментарий для действий государства как инвестора в рыночной экономике. В 1995 г. в законе о федеральном бюджете появился новый раздел «Федеральная инвестиционная программа, финансируемая за счет средств федерального бюджета на 1995 г. на безвозвратной и возвратной основе», представляющий собой перечень направлений государственных инвестиций в разрезе ключевых производственных комплексов. Среди последних наибольший объем средств в 1995 г. получили транспорт и связь, агропромышленный и топливно-энергетический (ТЭК) комплексы³. С 1997 г. название раздела было изменено на «Федеральную адресную инвестиционную программу» (ФАИП) – таким образом подчеркивалось, что бюджетные средства в рамках программы выделяются на конкретные инвестиционные проекты, имеющие государственное значение⁴. Как любой частный инвестор, Российская Федерация ожидала эффективного расходования выделяемых средств, и в дальнейшем основные усилия были направлены на улучшения в этом направлении.

В 1998 г. в закон о бюджете был добавлен перечень федеральных целевых программ с указанием государственного заказчика и общих объемов их финансирования (включая государственные инвестиции, запланированные расходы на НИОКР и прочие нужды). Минпром России реализовывал программы по развитию ТЭК, транспортного машиностроения, станкостроения, металлургии, а также инновационные программы в сфере химического производства, биотехнологий и пр.⁵ В законе о федеральном бюджете на 1999 г. ФАИП содержала уже не просто роспись инвестиционных расходов по различным производственным комплексам, а исчерпывающий перечень всех финансируемых инвестиционных проектов в рамках каждого комплекса с указанием соответствующего объема инвестиций, в том числе за счет сверхплановых доходов⁶. С 1999 г. неуклонно росла доля ФАИП в общем объеме расходов федерального бюджета.

К 2010 г. ФАИП (наряду с ФЦП) становится основным инструментом программно-целевого планирования. Механизм позволял осуществлять поддержку конкретных проектов с измеримыми показателями, а не просто субъектов промышленности, не имеющих обязательств по достижению каких-либо показателей эффективности при использовании предоставленных государством средств. Вместе с тем ФАИП не были свободны от недостатков: «распыление» капитальных вложений по многим проектам и несогласованность ФАИП с программами заимствований получателей средств, их стратегиями развития. В результате объем бюджетных ассигнований по ФАИП мог не соответствовать необходимому для завершения проекта [11]. Еще один недостаток ФАИП – непрозрачность самого процесса отбора проектов, что влияло на эффективность расходования бюджетных средств.

³ Федеральный закон от 31.03.1995 № 39-ФЗ (ред. от 27.12.1995, с изм. от 26.03.1998) «О федеральном бюджете на 1995 год».

⁴ Федеральный закон от 26.02.1997 № 29-ФЗ (ред. от 09.01.1998) «О федеральном бюджете на 1997 год».

⁵ Федеральный закон от 26.03.1998 № 42-ФЗ (ред. от 30.12.2001, с изм. от 23.12.2003) «О федеральном бюджете на 1998 год».

⁶ Федеральный закон от 22 февраля 1999 г. № 36-ФЗ «О федеральном бюджете на 1999 год».

2000-е годы: косвенная поддержка, льготы и бюджетные субсидии

К началу 2000-х гг. финансовый кризис был преодолен и требовалось закрепить восстановительный рост экономики. Осознание неэффективности практики субсидирования отраслей в форме поддержки «слабого звена», а также сложностей внедрения инструментов софинансирования инвестиционных проектов в условиях отсутствия доверия бизнеса к государству привело к активизации поиска новых способов реструктуризации экономики и стимулирования частных инвестиций, в том числе за счет совершенствования финансово-кредитной системы, основ защиты прав собственности, стимулирования конкуренции [8].

Отказавшись от роли активного крупного собственника (за исключением отдельных системообразующих отраслей) и не имея средств для политики прямого или портфельного инвестирования в промышленные активы, государство так и не определило для себя эффективную комбинацию вариантов и способов участия в развитии промышленности.

Инструментарий поддержки был весьма ограничен: недостаток бюджетных средств для осуществления прямого регулирования, неразвитость рыночных институтов и недостаточность косвенных мер стали причиной отказа от проведения промышленной политики как таковой в пользу мер общеэкономического характера [19]. По данным опросов руководителей промышленных предприятий, в 2002 г. оказываемая им поддержка была, как правило, нефинансовой: помощь в сбыте, поиске потребителей и инвесторов, реструктуризации задолженности. Финансовая помощь предоставлялась в таких формах, как льготы (по уплате процентов по инвестиционным кредитам, тарифам на коммунальные услуги и аренду, уплате налогов) и бюджетные субсидии. Наибольшее внимание государство уделяло крупным предприятиям, полностью или частично находившимся в государственной собственности. По оценкам экспертов, это «особое внимание» не способствовало повышению эффективности промышленного производства. В государственных компаниях господдержка выступала как фактор, смягчающий бюджетные ограничения, в частном секторе – в ряде случаев позволяла провести техническое перевооружение и модернизацию [1]. Тем самым государство в отношении сохранившихся в собственности предприятий вело себя как вполне рыночный инвестор, однако, с меньшей эффективностью и ограниченным объемом капложений.

Наблюдения Федеральной службы государственной статистики, характеризующие состояние российской промышленности в течение последних двух десятилетий [12–18] дают возможность проследить, как изменялась доля бюджетных средств в общем объеме инвестиций в основной капитал промышленных предприятий. С конца 1990-х гг. до середины 2000-х гг. общей для большинства отраслей тенденцией было увеличение доли привлеченных средств при одновременном сокращении получаемых из бюджета. В основной массе отраслей наблюдалось преобладание инвестиций из собственных средств, бюджетные инвестиции в среднем занимали не более 4,5 %. Характерно, что в газовой промышленности, где формально доминировал государственный «Газпром», с 2000 г. по 2004 г. инвестиции в основной капитал более чем на 80 % привлекались из сторонних источников, а доля бюджетных средств оставалась незначительной – менее 1 %.

Наибольшую роль государственное финансирование играло в 1998 г. в легкой промышленности (более 21 %), причем источниками средств были в основном региональные бюджеты. В 2002 г. резко возросла роль бюджетной поддержки в химической

и нефтехимической промышленности, доля бюджетных средств здесь составила почти 12 % от общего объема инвестиций в основной капитал. Как и в случае с легкой промышленностью, бюджеты субъектов являлись ключевыми источниками финансирования – 9 из 12 % бюджетных средств были получены именно из них. К 2004 г. доля бюджетных средств в химической и нефтехимической промышленности сократилась до 4 %. Еще одной отраслью, в которой в 2002 г. втрое увеличилась доля инвестиций, привлеченных из бюджетов субъектов РФ, была лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность. Федеральное финансирование при этом составляло менее 1 % и в дальнейшем сократилось практически до нуля. Важную роль инвестиции субъектов РФ в рассматриваемый период играли в нефтедобывающей, топливной и промышленности строительных материалов. Средства из федерального бюджета на протяжении 2005–2015 гг. занимали значительную долю инвестиций в основной капитал в отрасли сбора, очистки и распределения воды: в 2012–2013 гг. она составляла более 30 %, а в остальное время – около 13 %. В целом, по отрасли производства и распределения электроэнергии, газа и воды наблюдалось кратковременное увеличение федеральных инвестиций в 2009 г. – с 5 до 11 %. В значительной степени зависели от федеральных инвестиций отрасли производства электрооборудования, электронного и оптического оборудования (с 2006 г. в среднем их доля составляла около 9 %) и производства транспортных средств и оборудования (с 2010 г. – в среднем 5 %). В остальных отраслях федеральные средства большой роли не играли, занимая менее 1 % от общего объема инвестиций. Только в 2015 г. в текстильном и швейном производстве и секторе добычи топливно-энергетических полезных ископаемых произошло резкое увеличение доли федерального бюджета – до 6 и 7 % соответственно.

В 2005–2010 гг. при сохраняющейся тенденции к росту доли привлеченных инвестиций и сокращению доли бюджетных средств начинает возрастать роль федерального финансирования по сравнению с региональным. Особенно заметно это проявилось в секторе производства и распределения электроэнергии, газа и воды, где бюджетное финансирование в целом занимает наибольшую долю (за обозначенный период в среднем около 20 %): здесь доля инвестиций из федерального бюджета выросла с 3 до 10 %, в то время как финансирование из бюджетов субъектов сократилось с 14 до 6 %. В обрабатывающем секторе доля федеральных бюджетных инвестиций также увеличилась примерно вдвое. С 2011 г. началось сокращение доли как бюджетного инвестирования в целом, так и инвестиций, поступающих с уровня Федерации и субъектов.

От государственно-частного партнерства к государственным корпорациям

В середине 2000-х гг. проблема недостаточности инструментария промышленной политики все еще стояла довольно остро. Требовалось расширить область использования горизонтальных методов воздействия [9]: мер, обеспечивающих благоприятную среду для развития отраслей экономики, включая подготовку кадров, государственный заказ, поддержку малого и среднего предпринимательства, финансирование исследований и разработок, расширение механизмов привлечения инвестиций [20]. Государство как инвестор активно искало партнеров для своих капитальных вложений, однако после неудач с ФПГ требовались иные варианты сотрудничества. Одной из важных форм инвестиционной деятельности в этот период стало государственно-частное партнерство (ГЧП) [4] – основанное на объединении вкладов и распределении рисков сотрудничество государственного и частного партнеров для решения государственных

и общественно значимых задач, осуществляемое путем реализации инвестиционных проектов по объектам, находящимся в сфере публичного интереса и контроля [2]. Поскольку в середине 2000-х гг. государство оставалось собственником значительного числа промышленных объектов, ГЧП могло использоваться и для привлечения инвестиций в развитие промышленности.

В 2005 г. вступил в силу закон⁷, регламентирующий применение одного из важных механизмов ГЧП – концессионных соглашений, в том числе закрепивший возможность заключать договоры на строительство или реконструкцию объектов производства и промышленной переработки в форме концессий. Основной целью принятия данного закона было обеспечение более эффективного использования государственного и муниципального имущества: концессии как контрактная форма ГЧП позволяют учесть все особенности взаимоотношений между концессионером (частным предприятием) и концедентом (государством) при заключении договора и таким образом осуществлять инвестиции в объект концессии на взаимовыгодных условиях [7]. Тем не менее, закон о концессионных соглашениях не привел к желаемому эффекту [10], прежде всего из-за нерешенности более глубоких проблем институционального характера – отсутствия доверия частного сектора к государству и неравноправного доступа участников рынка к государственной поддержке [9].

Для повышения качества решений об инвестировании были созданы институты развития – специализированные и формально обособленные от вертикали исполнительной власти государственные организации, обладавшие особым статусом и соответствующими условиями. В 2006 г. образованы два государственных института развития – Инвестиционный фонд РФ и ОАО «Российская венчурная компания», деятельность которых была связана с реализацией инвестиционных проектов в формате государственно-частного партнерства, в том числе и в сфере промышленности⁸. Вторым механизмом стали вертикально-интегрированные структуры, за счет которых, напротив, промышленные активы приближались к государству, становились более управляемыми и вовлеченными в реализацию государственных инвестиционных проектов. В определенном смысле промышленные вертикально-интегрированные структуры стали ответом на неудачи с ФПГ в 1990-е гг. и на недостаточную эффективность ГЧП в начале 2000-х гг. В 2007 г. начался процесс формирования вертикально-интегрированных структур в стратегически важных отраслях промышленности: к 2009 г. были созданы три крупных акционерных государственных холдинга в авиастроении и судостроении, позволивших государству как инвестору снизить издержки по управлению своими активами в данных отраслях и начать непосредственно влиять на развитие промышленности в соответствии с отраслевыми стратегиями [19].

Параллельно велась активная работа по созданию структур стимулирования промышленного развития в новой для данной сферы форме государственной корпорации⁹, представляющей собой особую организационно-правовую форму некоммерческих

⁷ Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях».

⁸ С 2007 г. Инвестиционный фонд РФ участвует в поддержке крупных проектов, относящихся к разным областям промышленности, а фонды РВК инвестируют в многочисленные высокотехнологичные и инновационные проекты.

⁹ За 2007 г. было сформировано 6 крупных госкорпораций, в числе которых Банк развития (Внешэкономбанк), Роснано, Ростехнологии и Росатом.

организаций, учреждаемых государством через принятие соответствующего федерального закона и внесение имущественного взноса. Привлекательность данной формы заключалась прежде всего в легкости и быстроте создания таких корпораций (по сравнению с отраслевыми холдингами с государственным участием). Кроме того, вносимое государством имущество становилось собственностью корпорации¹⁰, которая могла до некоторой степени автономно распоряжаться передаваемыми ей средствами для решения поставленных задач.

Государственные корпорации 2007 г. не были однородными по целям деятельности и осуществляемым функциям: Роснано и Внешэкономбанк создавались как финансовые институты развития, компенсирующие провалы рынка и государственного управления, Росатом и Ростехнологии – как инструменты повышения конкурентоспособности стратегически важных для российской экономики отраслей, реструктуризации и консолидации государственных активов, реализации отраслевой политики (в этом смысле они схожи с государственными акционерными холдингами) [21]. В 2009 г. появилась государственная компания «Автодор»¹¹, в 2015 г. – государственная корпорация «Роскосмос». Поскольку, согласно законодательству о некоммерческих организациях, целью госкорпораций и компаний не является ведение предпринимательской деятельности и получение прибыли¹², подобные организации в некотором смысле выступают в качестве посредников между государством и реальным сектором, обеспечивающих выполнение государственных задач через осуществление стратегически значимых проектов.

Государственные корпорации должны были решить проблему ограниченности доступного государству инструментария прямого воздействия на экономику для решения приоритетных социально-экономических задач. Их функционал предполагал возможность для Российской Федерации, с одной стороны, консолидировать свои активы по ключевым стратегическим направлениям и частично деприватизировать частные предприятия, чтобы сохранить их (пусть и в неэффективной форме), а с другой – оказывать финансовую поддержку производства в обход существовавших законодательных нормативов такого вмешательства. Во многом это обусловило избыточное разрастание госсектора при одновременном сокращении стимулов к развитию и оздоровлению инвестиционного климата [9].

Подчеркну, что в силу ограниченной правоспособности, прямо предусмотренной федеральным законом «О некоммерческих организациях», государственные корпорации не могли быть системными инструментами финансовой поддержки промышленности (Внешэкономбанк является исключением, так как по закону выполняет и функции кредитной организации) и не решали задачу позиционирования государства как активного инвестора. ГК «Ростехнологии» создавалась прежде всего для совершенствования механизма управления активами промышленных предприятий в госсобственности, а не для системной поддержки промышленности в целом.

¹⁰ Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О некоммерческих организациях».

¹¹ Федеральный закон от 17.07.2009 № 145-ФЗ «О государственной компании „Российские автомобильные дороги“ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

¹² Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О некоммерческих организациях».

Таким образом, в конце 2000-х гг. подходы к поддержке и финансированию промышленности расширились: формировались специализированные институты – государственные корпорации, холдинги, институты развития, которые позволили в целом справиться с возникающими социально-экономическими вызовами. Государство перешло от излишней изоляции по отношению к развитию промышленности к активному участию в деятельности отраслей, формированию крупных промышленных структур не под частным, а под государственным управлением и контролем и к созданию обеспечивающих институтов развития.

Субсидии в условиях ВТО и проектные принципы поддержки (2011–2017 гг.)

Одновременно с развитием роли государственных корпораций в промышленности происходила трансформация существующих механизмов финансирования, в частности различных форм субсидий. Несмотря на то что субсидия, как правило, – безвозвратный инструмент, она предоставляется в надежде на нефинансовую отдачу, получение результатов, рассматриваемых государством-инвестором с позиции собственного благосостояния: прироста налоговых платежей, увеличения занятости, прочих последствий экономического роста.

Субсидии занимают важное место в системе мер поддержки промышленных предприятий благодаря своей юридической природе: они носят целевой и компенсационный характер, т. е. предоставляются конкретным получателям для достижения конкретных целей и в то же время являются не источником дополнительной прибыли, а компенсацией определенных затрат.

С начала рассматриваемого периода до 2011 г. разработка и развитие различных форм субсидий велась в соответствии со стратегическими задачами, а частота применения росла по мере увеличения роли вертикального промышленного регулирования.

При вступлении во Всемирную торговую организацию (ВТО) многие субсидии, использовавшиеся, в частности, для технологического перевооружения, были отнесены к числу допустимых с точки зрения российского законодательства, но не соответствующих требованиям соглашений ВТО. Это заставило государство заняться реформированием мер финансового стимулирования промышленности и обратиться к косвенным механизмам воздействия на промышленное производство, в том числе к созданию технопарков, бизнес-инкубаторов и других элементов инновационной инфраструктуры [5].

Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» существенно видоизменил приоритеты субсидирования промышленности, предусмотрев пять предпочтительных категорий субсидий, которые могут предоставляться в сфере промышленности, причем две из них (на компенсацию части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным на реализацию новых комплексных инвестиционных проектов,¹³ и на проведение НИОКР¹⁴) предоставляются исключительно на конкурсной основе. По логике закона, субсидии должны быть одним

¹³ Постановление Правительства РФ от 03.01.2014 № 3 (ред. от 02.04.2015) «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на компенсацию части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях в 2014–2016 годах на реализацию новых комплексных инвестиционных проектов по приоритетным направлениям гражданской промышленности в рамках подпрограммы «Обеспечение реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»».

из способов привлечения инвестиций, повышая для частного инвестора рентабельность инвестиционного проекта. Это означает проектно-ориентированный подход с установлением четких показателей эффективности проекта, которых обязуется достигнуть получатель субсидии.

Подчеркнем, что указанные подходы к предоставлению субсидий в промышленности использовались государством еще до принятия Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации», но являлись скорее исключением, чем правилом. Примеры проектного подхода к возмещению затрат – Постановление Правительства России от 30.12.2013 № 1312 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на компенсацию части затрат на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по приоритетным направлениям гражданской промышленности в рамках реализации такими организациями комплексных инвестиционных проектов» и Постановление Правительства России от 03.01.2014 № 3 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на компенсацию части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях в 2014–2016 гг. на реализацию новых комплексных инвестиционных проектов по приоритетным направлениям гражданской промышленности». После вступления в силу закона все принимаемые акты о предоставлении субсидий имеют проектно-ориентированный подход. Еще одним финансовым механизмом содействия реализации проектов в промышленности стали государственные гарантии и льготные кредиты, введенные постановлением Правительства России от 11.10.2014 № 1044 «Об утверждении Программы поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на территории Российской Федерации на основе проектного финансирования». Они тоже предоставляются по итогам конкурсного отбора и носят целевой характер.

Текущий набор мер финансовой поддержки промышленности включает также механизмы поддержки институтов развития. Это, в частности, гранты, займы, кредиты, участие в капитале, которые зачастую определяются порядком предоставления субсидий из бюджета соответствующему институту. Последние имеют возможность в определенной мере автономно распоряжаться выделенными средствами, предоставлять их отобранным проектам на условиях ГЧП. После создания институтов развития «широкого профиля» в 2000-е гг. следующим вполне предсказуемым шагом было их формирование для решения более узких задач, в том числе задачи промышленного развития. Из числа действующих сегодня государственных институтов развития существенное влияние на модернизацию промышленности должен оказать созданный в 2014 г. Фонд развития промышленности, наделенный разнообразными возможностями стимулирования промышленного развития – на основе набора инструментов льготного заемного (возвратного) финансирования. Этот фонд, являясь автономным учреждением, полностью подконтролен государству в лице Минпромторга России. При этом он

¹⁴ Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на компенсацию части затрат на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по приоритетным направлениям гражданской промышленности в рамках реализации такими организациями комплексных инвестиционных проектов» от 30 декабря 2013 г. № 1312.

может более гибко и тщательно, чем сам минпромторг, решать вопросы проведения конкурсных процедур и оценки проектов. Указанные характеристики фонда позволяют считать его одним из эффективных способов привлечения государственных инвестиций в промышленность. По состоянию на апрель–май 2017 г. Фонд развития промышленности уже обеспечил привлечение 85,7 млрд рублей частных инвестиций. Стартовавшие (профинансированные) проекты обеспечат создание более 13 тыс. рабочих мест, а также порядка 80 млрд рублей будущих налоговых поступлений. С учетом того, что финансирование предоставляется на возвратной основе, на сегодня Фонд развития промышленности является наиболее удачным способом реализации государством инвестиционной политики в сферах, предполагающих эффективное промышленное развитие.

Итоги и перспективы развития механизмов финансового стимулирования развития промышленного производства

В течение последних 20 лет система финансового стимулирования развития промышленного производства существенно усложнилась и предоставляет субъектам промышленной деятельности гораздо больше возможностей для решения возникающих проблем. Под влиянием политических и экономических процессов менялись структура и инструменты финансирования промышленности: субсидирование приводилось в соответствие с нормами международного законодательства; возникали новые механизмы финансирования за счет создания государственных корпораций и институтов развития; финансовая поддержка в целом приобретала более адресный, целевой характер благодаря ориентации на конкретные стратегически важные проекты, отбираемые на конкурсной основе. Одновременно эволюционировала и роль государства как активного инвестора: от сокращения инвестиций и реализации отдельных адресных проектов к прямому вмешательству в деятельность промышленности и вновь к сокращению объемов государственной собственности и активного участия в финансировании инвестиций. При этом наблюдалась определенная цикличность идей и приемов, когда при решении задач в сфере государственного инвестирования использовались когда-то опробованные инструменты, но на ином уровне проработки и при лучшем технологическом и институциональном обеспечении.

Сегодня мы возвращаемся к идеям, впервые предложенным в 1990–2000-е гг., но по различным причинам отвергнутым или отложенным, не реализованным полностью. Государство, по-видимому, близко к тому, чтобы нащупать баланс между инструментами стимулирования, привести свою роль в инвестиционном процессе к оптимальной.

В условиях непростой экономической ситуации невозможно модернизировать промышленность исключительно «раздачей денег», как это делалось в самом начале становления инфраструктуры поддержки, или прямым вмешательством в процессы корпоративного управления. С учетом опыта 1991–2016 гг. сегодня необходимо развивать и масштабировать специализированные инструменты, основанные на действии экономических принципов и отвечающие стратегическим целям и современным вызовам развития промышленности. С нашей точки зрения, такие инструменты финансирования государством промышленных проектов должны отвечать следующими принципами:

1) ориентированность на достижение конкретных измеримых экономических результатов, что предполагает обусловленность финансирования достижением результатов;

2) объединение различных источников финансирования в целях достижения максимального экономического эффекта;

3) высокая степень управляемости проектов;

4) максимально прозрачные механизмы отбора финансируемых проектов.

Данные принципы должны использоваться не только в рамках субсидирования или возвратного финансирования, но и в рамках инструментов, традиционно не связанных напрямую с результативностью и проектным подходом. Речь идет о вкладах в уставный капитал акционерных обществ, управляющих отдельными отраслями промышленности, имущественных взносах в государственные корпорации, о предоставлении бюджетных инвестиций, в том числе в рамках государственных программ в промышленности. Применительно к сегодняшним механизмам промышленной политики четыре представленных принципа означают, что наиболее вероятными являются следующие процессы (тренды) эволюции роли государства как инвестора.

Необходимость достижения конкретных результатов, скорее всего, вызовет дальнейшее сокращение числа субсидий при одновременном усилении требований к их получателям. Получат распространение проектные субсидии, так как предоставление средств под конкретные проекты позволяет лучше контролировать достижение результатов. Это же станет и ограничительным фактором: необходимость отбора и мониторинга проектов требует существенных усилий.

Объединение различных источников финансирования потребует введения условия обязательного внебюджетного (по отношению к источнику средств) финансирования. После сложившейся на сегодня паузы вероятно оживление усилий по формированию государственно-частных партнерств, поиску новых взаимовыгодных форматов взаимодействия.

Высокая степень управляемости проектов будет реализована за счет двух противоположных процессов. Во-первых, следует ожидать сокращения прямого участия государства в корпоративном управлении и количества уровней управления. Скорее всего, будут реализованы инициативы по повышению качества корпоративного управления и защите интересов инвесторов (и государства как одного из них). Во-вторых, потребуются ревизия сегодняшних механизмов управления институтами развития с целью достижения максимально эффективного управления проектами и своего рода «разгрузки» ограниченных управленческих ресурсов органов исполнительной власти.

Прозрачность отбора проектов для осуществления государственных капитальных вложений, инвестиций, предоставления субсидий, с нашей точки зрения, будет обеспечиваться за счет введения обязательных публичных процедур конкурсного отбора и экспертизы проектов. По-видимому, их проведение (с учетом складывающейся на сегодня практики) будет возложено на институты развития.

Если представленные тенденции будут реализованы в рамках единой и понятной государственной стратегии социально-экономического, в частности промышленного, развития, можно ожидать стабилизации и окончательного оформления роли государства как активного промышленного инвестора и актора процесса развития промышленных производств в ближайшие 5...10 лет. Предполагаемый горизонт выбран нами исходя из сроков реализации инвестиционных проектов (3...5 лет), длительности электоральных (политических) циклов и основных результатов развития промышленной политики. Если же в этой перспективе достичь гармонии в действиях государства как инвестора не удастся, нас могут ждать новые резкие изменения курса, масштабов и механизмов участия органов власти в экономическом развитии.

Список литературы

1. Структурные изменения в российской промышленности / под ред. Е. Г. Ясина. – М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 365 с.
2. Белицкая, А. В. Государственно-частное партнерство: понятие, содержание, правовое регулирование / А. В. Белицкая. – М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2011. – С. 49–54.
3. Бодрова, Е. В. Эволюция государственной промышленной политики в СССР и Российской Федерации / Е. В. Бодрова, М. Н. Гусарова, В. В. Калинов; под общ. ред. Е. В. Бодровой. – М.: РЕГЕНС, 2014. – 940 с.
4. Бруссер, П. Государственно-частное партнерство – новый механизм привлечения инвестиций / П. Бруссер, С. Рожкова // Рынок ценных бумаг. – 2007. – № 2. – С. 29–33. URL: http://www.rcb.ru/data/articles_pdf_hidden_75261/2007/02/brusser.pdf (дата обращения: 09.10.2016).
5. Научная политика: глобальный контекст и российская практика / Л. М. Гохберг [и др.]. – М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2011. – 308 с.
6. Джазовская, И. Н. Преобразование мер государственной поддержки технического перевооружения в условиях вступления России в ВТО / И. Н. Джазовская, И. Г. Хохлова // Управление экономическими системами. – 2012. – № 41 (5). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/preobrazovanie-mer-gosudarstvennoy-podderzhki-tehnicheskogo-perevooruzheniya-v-usloviyah-vstupleniya-rossii-v-vto> (дата обращения: 26.10.2016).
7. Ермошина, Т. В. Государственно-частное партнерство в развитии наукоемких производств энергетической отрасли / Т. В. Ермошина // Российское предпринимательство. – 2015. – Т. 16. – № 15. – С. 2365–2374. URL: <https://bgscience.ru/lib/9287/> (дата обращения: 09.10.2016).
8. Идрисов, Г. Промышленная политика России в современных условиях / Г. Идрисов. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. URL: http://ier.ru/files/text/working_papers/Nauchnye_trudy-169.pdf (дата обращения: 25.10.2016).
9. Кузнецов, Б. Эволюция государственной промышленной политики в России / Б. Кузнецов, Ю. Симачев // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2014. – Т. 2. – №. 22. – С. 152–178.
10. Леонов, С. Н. Механизм государственно-частного партнерства. Необходимость использования и причины неудач / С. Н. Леонов // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2009. – №. 1. – С. 13–26. URL: <http://khstu.ru/vestnik/articles/151.pdf> (дата обращения: 26.10.2016).
11. Мукин, С. В. Оценка результативности реализации федеральных адресных инвестиционных программ / С. В. Мукин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 82. – №. 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-rezultativnosti-realizatsii-federalnyh-adresnyh-investitsionnyh-programm> (дата обращения: 25.10.2016).
12. Промышленность России: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. – 2002. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139918730234 (дата обращения: 29.09.2016).
13. Промышленность России: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. – 2005. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139918730234 (дата обращения: 29.09.2016).
14. Промышленность России: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. – 2008. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139918730234 (дата обращения: 29.09.2016).
15. Промышленность России: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. – 2010. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139918730234 (дата обращения: 29.09.2016).

16. Промышленность России: стат. сб. /Федеральная служба государственной статистики. – 2012. URL:http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139918730234 (дата обращения: 29.09.2016).

17. Промышленность России: стат. сб. /Федеральная служба государственной статистики. – 2014. URL:http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139918730234 (дата обращения: 29.09.2016).

18. Промышленность России: стат. сб. /Федеральная служба государственной статистики. – 2016. URL:http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139918730234 (дата обращения: 29.09.2016).

19. Россия на пути к новой технологической промышленной политике: среди меняющих перспектив и фатальных ловушек / Симачев Ю. [и др.] // Форсайт. – 2014. – Т. 8. – №. 4. – С. 6–23.

20. *Шелобовская, Н. В.* Сб. «Отраслевые инструменты инновационной политики» / отв. ред. акад. Н. И. Иванова. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – С. 33–57.

21. *Симачев, Ю. В.* Государственные корпорации: проблемы и новые возможности / Ю. В. Симачев, М. Г. Кузык //Официальный сайт Агентства по страхованию вкладов. – 2009. URL:<http://www.asv.org.ru/agency/methodological> (дата обращения: 29.09.2016).

22. *Цветков, В. А.* Проблемы формирования и развития финансово-промышленных групп РФ / В. А. Цветков //Промышленная политика в Российской Федерации. – 2003. URL:<http://www.cemi.rssi.ru/groop%20RF.php>. (дата обращения: 09.10.2016).

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (СПЭК) «ФОРСАЙТ
«РОССИЯ»: НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.
ПЕРЕЗАГРУЗКА»
(27 МАРТА 2017 ГОДА)**

С. Д. Бодрунов¹

**ВОЗВРАЩЕНИЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ – ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЭЛБРЕЙТА:
ОТ НИО.2 К НООСФЕРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ²**

Сегодня, через 50 лет после выхода книги Дж. К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество», многие высказанные им идеи находят свое подтверждение. *Индустрия возвращается, и вместе с ней возвращается Гэлбрейт*. Точнее, возвращается не индустрия, которая никуда не исчезала, – возвращается широкое понимание ее основополагающего значения для современной экономики.

А вот теории постиндустриального общества в целом не подтвердились. Разработчики постиндустриальных концепций отталкивались от результатов наблюдения за падением в современной экономике стоимостной доли материального производства (и его индустриального ядра) в валовом внутреннем продукте (ВВП). Но за внешней стороной они не увидели сохраняющуюся и даже возрастающую роль современных индустриальных технологий во всей системе общественного воспроизводства.

Истинными причинами снижения стоимостной доли индустриальных продуктов в ВВП развитых индустриальных стран являются:

- развитие индустриальных технологий, подразумевающих снижение доли материальной части в индустриальном продукте;
- удельное снижение энергоёмкости индустриального производства;

¹ *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, д-р экон. наук, профессор.

² По материалам доклада на III Санкт-Петербургском экономическом конгрессе «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перегрузка» (Санкт-Петербург, 27 марта 2017 г.).

- резкое снижение удельной себестоимости затрат на удовлетворение потребностей людей в рамках индустриального производства;
- физическое перемещение высокзатратных компонент индустриального сектора в страны с низкой стоимостью труда и ресурсов;
- «лукавство» традиционной статистики и учетной политики экономических ведомств, неадекватность архаичной концепции учета новым парадигмальным изменениям в мировом воспроизводственном процессе и т. д.

О драматическом снижении себестоимости индустриальной продукции в ВВП при наблюдении «синергии технологий» можно говорить, взглянув хотя бы на любой гаджет.

На руку «постиндустриальному тренду» (вводя исследователей в заблуждение) играет и учетная политика статистических ведомств, когда многие работы, связанные с индустриальным производством, относят к «услугам» без четкого выявления их сути.

Подчас географическое перемещение индустрии из развитых стран в новые индустриальные страны представляют как снижение ее роли в мировой экономике, хотя в реальности никакого падения индустриального производства не наблюдается (довольно странная слепота в эпоху глобализации...).

Правильно фиксируя возрастание значения знаний и информации в производстве, адепты теорий постиндустриального общества поддались иллюзии, что знания и информация могут заменить материальное производство, низведя его роль до ничтожного значения. В действительности, мир не переходит к постиндустриальному обществу (хотя зарождение некоторых «постиндустриальных» тенденций отрицать нельзя). Напротив, сейчас формируется новое качество индустриального производства, открывается путь к новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2). Суть этих изменений – в обретении нового качества самим материальным производством, становящимся знаниеинтенсивным производством знаниеемких продуктов, в которых технологические знания получают превалирующее значение как с точки зрения обеспечения принципиально иного качества продукта, удовлетворяющего возрастающие потребности человека, так и с точки зрения доли затрат в производстве такого продукта.

При этом изменяются только параметры материального производства, которое по своей технологической основе остается индустриальным. Все передовые технологические уклады материального производства (пятый и шестой) базируются, в основном, на тех или иных разновидностях индустриальной, машинной техники. Меняется облик индустриальных технологий – они становятся по преимуществу не механическими, а базируются на контролируемых человеком физических, химических, биологических, информационных и когнитивных процессах, составляющих основу нового технологического уклада и обеспечивающих наступление 4-й индустриально-технологической революции. Например, если прежние, субтрактивные (вычитающие) технологии базировались на механических процессах резания, спиливания, стачивания и т. п., то современные, аддитивные (технологии послойного добавления материалов) основаны в значительной мере на иных физических процессах (наплавлении, спекании, напылении и т. п.) в сочетании с современными информационными технологиями (3D-принтирование).

Но главный качественный скачок заключается в другом, в том, что позволило вовлечь в индустриальное производство широчайшую гамму контролируемых и направляемых человеком природных процессов (лазеры, ядерная энергетика, химия тонких процессов). Это стало возможным благодаря тому, что современное индустриальное

производство базируется на масштабном и все *ускоряющемся* технологическом применении новых *знаний*. Как таковое оно ознаменуется (в наиболее передовых сферах – уже ознаменовалось) все большим снижением материальной составляющей продукта. Удельная материал-, капитал- и трудоемкость изготовления изделий неуклонно снижаются, а составляющая применяемого человеком знания интенсивно растет. Производство постепенно переходит в режим непрерывной технологической инновации, а сами инновации распространяются в пространстве нового поколения индустриального производства в режиме «ускорения ускорения».

Такая перспектива заставляет нас ставить острые и актуальные для мира и нашей страны вопросы, среди которых и вопрос о преодолении Россией наследия деиндустриализации.

Речь идет не о возврате к прежней структуре экономики, а о новой индустриализации, базирующейся на технологиях самого передового рубежа наших знаний. Решение этой задачи диктуется не только современными тенденциями эволюции материального производства, но и необходимостью обеспечить подлинную экономическую самостоятельность нашей страны, которая невозможна без наличия крепкого научно-технологического ядра, опирающегося на высокотехнологичное индустриальное производство.

В свою очередь, новая индустриализация невозможна без отказа от стереотипов экономической политики «рыночного фундаментализма», унаследованных от 1990-х гг., и нелиберальных идеологических штампов. Прорыв в новое индустриальное будущее второго поколения требует изменения установок, государственных решений в сфере экономики, госпрограмм, реорганизации соответствующих институтов и т. д.

Резюмируя, подчеркну: необходима активная промышленная политика, опирающаяся на использование широкого спектра методов государственного регулирования экономики, вплоть до стратегического планирования, а также развитие государственно-частного партнерства, одной из главных задач которого станет реинтеграция производства, науки и образования. Потребуется она и реального – на деле, а не на словах – перехода к социально ориентированной экономике, без чего невозможно эффективно использовать главный ресурс инновационного, знаниеинтенсивного производства – образованного, культурного, способного к творческой деятельности человека.

И хотя набор требуемых изменений в экономической политике хорошо известен, нам приходится их повторять, ибо то, что овладело умами ученых, еще не стало практикой, а, как хорошо известно, «идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами».

Не забывая о насущных задачах, мы должны помнить и о *стратегической перспективе*. Куда приведет нас поток индустриального производства новой генерации – производства, в котором главную роль будет играть технологическое освоение новых знаний? В свое время подобным вопросом задавался Дж. К. Гэлбрейт. Обязаны задуматься над этим и мы, принимая во внимание колоссальные изменения, которые произошли за полвека после выхода в свет его книги.

Вслед за новой индустриально-технологической революцией неизбежно последует изменение общественного устройства, всего облика общества. Это общество и технологии, на которые оно будет опираться, создадут несравнимо более высокие возможности для удовлетворения человеческих потребностей. Широкое распространение знаниеемкого материального производства, сопровождающееся прогрессирующим снижением

материальных издержек и взрывообразным ростом инноваций, вскоре сможет удовлетворить потребности людей в реально необходимых им материальных благах.

Более того, современные знаниеемкие продукты способны удовлетворять настолько широкий спектр запросов, что человеческие потребности подчас не успевают за открывающимися возможностями. Один современный смартфон может удовлетворять такие потребности, о которых 30 лет назад писали разве что фантасты. А кто из нас может с уверенностью сказать, что он использует технические возможности своего смартфона на все 100 %?

И еще один вопрос. Только ли блага – как возможность максимально простого удовлетворения возрастающих потребностей – несет нам такой путь развития? Иначе – какие вызовы мы можем видеть? И сможем ли мы достойно ответить на вызовы новой – *технотронной* – цивилизации? Будет ли это общество гуманизма и широчайшего распространения «знаниетворящей» человеческой деятельности, общество гармонии с природой и преодоления социальных конфликтов, где человек будет в основном осваивать новые знания? Или материальные ограничения будут играть не главную роль, поскольку вместе с доступностью удовлетворения жизненных потребностей утратит свое первенствующее значение и частное присвоение материальных благ? Или нас ждет нечто противоположное...?

Да, мы понимаем, что есть угроза иного пути. Об этом можно долго говорить. Но – не сейчас. Отмечу лишь, что перед человечеством стоит дилемма стратегического характера: или превращение человека в придаток технотронной системы, или – ноосферная цивилизация.

В развитых странах человек, замороженный почти безграничными возможностями наращивания уровня удовлетворения своих потребностей, поддается соблазну сверхпотребления. В менее развитых странах в силу прежнего хронического недопотребления у миллиардов людей возникает угроза использования новых технологических возможностей для безудержного увеличения производства материальных благ, выходящего за рациональные пределы.

Эти тенденции чреватые раздуванием нерациональных, фиктивных, симулятивных потребностей. В первом случае это будет погоня за престижным потреблением все более изощренных и технологически продвинутых симулякров благ; во втором – бездумный рост объема традиционных предметов потребления (в подражание более развитым странам) и включение в гонку за удовлетворением симулятивных потребностей.

В этом случае давление на ресурсы Земли будет возрастать, несмотря на возможности существенного снижения ресурсоемкости производства. Безудержное потребительство грозит поглотить любое количество природных ресурсов и завалить Землю отходами, а то и ввергнуть человечество в пучину конфликтов за материальные блага и скудеющие ресурсы для их производства...

Возможность избежать такого исхода заключена в самом процессе освоения человеком новых знаний. Отметим ложность широко распространенного мнения о том, что современное производство основано прежде всего на производстве новых знаний. Все ускоряющееся приращение знаний – это не есть их производство. *Знание существует объективно и в этом смысле оно существует абсолютно.* Никто не производит знания, происходит лишь открытие того, что существует: Он не создал закон Ома, он лишь открыл для людей существующую в природе связь. Наш труд по «добыванию» знаний – это не создание, не производство, не придумывание новых знаний, а осознание, открытие конкретных его частей, шаг за шагом, расширение пространства знаний,

доступного в каждый конкретный момент человеку и человечеству в целом. Человек открывает знания в предметном мире, «распредмечивая» его и добывая заложенное в нем знание.

В то же время человек – это единственное существо, способное преобразовать окружающий материальный мир в нематериальный мир знаний. Познавая мир, человек способен лишь приблизиться к заложенному в нем абсолютному, неисчерпаемому знанию. При этом человек познает себя как особую часть мира, *способную к самопознанию*; познает интересы окружающих людей, как и вещного мира, и те связи – общественные связи, которые их объединяют. В процессе обретения новых знаний человек устанавливает критерии общественного бытия и совершенствует их.

Но и на этом пути нас подстерегают ловушки: новые знания означают и новые потребности, как вполне рациональные, так и симулятивные, избыточные. То, что избыточно сегодня, становится рациональным завтра, и в этом смысле симулятивные потребности, как и обычные, стимулируют производство. Однако многие симулятивные блага являются не просто относительно избыточными – некоторые из них лишь создают иллюзию полезного эффекта (к примеру, немалая часть косметической или медийной продукции), а другие имеют вредные побочные эффекты. По мере увеличения потребностей растет и пространство симулятивных потребностей и ресурсов, необходимых для их удовлетворения. Как предотвратить разбухание мира симулятивов, не позволить ему поглотить ресурсы Земли и погубить бессмертную душу человека? Ответ на эти сложные вопросы в принципиальном плане – прост. Все возникающие проблемы человечество решало, используя знания, находя решения в пространстве знаний. Самопознание – часть такого пространства, дающее ключ к решению этой проблемы.

На основе самопознания, рационализации критериев оценки собственной жизни, формирующего осознанное самоограничение, можно поставить барьер на пути безудержной погони за симулятивным потреблением и выйти на путь ноовариантного развития нашей цивилизации, о котором более полувека назад писал великий российский ученый Владимир Иванович Вернадский. Важнейшую роль в этом движении будет играть феномен культуры. Культура – особый вид знания, реализованный в поведенческой парадигме его носителя; она возникла в историческом процессе в рамках осознания человеком себя как личности, развиваясь в процессе познания человеком себя, своих интересов, интересов других членов сообщества, общества в целом.

Углубленное самопознание ведет к развитию мира человеческой культуры, ибо лишь соединение в одном лице человека знающего и человека культурного открывает путь к подлинно человеческому отношению к своим потребностям, к другим людям и окружающему миру (в первую очередь – к природе). Принятие парадигмы разумного ограничения симулятивных потребностей – это та дорога, идя по которой, мы, люди, создающие новое качество материального производства и индустрии (сфер, где главную роль играет опредмеченное знание), реализуем и те императивы, импульс которым задал 50 лет назад великий ученый Джон Кеннет Гэлбрейт.

Дж. К. Гэлбрейт¹

НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО: 50 ЛЕТ СПУСТЯ²

Для меня, моей жены и дочери большая честь присутствовать на мероприятии, посвященном 50-летию публикации главной работы моего отца Джона Кеннета Гэлбрейта – «Новое индустриальное общество». Я согласен с оценкой этого труда, высказанной профессором С. Д. Бодруновым: идеи, представленные в этой книге, как никогда актуальны и их следует развивать с учетом ситуации в мировой экономике. Важнейшая мысль, сформулированная в монографии, – это «концепция уравновешенной власти», в соответствии с которой успешная экономика, каковой на момент выхода книги являлась экономика США, основана отнюдь не на рынках как панацее от всех бед. Она основана на эффективных организациях широкого профиля, способных внедрять передовые технические, финансовые и маркетинговые нововведения и действовать в условиях внешних ограничений при сохранении регулирования со стороны общественных организаций, правительства, профсоюзов, обществ потребителей, научного сообщества и других институтов гражданского общества.

Проблема СССР заключалась не в отсутствии рынков, а в отсутствии регулирования со стороны упомянутых инструментов и как следствие – в неспособности адаптироваться к изменениям производительных сил. Поэтому введение свободных рынков привело не к улучшению ситуации, а к коллапсу с рядом негативных последствий, включая разграбление страны (как извне, так и изнутри). В США введение систем внешнего планирования (иногда более современных и развитых, адаптированных к новым мировым условиям и апробированных в Японии, Корее и других странах), а также значительное расширение сферы влияния финансовой олигархии и крупных банков привели к выделению технологических компаний в независимые единицы, ориентированные на рост капитализации, что способствовало разрушению традиционных промышленных отраслей и во многом обусловило рост популярности таких одиозных политиков, как Дональд Трамп, на региональном уровне.

К странам, экономика которых наиболее близка моему представлению о новом индустриальном обществе, я отношу Германию и Японию. Идеи моего отца в той или иной степени были востребованы в обеих странах, и его влияние там остается весьма значительным. Отец считал, что плановая система не может функционировать без наличия хорошо обученного, устойчивого, стабильного, продвинутого и разнообразного по своему составу класса инженеров, менеджеров, дизайнеров, юристов и пр., работающих на условиях относительного равноправия и коллективной ответственности. При этом гипертрофированное развитие какого-либо сектора (например, финансового

¹ *Джеймс Кеннет Гэлбрейт*, профессор Техасского университета в Остине, д-р экон. наук.

² По материалам доклада на III Санкт-Петербургском экономическом конгрессе «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перегрузка» (Санкт-Петербург, 27 марта 2017 г.).

или высокотехнологичного) с перераспределением доходов в значительной степени в пользу данного сектора является предвестником упадка, подрывает основы эффективной и сбалансированной экономики и тормозит процессы ее обновления и реформирования. Этот феномен четко прослеживается в американской и других экономиках и, помимо всего прочего, сказывается на состоянии нашей системы высшего образования.

Плановая система нуждается в компетентном и автономном органе управления, способном осуществлять регулятивные функции – устанавливать стандарты и обеспечивать их соблюдение. Основное различие между развитыми и развивающимися странами, по моему, заключается не в уровне образования и не в применении продвинутых технологий (по крайней мере, не только в этом), и даже не в развитости инфраструктуры, хотя она тоже очень важна, а в способности устанавливать и поддерживать эффективные стандарты. Именно в сфере разработки стандартов для потребительских товаров социалистические системы испытывали значительные трудности. Китай частично решил эту проблему путем импортирования стандартов с Запада (не затронув экологические аспекты). Рост экономики скандинавских стран на протяжении XX в. во многом обусловлен улучшением промышленных технологий, которое опиралось на введение стандартов, регулирующих размер заработной платы, и развитую систему профсоюзов.

Когда корпоративное или иное лобби получает контроль над регулирующими органами и начинает диктовать свои правила, происходит деградация системы, поскольку в данном случае основная цель – извлечение краткосрочной прибыли. Эффективное движение вперед невозможно без планомерной и тяжелой работы. Что делать в таком случае? Я думаю, что и США, и России нужно определить приоритеты развития, выработать соответствующую стратегию и приступить к ее реализации. Изучение комплексных организаций и их взаимодействия с государством, рабочей силой, наукой, технологиями и финансами является сегодня фундаментальной задачей. Решив ее, мы сможем перейти от бесплодной экономической модели к конструктивной, базирующейся на полезных знаниях, а не на пустых измышлениях и заумных эзерсисах, которые долгое время являлись основой карьерного роста в экономике и определяли вектор развития нашей науки.

Кроме того, каждой стране следует провести открытые, публичные консультации, чтобы оценить стратегии развития без вмешательства банкиров, олигархов, государства и выбрать базу, на которой широкие слои гражданского общества могут прийти к консенсусу. Это возможно только при устранении проблем, обусловленных ярко выраженным социальным неравенством и концентрацией власти в одних руках. Главный вопрос заключается в том, сможет ли общество достичь консенсуса по целому ряду проблем и сбалансированных требований или мы обречены руководствоваться узкими интересами конкретной группы лиц. Мои исследования показывают, что в мировом масштабе успешными являются демократические общества, которые относительно эгалитарны, открыты и не управляются миллиардерами и генералами.

И, наконец, мысль, которая была важна для моего отца и очень близка лично мне. На протяжении 20 лет я как председатель организации «Экономисты за мир и безопасность» сотрудничаю со многими российскими коллегами из среды экономистов и исследователей. И понимаю – в отсутствие мира все остальное теряет смысл: «Война, – как писал Джон Мейнард Кейнс, – главный пожиратель надежд, мечтаний и возможностей». Мы все взаимосвязаны и находимся в зоне риска, и сегодня, возможно, в большей

степени, чем когда бы то ни было. Нам необходимо научиться уважать личное пространство, различия, преодолевать недоверие и, самое главное, осознать, что каждый народ имеет право решать свои проблемы самостоятельно. Это относится ко всем странам, но я в первую очередь имею в виду отношения между нашими двумя державами.

И в заключение позвольте процитировать слова моего отца, прозвучавшие в инаугурационной речи президента Джона Кеннеди в 1961 г.: «Не стоит договариваться из страха, но давайте не будем бояться вести переговоры».

Р. И. Нигматулин¹

НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ²

Не так просто понять простые мысли.
Георгий Свиридов

Нобелевский лауреат по физике академик П. Л. Капица в 1935 г. в письме Н. Бору писал: «Ученые больше всего озабочены созданием условий для своей личной работы и терпеть не могут *широкой постановки* вопросов». Выдающихся деятелей науки отличала критичность к ученым, презрение к бессодержательности, которую И. П. Павлов [1] называл «контрабандной натурфилософией».

Из сознания большей части специалистов по экономике (в России и индустриальных странах) ушло понимание того, что главная причина экономических кризисов – недостаточный (не сбалансированный с ВВП) покупательский спрос из-за присвоения классом богатых избыточных доходов. Именно этот дисбаланс лежит в основе критики капитализма Карлом Марксом.

В начале 2015 г. Стив Форбс, главный редактор знаменитого журнала «Форбс», в передовой статье подверг резкой критике экономистов и политических лидеров *«за неспособность оценить, чем сегодня болеет большинство экономик, и назначить правильное лечение. Эта поразительная неспособность удручает и свидетельствует об их твердолобом отказе изучить факты, глубинной эмоциональной приверженности фальшивым идеям и умственной лени»*. Сильнее не скажешь. С. Форбс утверждает, что кризис 2008–2009 гг. не преодолен и такого ущербного восстановления никогда не было. Валовой продукт мира, составляющий 73,5 трлн долларов, в 2009 и 2015 гг. сокращался по сравнению с предыдущими годами на 5,3 и 4,9 % соответственно. Индекс валют развивающихся стран относительно доллара снизился³ на 8,5 %. Экспорт развивающихся стран сократился на 10 %.

В России экономисты ограничиваются декларированием тривиальных «необходимых условий» экономического роста: свобода предпринимательства, конкуренция, верховенство законов. Пафос таких деклараций понятен – в России даже эти условия не обеспечиваются.

Роль платежеспособного спроса. В подавляющей части публикаций игнорируется упомянутая выше причина угнетающих экономику кризисов – несбалансированность платежеспособного *спроса*, определяемого доходами среднего и бедного классов, составляющих 95 % населения [2–4]. А платежеспособный спрос определяется

¹ Роберт Искандерович Нигматулин, академик РАН, директор Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН, д-р физ.-мат. наук, профессор.

² По материалам доклада на III Санкт-Петербургском экономическом конгрессе «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перегрузка» (Санкт-Петербург, 27 марта 2017 г.).

³ Наш рубль упал по отношению к доллару в два раза.

фондом оплаты труда (ФОТ) этих 95 % населения. В настоящее время ФОТ существенно ниже сбалансированного из-за упомянутого выше избыточного (несбалансированного) присвоения доходов богатым классом. Именно это роднит нынешний глобальный кризис с марксовым *кризисом перепроизводства* (см. анализ Р. И. Хасбулатова [5]). Необходимо понять две теоремы.

Теорема 1. Единственный двигатель рыночной экономики – платежеспособный спрос.

Теорема 2. Главный инвестор экономики – народ, получающий сбалансированную зарплату.

Народ получает зарплату и покупает товар. В его цену должна входить *цена амортизации средств производства*, которая должна *компенсироваться инвестиционной компонентой и входить в сбалансированную цену*. А для этого зарплата народа должна быть *сбалансирована с ценами, а цены – сбалансированы с издержками*.

Роль сбалансированного распределения доходов. Рассмотрим показатели дисбалансов в распределении доходов в России. По данным вице-преьера Правительства РФ О. Голодец, за *чертой бедности* (доход меньше 9700 рублей в месяц на человека) находятся 16 % населения (23 млн человек). Статистика показывает, что зарплата 50 % трудящихся – меньше 20 тыс. рублей в месяц. И на этом фоне бедности 0,4% семей (200 тысяч) имеют доход более 5 млн рублей в месяц, т. е. 0,4 % населения забирают себе ~ 10 трлн рублей в год. А весь федеральный бюджет составляет 15 трлн рублей в год. Разрыв между богатыми и бедными катастрофически растет. Поэтому за три последних года продажа отечественных (относительно дешевых) автомобилей сократилась на 40 %, а автомобилей класса «люкс» только в 2016 г. выросла на 23 %.

Показателями несбалансированности распределения доходов являются децильный коэффициент D и реже упоминаемый центильный коэффициент d , равный доле от доходов всех домашних хозяйств, которая приходится на 1 % богатейших. Он гораздо лучше характеризует социально-экономический строй. Его значимость доказывается в книгах Дж. Стиглица [6] и Т. Пикетти [7].

Рассмотрим динамику этих коэффициентов в США. В 1990 г. децильный коэффициент D составлял 6 %, в 2008 г. – 9 %, в 2011 г. – 15 %. Центильный коэффициент d в 1927 г. равнялся 18,7 %, в 1973 г. – 7,7 %, в 1990 г. – 12 %, в 2012 г. – 19,3 %, в 2015 г. – 25 %.

Как видим, в настоящее время эти параметры имеют аномальные значения с креном в пользу богатого класса. В частности, центильный коэффициент выше, чем во время Великой депрессии (1927 г.). Кризис был преодолен командой Франклина Рузвельта после реформ, в результате которых центильный коэффициент снизился в 2,5 раза (до нормы – 7...8 %) за счет прогрессивной налоговой шкалы, закона о минимальной оплате труда, ограничений на вывоз капиталов и других мер, направленных на повышение доли доходов среднего и бедного классов. В 1950–1960-е гг. налоги с высоких доходов, получаемых в результате финансовых процедур, доходили до 92 %. Благодаря этим реформам средний класс США стал зажиточным, в стране были созданы комфортные условия для большинства жителей. Но начиная с 1980-х гг. класс богатых добился изменений экономического порядка, позволивших кратно сократить отчисления в федеральный бюджет с высоких доходов корпораций и их богатых собственников. Это привело к ухудшению экономического состояния среднего класса и кратному росту децильного и центильного коэффициентов (что свойственно разбалансированной экономике) из-за близорукого перераспределения доходов в пользу богатого меньшин-

ства. Тормозящее экономику избыточное неравенство подробно описано в работах профессора А. Ю. Шевякова на примере России и других стран [8].

Таким образом, ресурсы для преодоления современного кризиса нужно искать не в сокращении (под флагом экономии) *доходов бедного и среднего классов*, определяющих *покупательский спрос* страны, а в сбалансированном снижении *сверхдоходов богатого класса* (около 1 % населения). Вот это будет реальной экономией, идущей на увеличение покупательского спроса и инвестиционного потенциала. Отсюда следует парадоксальная, на взгляд основной массы экономистов, исповедующих псевдотеории 1980–1990-х гг., теорема [2, 3].

Теорема 3. Когда в экономике кризис, правительство в первую очередь должно думать не о сокращении своего бюджета и зарплат, а об *увеличении сбалансированного покупательского спроса*, в том числе и через зарплаты бюджетников за счет *сбалансированного сокращения доходов богатых* в пользу бедного и среднего классов.

Об этом же пишут нобелевские лауреаты по экономике Джозеф Стиглиц и Эрик Маскин. А Людвиг Эрхард, творец немецкого послевоенного экономического чуда в Германии, сформулировал еще одну важнейшую теорему.

Теорема 4. Покупательский спрос должен умеренно опережать производственные возможности.

Пороки российской экономики. Для российской экономики децильный коэффициент $D = 16$, а центильный, по разным оценкам, $d = 30 \dots 50$ %. Такие значения указанных коэффициентов характеризуют аномальное социальное неравенство в России, где супербогатое население (1 %) владеет 71 % всей самой прибыльной собственности, приносящей большие доходы, не облагаемые балансирующими экономическую налоги. В результате в России гораздо сильнее ослаблен двигатель экономики, коим является платежеспособный *спрос*.

Это одна из коренных причин плохого развития российской экономики и ее производительных сил. Аномально высока доля производства сырья, пользующегося спросом за рубежом. Наш экспорт на 92 % состоит из сырья и полусырья (нефть, газ, нефтепродукты, уголь, руда, металлы, удобрения, древесина, целлюлоза), а доля производства товаров потребления у нас мала. Нефти мы добываем 3,5 тонны на душу в год (столько же потребляется в США). Из них 2,5 тонны Россия экспортирует в виде сырой нефти и продуктов относительно простой переработки (бензин, керосин, дизельное топливо, мазут). У нас в стране на них нет сбалансированного спроса из-за малой доли перерабатывающих отраслей, потребляющих сырье (потребляем меньше 1 тонны).

У нас сократилось машиностроение, в частности производство самолетов. В «брежневское» время производилось до 160 гражданских самолетов в год, а сейчас – около 20...30. Мы теряем высочайшие авиационные технологии. В 1989 г. в РСФСР было 140 млн авиапассажиров в год, а в 2006 г. – всего 37 млн. В 2013 г. их стало 84 млн, а в США – около 800 млн авиапассажиров. На каждого жителя России приходится 0,6 полета в год, а в США – 2,5 авиапассажира в год. Там весь средний класс систематически летает на самолетах, потому что для этого имеется достаточная зарплата.

Теорема 5. Пока учитель, инженер, агроном со своей семьей не сможет на свою зарплату хотя бы один раз в год (а это два полета на каждого человека) слетать на самолете в отпуск, нам не нужно будет много самолетов.

Необходима *сбалансированная зарплата среднего класса*, достаточная, чтобы увеличить спрос на авиаполеты. А это возможно пока только за счет уменьшения сверх-

доходов богатых в пользу среднего класса. В противном случае самолеты «проще» купить у иностранных фирм.

Из-за падения зарплат в 2014–2015 гг. и сокращения платежеспособного спроса сокращается производство отечественных автомобилей (АвтоВАЗ – на 30 %, КамАЗ – на 60 %), а также строительство жилья.

Налоги как инструмент гармонизации покупательского спроса. Важнейшими инструментами гармонизации и балансировки социального неравенства являются *налоги* (на доходы, богатую собственность, роскошь, большие наследства), а также закон о минимальной оплате труда, достаточной для воспроизводства населения и благоприятной социальной атмосферы.

Во всех индустриальных странах одним из способов приведения экономики в сбалансированное состояние является прогрессивная налоговая шкала. Подчеркиваю – *во всех!* Но западные налоговые стандарты в последние десятилетия ослабили налоги на сверхбогатый класс, который большую часть доходов тратит не на товары, а на раздувание финансовых пузырей. Увеличение доли доходов богатых приводит к уменьшению доли доходов среднего и бедного классов, а следовательно, к сокращению покупательского спроса на товары.

В России плоская шкала налогов выполнила свою позитивную роль. Она позволила развить налоговую систему в рыночных условиях. На следующем этапе следует сохранить плоскую шкалу налогов для 99 % населения и ввести налог на сверхбогатство 1 % населения, например, на доходы, превышающие 30 млн рублей в год (2,5 млн рублей в месяц), и недвижимость стоимостью выше 100 млн рублей. Реформа налоговой системы должна перенести нагрузку с бизнеса на высокие (нетрудовые) доходы богатого класса (сдача в аренду, доходы от акций, большие наследства) и с трат на роскошь. Собранные таким образом ресурсы могут быть использованы для поддержки образования, здравоохранения, науки и культуры, в частности на повышение зарплат в этих сферах. А это повысит покупательский спрос и инвестиционный ресурс в соответствии с теоремами 1–3.

Теорема 6. Налоги на сверхбогатство (сверхбольшие доходы и сверхбогатую собственность) являются *необходимым условием* экономического роста в рыночной экономике.

Сбалансированная доля госрасходов. Доля госрасходов (консолидированного госбюджета) в социальном государстве должна составлять около 50 % от ВВП, как в большинстве стран Европы⁴, а не 30 %, как в России. Только тогда можно обеспечить сбалансированные нормы расходов социального государства на образование, здравоохранение, науку и культуру, которые в сумме должны составлять 25 % ВВП, а не 10 %, как сейчас в России.

Некоторые критики правительства предлагают восполнить недофинансирование социальных расходов сокращением военных расходов, которые в последние годы составляют всего 4 % ВВП, и на них много не сэкономишь⁵. А недофинансирование социальных и других расходов составляет около 20 % ВВП. И эту сумму надо восполнить за счет сбалансированного сокращения доходов богатого класса посредством на-

⁴ В странах Скандинавии, Канаде, Дании и др. эта доля еще выше (60 %).

⁵ Да и международная обстановка не располагает к сокращению оборонных расходов. Россия должна укреплять свою армию.

логов на сверхбогатство. Переход к такому балансу между ВВП и госбюджетом приведет Россию к нормам социального государства, принятым во всех странах Европы и Северной Америки. А сейчас Россия (вопреки положениям Конституции) до социального государства европейского уровня существенно не дотягивает. Об этом же свидетельствует вопиющий факт: зарплата российского профессора в 10 раз меньше зарплаты депутата парламента. Во всех странах эти зарплаты примерно одинаковы.

Анализ соотношений между зарплатами и ценами на основные товары в сбалансированных экономиках зарубежных стран сводится к теореме.

Теорема 7. Минимальная зарплата должна быть равна стоимости примерно 1000 литров бензина, а средняя – в два раза больше.

Максимальные зарплаты, выплачиваемые за счет госбюджета (в том числе чиновникам высшего ранга), должны назначаться таким образом, чтобы минимальные были не меньше 15 % от максимальных. Повышение благосостояния чиновников должно быть согласовано с благосостоянием народа.

Вводить эти инструменты надо постепенно, но твердо: например, в первый год ввести повышенную ставку налога на доходы физических лиц, превышающие 30 млн рублей в год, затем – на доходы, превышающие 25 млн рублей в год, и т. д. Регионам надо дать право вводить повышенную ставку налога на недвижимость стоимостью более 50 млн рублей. В переходный период налоговую шкалу следует корректировать каждый год. Чем позже начнем, тем тяжелее будет выходить из кризиса. Ведь создание сбалансированной налоговой системы, обеспечивающей сбалансированные с ВВП госрасходы, требует времени, высокой квалификации налоговой службы и осознанной дисциплины высокооплачиваемой части народа.

Параллельно необходимо ослаблять налоги на бизнес, на добавленную стоимость, перекладывая налоговую нагрузку на высокие доходы, дорогую собственность и потребление роскоши.

Балансы цен и зарплат. Сбалансированы должны быть и цены на основные товары. Анализ цен в развитых странах сводится к следующей теореме.

Теорема 8. Цена 1 кг простого хлеба должна равняться цене 3...4 литров бензина, а не 1 литра, как сейчас.

В результате отрасли, производящие топливо, имеют повышенные доходы, а производители хлеба и других необходимых социальных товаров недофинансируются. Все потому, что при существующих зарплатах бедного и среднего классов и завышенных ценах на бензин невозможно сбалансировать цены на социальные товары. Следовательно, необходимо снижать цены на бензин (сокращая налоги на внутреннее потребление топлива и избыточную прибыль) и повышать зарплату бедного и среднего классов.

Аналогично ориентиром должно служить сбалансированное соотношение для стоимости жилья: 1 кв. метр жилья для среднего класса должен стоить примерно столько же, сколько 2000 литров бензина. Это соотношение характерно для стран с климатом, близким к среднероссийскому.

Представленные соотношения цен должны достигаться не административными методами, а с помощью рыночных инструментов государства (налогов, акцизов и др.).

Уровень управления экономикой. Еще одной причиной неблагополучия нашей экономики является неэффективность управления. Если в 1970–1990 гг. на каждый рубль инвестиций отдача составляла 4,2 рубля, то в 2000–2014 гг. – только 2,7 рубля. И никого в правительстве это не заставляет задуматься.

У руководителей финансово-экономического блока нет понимания межотраслевого баланса (МОБ). Россия единственная страна, которая не рассчитывает МОБ. В. В. Леонтьев, разработавший этот метод, был награжден Нобелевской премией. Для таких расчетов необходима математическая подготовка, которая сейчас не дается на экономических факультетах, и нынешние специалисты и руководители экономического блока в правительстве его просто не способны понять.

Пренебрежение основами МОБ привело к тому, что Правительство РФ в 2008 г. утвердило энергетическую стратегию страны (с претенциозным названием ГОЭЛРО-2). В этой программе был ошибочно завышен в 4,5 (!) раза прирост электропотребления и соответствующий ему необходимый прирост электрогенерирующих мощностей и сетей к 2020 г. Для обеспечения соответствующих инвестиций была дополнительно поднята цена на электроэнергию на 20 %, взяты кредиты в госбанках под 15 %. А в результате сегодня простаивают 15 ГВт генерирующих мощностей. Эта ошибка обошлась госбюджету в 2,5 трлн рублей за 6 лет, что равно бюджету всех институтов РАН за четверть века. Такова цена только одной макроэкономической ошибки. И выводов из этой истории не только в правительстве, но даже специалисты по экономике не сделали. И таких ошибок из-за непонимания экономических балансов очень много.

В результате политическое руководство страны имеет грубо искаженные экономические ориентиры. Президент страны в 2012 г. в одном из своих выступлений заявил, что к 2020 г. будет построено 32 новых блока атомных электростанций, а чуть позже стали говорить о 28 блоках. А будет построено всего 6 блоков – больше по энергетическому балансу и не нужно. Где программы по удвоению ВВП, объявленные в 2005 г.? Где 25 миллионов высокотехнологичных мест, обещанных к 2020 г.? Никто не отвечает за невыполнение обещаний, данных на самом высоком уровне. Неквалифицированные и безответственные руководители годами сидят на своих местах, получая зарплаты, многократно превышающие зарплаты учителей, врачей, профессоров.

Правительство плохо собирает налоги и при этом гордится своей антисоциальной, а самое главное – антиэкономической, плоской (точнее, регрессивной) налоговой шкалой. Мифы об эффективности нынешнего налогового законодательства и системы сбора налогов в РФ опровергают В. А. Кашин и М. Д. Абрамов [9]. По их данным, по существующему законодательству с доходов физических лиц, по ставкам социального страхования, экспортным и импортным пошлинам, по ставкам на добавленную стоимость и незаконное его возмещение недополучено налогов в сумме 8,2 трлн рублей.

Одной из причин падения производства является завышенная в два раза цена на электроэнергию и топливо из-за высокой прибыльности и избыточного налогообложения. Нарушение баланса приводит к самым высоким ценам на электроэнергию по курсу покупательной способности среди индустриальных стран. Последнее снижает конкурентоспособность российских производств даже на внутреннем рынке. К сожалению, это также не беспокоит правительство.

Руководители правительства часто жалуются на неэффективность науки в разработке новых технологий. Напомним очень важную теорему экономики знаний и инвестиционной атмосферы.

Теорема 9. Организация спроса на знания является важнейшей функцией государства. Главная вина за слабое внедрение новых технологий лежит на государстве.

Заключение

У России имеется восемь главных ресурсов экономического роста и усиления производительных сил:

1. Часть *сверхдоходов* очень богатых, которая должна аккумулироваться с помощью *налогов* (существующих в США, Канаде и всех европейских странах).

2. *Сбалансированное* повышение оплаты труда 90 % населения, чтобы обеспечить *баланс зарплат, цен и издержек производства*. Сбалансированные зарплаты позволят самому народу (покупателю) финансировать инвестиционные компоненты товаров, оплачивая их по *сбалансированным ценам*.

3. *Уменьшение* налогов на бизнес, создающий рабочие места. Налогами надо *облагать высокие доходы физических лиц*.

4. *Целевое кредитование* и *оздоровление финансового сектора* в соответствии с программой академика С. Ю. Глазьева [10, 11].

5. Снижение цен на *энергоресурсы и электроэнергию* на внутреннем рынке (их следует сбалансировать с *издержками, снизив налоги и избыточную прибыль*).

6. Сокращение *паразитического вывоза капиталов* и трат на содержание роскоши за границей, сокращение *офшорной экономики* (см. также доклад А. Г. Аганбегяна [12]).

7. Сокращение трат на избыточный госаппарат, ненужные проекты и стройки, которые являются результатом *низкой квалификации «элиты»* экономического блока и его *классовой заинтересованности* в своих избыточных доходах.

8. Борьба с коррупционерами, эффективная судебная-правовая система.

Следует сосредоточить инвестиции на отраслях экономики, дающих относительно быструю отдачу:

- жилье для народа (см. также доклад А. Г. Аганбегяна [12]);
- нефте- и газохимия;
- электрогенерация на основе парогазовых турбинных установок, энергосбережение;
- сельское хозяйство и пищевая промышленность;
- высокотехнологичные отрасли: авиационная промышленность, биотехнологии, фармацевтика (см. программу С. Ю. Глазьева [10, 11]).

Проведение этих мероприятий требует *высокой квалификации правительства*, которое должно меняться *эволюционно*, а не в результате потрясений. Для этого необходимо усилить ответственность за провалы, а также экспертную деятельность, способствовать политической конкуренции и свободе слова в СМИ (особенно на федеральных каналах ТВ).

В системе управления главные роли должны играть профессионалы, специалисты (инженеры, агрономы, врачи и т. д.), проявившие себя в производстве на всех ступенях своей карьеры. Менеджеры, экономисты и юристы должны помогать управлять, а не главенствовать.

Оппозиции следует объединяться и работать с научной интеллигенцией и деятелями культуры. При поддержке Президента РФ следует организовать *оппозиционные (теневые) правительства* (в Великобритании оппозиция в парламенте называется «Оппозицией Ее Величества» и помогает Ее Величеству и общественности разбираться в делах страны), в которых помимо парламентариев должны быть специалисты. Теневое правительство должно не только критиковать решения правительства, но и выдвигать позитивные решения, помогая ему и президенту.

Необходимо сделать все, чтобы предотвратить революционный обвал власти в стране. Поддерживая государственную власть и президента, необходимо оказывать критическое давление для проведения позитивных преобразований (в том числе и через выборы), которые отвергаются чиновничеством. Это тем более важно, что Россия поставила перед собой ряд геополитических задач в противовес западным странам.

Возникновению социальной нестабильности могут способствовать:

1. Аномальное социальное расслоение, коррупция, российские богачи, скупающие роскошь в Европе, на фоне материальной необеспеченности народа. Эти факторы усиливают враждебность к России на Западе после кризиса на Украине.

2. Неадекватность «антикризисного плана». Реакция на уровне инстинктов, «унылый» секвестр бюджета и упование на «ручное управление»⁶.

3. Порочность идейного багажа нынешних проповедников «экономической религии», исповедуемой в правительстве.

Переход от дисбалансов к сбалансированным показателям связан с переделом доходов. Необходимо цивилизованное повышение налогов только на сверхвысокие доходы и дорогую собственность (и только на них!). Сначала это должно затронуть 1 %, позднее – 3...5 % населения, и никак не должно задеть средний класс, который не должен заполнять налоговые декларации, чем пугают «элита» и ее «интеллигентская» обслуга. Кроме того, передел следует осуществлять эволюционно (без скачков), но неуклонно. Задержка приводит к необратимому разрушению производительных сил и нарушению социальной стабильности.

Список литературы

1. Павлов, И. П. О русском массовом уме / И. П. Павлов // Природа. – 1999. – №8. С. 93–102. (см. также <http://newcontinent.ru/story/pavlov.htm>, <http://shri-boomer.livejournal.com/411816.html>)

2. Нигматулин, Р. И. Кризис и модернизация России – тринадцать теорем / Р. И. Нигматулин, Б. И. Нигматулин. – М., 2010. www.mk.ru/economics, www.ocean.ru.

3. Нигматулин, Р. И. Исходные теоремы модернизации экономики России / Р. И. Нигматулин, Б. И. Нигматулин // Неэкономические грани экономики: непознанное влияние / под ред. О. Т. Богомолова. – М.: ИНЭС, 2010. – С. 37–61.

4. Нигматулин, Р. И. Экономический кризис, экономические балансы, научная интеллигенция / Р. И. Нигматулин // Сб. материалов II международного конгресса «Производство, наука и образование в России: преодолеть стагнацию» / под ред. С. Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016. – С. 43–52.

⁶ Ни покупательная способность трудящихся, ни федеральный, ни региональные бюджеты, сложившись, не смогут оплатить издержки РЖД на пригородные поезда. А при советской власти эти издержки оплачивались. Каждый год у нас сгорают дома престарелых, сирот или психиатрический стационар с десятками жертв. Таких базовых проблем, связанных с экономическими дисбалансами – катастрофическим недофинансированием важнейших экономических и социальных сфер страны, очень много, и они не могут быть решены в рамках нынешней парадигмы Правительства РФ и правительств регионов с госбюджетом, составляющим всего 30 % ВВП, тогда как в социально сбалансированной стране госбюджет должен составлять 50 % ВВП.

5. *Хасбулатов, Р. И.* Закат рыночного фундаментализма. Теория, политика, конфликты / Р. И. Хасбулатов. – М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2014. – Т. 1, 2.
6. *Стиглиц, Дж.* Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99 % населения? / Дж. Стиглиц. – М.: Эксмо, 2016. – 480 с.
7. *Пикетти, Т.* Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 592 с.
8. *Шевяков, А. Ю.* Неравенство, экономический рост и демография: исследование взаимосвязи / А. Ю. Шевяков, А. Я. Кирута. – М.: МСЭПН РАН, 2009.
9. *Кашин, В. А.* Промышленная политика и налоговое регулирование / В. А. Кашин, М. Д. Абрамов. – М.: Ин-т проблем рынка РАН, 2015.
10. *Глазьев, С. Ю.* О таргетировании инфляции / С. Ю. Глазьев // Вопросы экономики. – 2015. – № 9. – С. 1–12.
11. *Глазьев, С. Ю.* О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития / С. Ю. Глазьев; Научный совет по комплексным проблемам евразийской интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивого развития РАН. – М., 2015.
12. *Аганбегян, А. Г.* Доклад на конференции «Российская экономика и российское бизнес-образование» (26 ноября 2015 г.). <http://www.e-executive.ru/finance/business/1984494-abel-aganbegyan-chtoby-vyiti-iz-stagnatsii-nado-menyat-ekonomicheskuyu-politiku>.

Д. Р. Белоусов¹

ОПЕРАЦИЯ «РАЗВИТИЕ»: КАК ПРЕОДОЛЕТЬ ДОЛГОСРОЧНУЮ СТАГНАЦИЮ²

Плачевные результаты экономического развития за последние два года и почти такие же перспективы на ближайшие два года требуют анализа факторов устойчивости и активизации поиска выхода из сложившейся ситуации. Стагнация стала устойчивой: в прошлом году отмечен спад ВВП на 0,2 %, а в текущем его прирост составит порядка 1 % – выхода из коридора «менее 2,5 %» пока (в рамках инерции) не предвидится. Самое неприятное, что в 2015 и 2016 гг. резко упали доходы населения (соответственно, -3,2 и -5,9 %) и товарооборот (-10,0 и -5,2 %), при этом их ожидаемый рост в нынешнем и следующем годах не компенсирует этого падения. Укрепление рубля, обусловленное высоким внешнеторговым сальдо, существенно ограничивающее возможности импортозамещения, и отсутствие крупномасштабного роста несырьевого экспорта подрывают основу для расширения инвестиций (наращивать инвестиции при «стоящих» конечных рынках и процентных ставках, существенно превышающих доходность проектов, дело иррациональное). Соответственно, возникает риск закрепления стагнации и еще одной волны спада, корректирующей, возможно, завышенные ожидания руководителей российских компаний.

Более того, переход российской экономики к стагнации породил неожиданный эффект: она «угнездилась в головах». В официальных российских прогнозах экономический рост последовательно снижается; идет переход к логике «консервативного» прогноза (порядка 2 % в год).

С тактической точки зрения при таких темпах ресурсов государства и общества в целом недостаточно для решения задач борьбы с бедностью и социальным неравенством, развития инфраструктуры, модернизации производственного аппарата и т. д.

В стратегическом аспекте низкие темпы роста говорят о том, что ресурсов не хватает в том числе и на модернизацию производственного аппарата. А это означает постепенную потерю технологических заделов, человеческого капитала и в итоге – конкурентоспособности российской продукции, что приведет к дестабилизации платежного баланса и обменного курса. В сложившейся ситуации сама устойчивость имеет динамический характер: устойчивость платежного баланса и бюджета может быть обеспечена только при достаточно интенсивном развитии.

Итогом кризисных процессов стало формирование сложного баланса факторов, поддерживающих восстановительный рост и подрывающих его. При этом «текущий» кризисный потенциал, видимо, снят, и, если не реализуются «черные лебеди» той или

¹ Дмитрий Рэмович Белоусов, руководитель направления Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, канд. экон. наук.

² По материалам доклада на III Санкт-Петербургском экономическом конгрессе «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перегрузка» (Санкт-Петербург, 27 марта 2017 г.).

иной природы (падение цен на нефть, санкции или засуха), то возможна стабилизация экономики. Но вот что произойдет дальше, неясно.

Важнейшая проблема сегодня – анализ факторов устойчивости экономической стагнации:

- структура российской экономики и ожидания ее агентов предполагают выход из кризиса через рост потребления. На это «работают» и посткризисное восстановление финансового положения потребительских отраслей (производство одежды и обуви, пищевых продуктов), и оживление потребительского кредитования, и частичная «расчистка» потребительских рынков от импорта, и сохраняющаяся высокая занятость. Однако, ни предприятия, ни бюджет не имеют возможностей для ускоренного (как в 2010–2011 гг.) увеличения выплат населению в силу ужесточившихся финансовых ограничений. Более того, такая стратегия рассматривается как тупиковая (из-за роста давления трудовых издержек на конкурентоспособность российской продукции) и противоречит объективному тренду на перераспределение доходов в пользу корпоративного сектора;

- обострилось противоречие между текущими задачами (сохранение стабильности в бюджетной сфере и в сфере обменного курса и инфляции, предусматривающее необходимость одновременной бюджетной консолидации и жесткой процентной политики, а также ужесточение требований к состоянию балансов кредитных организаций) и среднесрочными (стимулирование экономического роста и модернизации производственного аппарата). В сложившихся условиях требовалась срочная реализация стабилизационных мер, однако возможностей для стимулирования роста инструментами денежно-кредитной и бюджетной политики не нашлось.

Когда на эти процессы наложилось исчерпание «первичного» (не требующего резкого роста потребительских свойств, технического уровня российской продукции и т. д.) импортозамещения, стагнация стала неизбежной и устойчивой.

Устойчивость кризиса и перспективы развития экономики определяются, по сути, развитием двух крупных противоречивых процессов.

Доходы населения: повышение необходимо, но невозможно

С одной стороны, российская экономика нуждается в расширении потребительского спроса (порядка 40 % ВВП – основной его компонент), только это может создать достаточные стимулы для устойчивого роста инвестиционной активности. Рост потребления населения тем более вероятен, что население в значительной степени еще не реализовало свои потребительские ориентиры и отложенный спрос. Жестко стоит вопрос повышения заработной платы государственных служащих и шире – занятых в бюджетном секторе. Ключевым здесь становится фактор недостаточной конкурентоспособности рабочих мест в бюджетном секторе, что вызывает отток из него высококвалифицированных кадров, падение качества услуг и (как компенсирующий механизм) порождает потребность в коррупционных доходах. Можно ожидать, что рост зарплат в бюджетном секторе продолжится. Это станет дополнительным стимулом для роста зарплат в частном секторе и доходов населения в целом.

Соответственно, будут усиливаться рост как реальной заработной платы, так и с учетом потенциала потребительского кредитования.

Базовым противоречием, структурирующим развитие российской экономики в среднесрочной, а, возможно, и в долгосрочной перспективе, является противоречие между необходимостью повышения реальной оплаты труда и невозможностью сделать это в рамках сложившейся экономической модели.

При существующем технологическом уровне и качестве институтов и наличии острой конкуренции с экономически развитыми и развивающимися странами ключевым становится фактор ценовой конкурентоспособности российской продукции. Эмпирически похоже, что при средней оплате труда в 900...1200 долларов (на уровне «развитых центрально-европейских стран») начинают действовать мощные факторы, сдерживающие экономический рост и/или предполагающие девальвацию. Для государства ускоренное повышение заработной платы означает возникновение жестких (не подлежащих сокращению в условиях сжатия доходной базы бюджета) обязательств по расходам бюджета.

Эффективность предприятий: цикл «корпоративной бедности»

Высокое давление со стороны трудовых издержек на доходы компаний может быть компенсировано за счет повышения эффективности компаний обрабатывающих производств. Но здесь против конкурентоспособности работает проблемный узел «дефицит доходов – дефицит инвестиций – низкая эффективность компаний – дефицит порождаемых доходов». Умеренная рентабельность бизнесов (из-за высокой трудоемкости на фоне необходимости быстрого повышения реальной заработной платы) порождает дефицит инвестиций в основной капитал (вследствие дефицита собственных и привлекаемых ресурсов, а также отсутствия достаточно привлекательных проектов, с учетом рисков). Это ведет к замедлению инновационного процесса и обновления производственного аппарата, что сказывается на эффективности бизнеса. Последний фактор обуславливает усиление дефицита доходов компаний в условиях необходимости быстрого повышения реальной заработной платы. Одновременно усиливаются риски кредитования, что приводит к его «выдавливанию» из корпоративного в потребительский сегмент.

План операции развития

Не претендуя на создание глобального и всеобъемлющего плана спасения российской экономики, выделим несколько ключевых направлений, в совокупности позволяющих создать достаточный потенциал для ускорения экономического роста на 1...1,5 % в среднем за год (до 3,5...4 % в год).

Основные мероприятия:

1. *Взаимосвязанное повышение производительности труда, реальной заработной платы и потребления населения, не разгоняющие обменный курс и инфляцию.* Это – ключевой элемент системы, «развязывающий» кризисный узел между необходимостью модернизировать компании и одновременно быстро повышать реальную заработную плату, обеспечивая рост потребительского спроса на российскую продукцию.

«Запас неэффективности» большинства российских компаний весьма велик – по производительности труда в ряде неэнергетических отраслей мыкратно отстаем от наиболее технологически развитых стран. Проблема отчасти связана с технологическим отставанием российской экономики, отчасти – с действием социального фактора (неготовностью властей субъектов Российской Федерации к масштабному высвобождению занятых).

Интенсивное обновление производственного аппарата способно привести к выходу (к 2025–2030 гг.) производительности труда в России на уровень экономически развитых стран (прирост производительности на 3...3,5 % в среднем по экономике означает прирост примерно на 5 % по крупным и средним предприятиям и 6...9 % –

по малым). Это позволит быстро повышать зарплату и потребление населения. Ключевой инструмент здесь – стимулирование инвестиций средствами денежно-кредитной и налоговой политики.

При этом возникает существенный социальный риск: высвобождение примерно 4...5 миллионов занятых, из которых около 1,5 миллионов возьмет на себя демография, но 3...3,5 миллиона надо «где-то» занять. В силу этого подобный маневр означает:

- необходимость переобучать примерно 1 миллион занятых в рамках маневра между «тормозящими» и интенсивно развивающимися секторами экономики;
- необходимость трудоустроить в малом бизнесе порядка 3 миллионов человек, высвобождающихся из крупных и средних предприятий скрыто-трудоизбыточных отраслей с высокой долей ручного труда (сельского хозяйства, строительства, отдельных производств в промышленности);
- актуализацию проблем повышения пенсионного возраста (если другого способа сбалансировать Пенсионный фонд без роста налоговой нагрузки на бизнес нет, то и выхода иного, видимо, нет): в подобной ситуации выход на рынок труда дополнительного количества работников может стать той самой «последней соломинкой», что ломает хребет верблюду.

2. *Обеспечение «приростного импортозамещения» – вытеснения импорта на приростах инвестиционного и потребительского рынков.* В настоящее время при расширении потребительского рынка на 1 % потребительский импорт в среднем расширяется на 0,2 %, инвестиционного – 0,3 % на 1 % роста рынка. Можно снизить соответствующее соотношение («эластичность») до 0,1...0,15 % расширения импорта на процент прироста рынка для потребительского рынка и до 0,2 % для инвестиционного и создать таким образом для российской экономики дополнительное пространство роста без значимых инфляционных последствий.

Для этого необходимо развертывание комплексных программ освоения рынков, включающих импортозамещение как первый этап экспансии на внешние рынки, начиная с евразийского (ЕАЭС):

- кредитная поддержка программ и проектов по импортозамещению;
- предоставление налоговых кредитов по новым проектам;
- гарантии «стартового спроса» на новую продукцию;
- поддержка технологической и сбытовой кооперации с внешними игроками, включая офсетные сделки и трансфер технологий;
- поддержка модернизации и импортозамещения в «технологических юбках» по созданию конечной (в том числе замещаемой) продукции;
- формирование и приоритетная поддержка сквозных проектов типа «от импортозамещения – к экспортной экспансии».

3. *Формирование полноценной системы поддержки неэнергетического экспорта.* России принадлежат два странных и, очевидно, взаимосвязанных «антирекорда». С одной стороны, в нашей стране – одна из самых слабых среди развитых стран система финансовой поддержки (кредиты, страхование, гарантии) экспорта, что ведет к колоссальному недоиспользованию экспортного потенциала. Так, соотношение объема поддержки экспорта и вывоза неэнергетических товаров в последнее время составляет примерно 0,5...1 %. С другой стороны, наше машиностроение – одно из наименее экспортоориентированных среди развитых стран: экспортируется всего 11 % производимых машин и оборудования (в США – 31 %, Германии – 49 %, Франции и Италии – по 50 %, Корея – 37 %).

Выстраивание полноценной системы поддержки экспорта (с объемом 4...5 % неэнергетического экспорта) может дать дополнительно 1...1,5 % пункта динамики экспорта.

4. *Развитие новых технологических рынков (в рамках реализации Национальной технологической инициативы)*. Особенность ситуации следующих 10...20 лет – стремительный технологический рывок в большинстве технологически развитых стран мира. Это означает возникновение «технологического зазора»: группы новых (еще не занятых крупными транснациональными корпорациями) масштабных технологических рынков (беспилотные транспортные средства, новое здравоохранение, ней-роинтерфейсы, «умная еда», новая энергетика и т. д.). К 2025 г. суммарный объем соответствующих мировых рынков может составить более 5 трлн долларов, к 2035 г. – 20...25 трлн долларов.

Сформулирована и начала реализовываться Национальная технологическая инициатива, направленная на захват на этих рынках хотя бы 3...5 %. Это, в принципе, даст нам возможность экспортировать к 2025 г. на новые рынки на 16...18 млрд долларов (нынешний объем экспорта оружия) высокотехнологичных товаров и услуг, а к 2035 г. – даже на 70...80 млрд долларов. Реализация всех этих мер может вывести нашу экономику из стагнационной ловушки, обеспечив прибавку в темпах роста в 1...1,5 % пункта.

Это, в свою очередь, способно стать основой для решения важных проблем следующих 10...20 лет:

- поиск нового места России в глобальном разделении труда, который сложится в итоге начинающейся в США, Евросоюзе, Китае (и, надеемся, в нашей стране) новой индустриальной революции;

- обеспечение баланса между интенсивным социальным развитием (требующим высоких затрат на человеческий капитал) и технологической модернизацией (высокая доходность бизнеса);

- обеспечение национальной безопасности в условиях резкого нарастания «хаотичного» компонента в мировой политике и экономике;

- преодоление отчуждения, становящегося почти тотальным в условиях нового витка технологического развития, делающего человека ненужным в существенной части производственных и творческих процессов.

Но это уже – история будущего. А пока надо решить насущные задачи.

П. В. Шульце¹

БУДУЩЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ЧЕТВЕРТАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА²

Сдвиги в мировой экономике: технологические вызовы и конкуренция

Примерно 40 лет назад мировая экономика находилась в относительно спокойном состоянии: ни существование Советского Союза, ни два нефтяных кризиса в 1970-х гг. особенно не беспокоили западные правительства и корпорации. Нефтяные кризисы были нивелированы внедрением энергетически эффективного оборудования и привели к появлению новых социально-экологических движений, действующих как агенты новой экономики.

В это же время произошли два события, которые оказали огромное влияние на состав и конфигурацию игроков в мировой экономике. *Эпоха ОЭСР*, когда горстка европейских, американских и азиатских стран правила и доминировала на мировом рынке, *завершилась*. Бывшие промышленные развивающиеся страны (Китай, Индия, Бразилия, Индонезия и Южная Африка) вышли на мировой рынок и ожесточенно конкурируют с англо-саксонской и континентально-европейской экономикой (рис. 1).

Для нас важны только три фактора:

1. *Новые игроки* на экономической сцене – страны Азиатско-Тихоокеанского региона – изменили состав промышленного мира ОЭСР, существовавший со времен окончания Второй мировой войны. В силу того, что эти страны рассматривались как платформы для экспорта и полагались на оффшорные прямые инвестиции (в основном

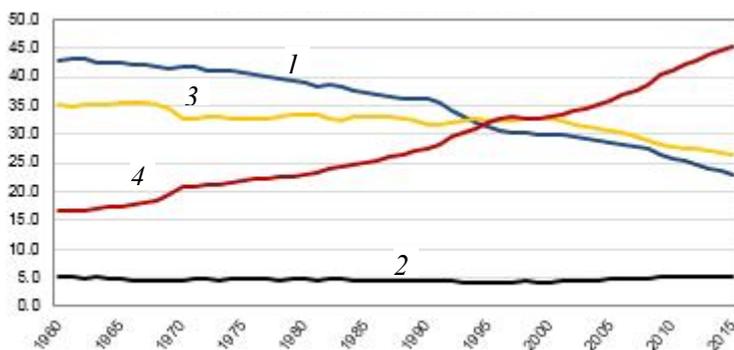

Рис. 1. Доля реального мирового ВВП: 1 – Европа; 2 – Африка; 3 – Америка; 4 – Азия [1]

¹ Питер В. Шульце, профессор Гёттингенского университета им. Георга-Августа.

² По материалам доклада на III Санкт-Петербургском экономическом конгрессе «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перезагрузка» (Санкт-Петербург, 27 марта 2017 г.).

от США), их появление интенсифицировало *международную конкуренцию*. Странам ОЭСР потребовалось примерно 20 лет, чтобы адаптироваться к новым условиям. Тем не менее, в первом десятилетии нового тысячелетия произошел новый раскол, бросивший новый вызов глобальному соотношению сил. Посмотрим внимательнее на долю в глобальном ВВП США, Китая, Индии и Германии (рис. 2). Китай уже достиг уровня Германии в 1995 г., а в 2004 г. доля Индии в ВВП была больше доли Германии. В течение нескольких следующих лет Китай будет на одном уровне с США, в то время как ВВП Германии составит только 50 % от ВВП Индии. При этом мировая доля Китая в ВВП будет в шесть раз больше доли Германии. В связи с изменением состава товаров, в частности из Китая, товары которого продвигаются вверх по цепи прибавочной стоимости, последствия для промышленной продукции стран-членов ЕС могут оказаться серьезными.

2. *Появление информационных и коммуникационных технологий* привело к фундаментальным изменениям технологий производства, организации рабочего процесса и качества продукции. *Третья промышленная/техническая революция началась в середине 1970-х гг.* Применение новых технологий в массовом производстве способствовало глубоким изменениям во внутренней организации предприятий и в отношениях между ними («невидимая корпорация», операции «точно-в-срок» и т. д.). Распространение информационных технологий в промышленных секторах ускорило интернационализацию продукции, НИОКР и собственности. Скорость проникновения инноваций и новых продуктов в новые высокотехнологичные сектора была феноменальной. Сдвиг в сторону прикладных технологических инноваций ограничил и облегчил диверсификацию современных технологий в промышленности.

3. Названные факторы взаимно усиливают друг друга. *Возросшая конкуренция способствовала модернизации промышленных секторов, без которой невозможны длительный экономический рост и достижение конкурентоспособной позиции на международной арене.* С конца 1970-х гг. почти все европейские страны и США пережили

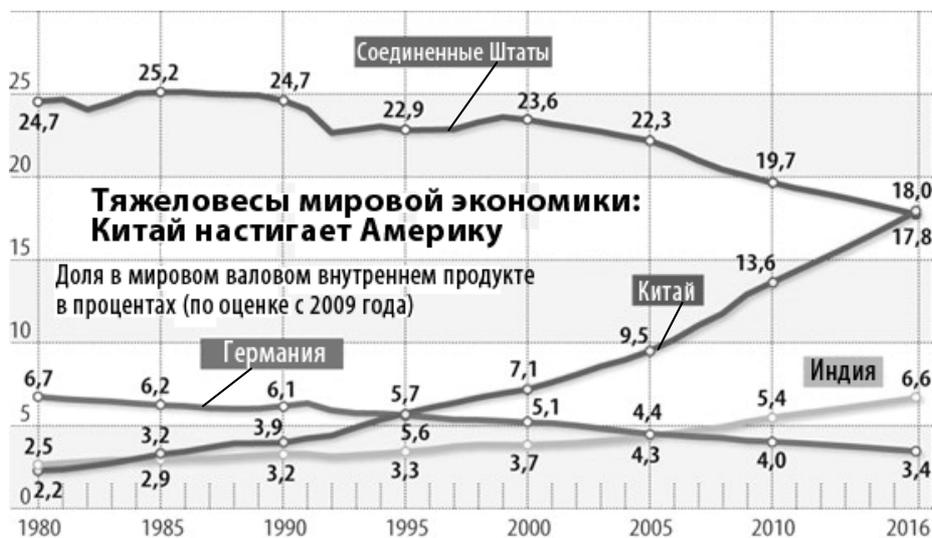

Рис. 2. Лидеры мирового экономического роста: глобальный ВВП в процентном выражении (основано на оценках с 2009 г.) [2]

структурные кризисы, утратили свои конкурентные преимущества и потеряли целые промышленные сектора. Снижение конкурентоспособности началось с текстильной промышленности; распространилось на угольную, железорудную и сталелитейную; затронуло кораблестроение и добралось до электроники, полупроводников, компьютерной техники, телекоммуникаций и т. д.

После распространения высоких технологий в сфере промышленности и услуг, а также их проникновения в административные сектора стало очевидно, что общества могут поддерживать свое благосостояние только при наличии доступа к мировым базам знаний. Как следствие, протекционизм, основанный на конкуренции национальных государств, способствовал интенсификации различных форм кооперации и политике относительно неограниченного доступа на рынки. Интернационализация потоков капитала, а также введение международных региональных торговых режимов (например, ВТО или Европейский союз после Маастрихтского договора 1992 г.) усилили тенденции *глобализации*. Доступ к знаниям важен [3, с. 1] – *их распространение является предпосылкой долгосрочного экономического роста и подъема благосостояния*. Знания не должны оставаться там, где они были созданы, необходимо позволить им свободно пересекать институциональные границы. В соответствии с подходом инновационных систем открытые и децентрализованные отношения и связи между социальными игроками влияют на их инновационное поведение.

Расстановка экономических сил на мировом рынке кардинально изменилась за последние четыре десятилетия. Глобализация, ставшая неотъемлемой чертой нашего времени, привела к новому разделению труда. В докладах Центрального разведывательного управления [4] или Национального разведывательного совета [5] по теме «Мир в 2030 году» признается, что Европа и США могут потерять лидирующую конкурентную позицию. Более того, относительный экономический спад повлияет и на политическое место Вашингтона среди международных игроков.

Сам процесс глобализации приводит к изменениям концепций экономической теории, требуя переопределения власти и функций государства. Давайте подытожим:

1. Шумиха среди теоретиков по поводу того, что *постиндустриализм – это будущее рыночных демократических западных обществ* (как провозгласил Дэниел Белл в 1970-х гг.) улеглась в 1990-х гг. Мнение Белла о том, что технологические сектора услуг заменят промышленные основы западных обществ, оказалось ошибочным. После реального перемещения экономических сил в страны Азиатско-Тихоокеанского региона и Китай сформировалась другая реальность. Как ни парадоксально, но даже те страны-члены ЕС, экономическое существование которых базировалось на высокотехнологичных конечных промышленных продуктах, остались конкурентоспособными, и разрушительный спад миновал их. Они справились лучше тех стран, где доминировал финансовый капитал, а также тех, которые вывели свои промышленные сектора в Азию. Соединенные Штаты и Соединенное Королевство – лучшие примеры деиндустриализации и экономического спада.

2. *Кредо неолиберальных доктрин*, состоящее в том, что *невидимая рука рынка* исправит все деформации, связанные с фактором нерыночных сил, оказалось идеологически мотивированным. Страны, принявшие неолиберальный подход для достижения экономического роста, столкнулись с многочисленными общественными деформациями. Сети социальной безопасности вышли из строя, социальные пособия были урезаны, а экономические и социальные дисбалансы росли. Из-за потери промышленных

секторов сократились масштабы НИОКР, что привело к росту безработицы. Шокирующие результаты неолиберальной экономической политики не только нарушили социальные связи между государствами, но также изменили отношения между политикой и экономикой. Профсоюзы постепенно слабели, а институты социального обеспечения, которые начали развиваться после Второй мировой войны и препятствовали развитию тоталитарных тенденций, развалились даже в таких странах, как Франция, Италия и Соединенное Королевство. Все это подорвало политическую силу социалистических и социал-демократических партий и движений в Европе.

Капитализм Рейнской области: роль уполномоченного государства в НИОКР и региональном развитии

Германия пошла другим путем. Несмотря на то, что в 1982–1998 гг. страной руководило либерально-консервативное коалиционное правительство, неолиберальные концепции практически не применялись. Достаточно парадоксально, но после объединения *трансформация Восточной Германии* осуществлялась по модели, называемой «*капитализм Рейнской области*». В сущности, эта модель признает превосходство политики над экономикой и считает государство важным игроком в развитии. В концепции подчеркивается «*социальная ответственность капитала*».

Освобожденные глобализацией силы привели к изменению понятия «государство». Его «стандартные функции» остались незатронутыми, но появились новые задачи, укрепляющие его новое качество как «*активного, уполномоченного*» игрока. Основное требование – стимулировать и поддерживать необходимые шаги для установления общепринятой платформы дискурсов между игроками, вовлеченными в процесс модернизации и обновления экономики и общества. Далее, «уполномоченное» государство, скорее, берет на себя функцию арбитра в разрешении конфликтов между группами интересов; поддержки мобилизации местных сил для исследований, образования, бизнеса и связанной с ними деятельности; помощи в претворении в жизнь концепций роста в университетах или на предприятиях малого и среднего бизнеса. Обновление и модернизация экономической и социальной, а также образовательной и исследовательской базы Восточной Германии после 1990 г. могут основываться на моделях регионального экономического развития, успешно примененных в предыдущие десятилетия в Западной Германии. В проведении *такой политики и выработке ее целей участвовали образованные, эффективные, некоррупцированные и ориентированные на бизнес административные кадры на всех уровнях Федеративной Германии*.

Постоянная промышленная и технологическая модернизация – безальтернативна

Сегодня *модернизация* сложнее, чем 30 лет назад, когда новые технологии начали проникать в промышленные сектора, а из них – во всю национальную экономику, создавая новые продукты, революционизируя организацию промышленного производства, устраняя старые промышленные структуры и создавая огромные социальные проблемы. Как следствие, за последние десятилетия доля промышленного труда в Европе сильно снизилась (рис. 3) и в среднем равна 16 %. Но сейчас этот процесс, кажется, остановился, а в некоторых странах даже наблюдается обратная тенденция. В Германии (в отличие от Франции и Соединенного Королевства) доля промышленного труда осталась относительно большой – 22 %.

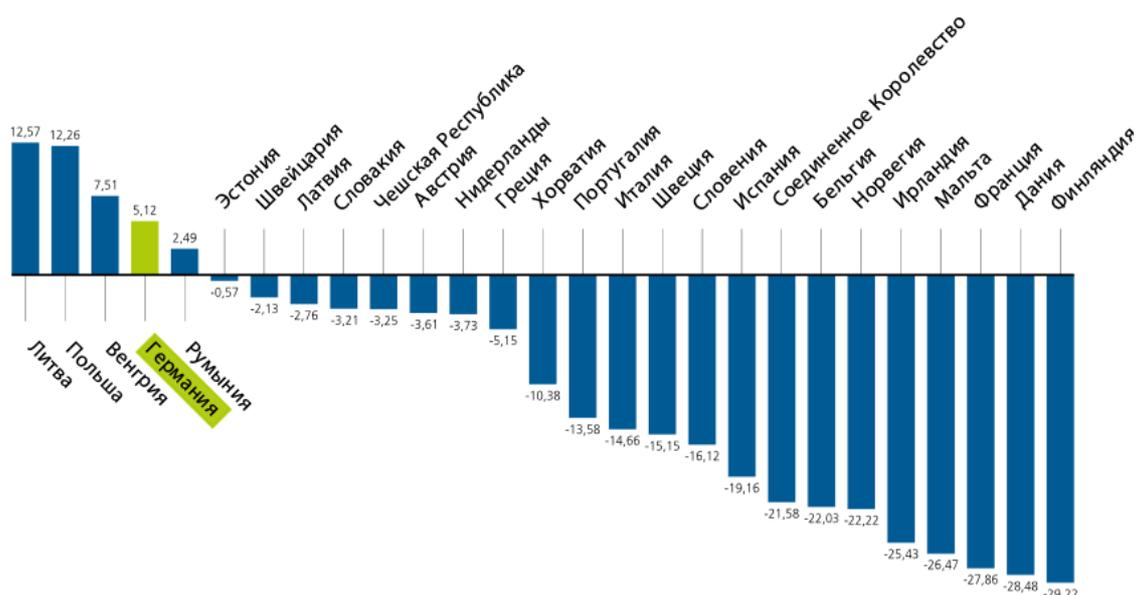

Рис. 3. Европа: сокращение доли промышленности в ВВП (%) между 2001 и 2012 гг.

Построение элементов/блоков успешной экономической и социальной модернизации²

В Германии *центральные органы власти никогда не играли основную роль в реструктуризации, реновации или модернизации экономических секторов*. Благодаря федеральной структуре германской политической системы, *роль агента модернизации выполняют региональные органы власти*, т. е. правительства германских земель.

Объединение высоких технологий и традиционной промышленности в сеть действующих игроков, сгруппированных вокруг «уполномоченного» государства, характеризует европейскую модель. Это является фундаментальным отличием от американского опыта.

Еще раз подчеркнем: германская (или европейская) модель высокотехнологичного промышленного развития уникальна и ее перенос в страны с отличными социально-экономическими и/или культурными условиями встретит серьезные препятствия. Тем не менее, некоторые ее черты могут использоваться как инструменты для развития, особенно в рамках новой индустриальной эволюции, зарождение которой мы наблюдаем во втором десятилетии нового тысячелетия.

Нам представляются существенными следующие требования:

- создание эффективных условий, например, ориентация на мотивацию бизнеса и поддержка от государственных институтов: верховенство закона, независимая судебная система, компетентные и некоррупцированные государственные служащие на всех

² Для дальнейшей дискуссии см.: Институт Фраунгофера для экономики труда и Международной организации труда / ред. Д. Шпат. Производственная работа будущего – Промышленность 4.0. 2015.

уровнях политического/административного и экономического обмена;

- объединение фундаментальных и прикладных исследований в университетах, центральных исследовательских институтах и на предприятиях;
- открытый доступ к знаниям и коммуникационному потоку между предприятиями и исследовательскими институтами;
- наличие развитой инфраструктуры (транспорта, обработки данных), науки, а также культурных институтов;
- синергетический эффект за счет объединения исследований, образования, обучения и производства.

Промышленность 4.0: генезис и предшествующие стадии

Можно выделить четыре стадии промышленного развития, которые не только привели к революции в сфере производства (создание и качество продуктов), но и к изменению социальных и политических структур государств и обществ (рис. 4).

В октябре 2012 г. германская Рабочая группа по промышленности представила федеральному правительству рекомендации по «Промышленности 4.0», основанной на введении киберфизических систем для *цифровизации производящей промышленности*. В сущности, «Промышленность 4.0» позволит осуществлять массовое производство персонализированных продуктов в соответствии с индивидуальными требованиями клиентов. *Такие продукты предложат высокое качество по низким ценам. Центральный элемент «Промышленности 4.0» – это «Умная фабрика».*

Рис. 4. Четыре стадии промышленной революции

«Умная фабрика» – ядро 4-й промышленной революции. Другие термины: «Умное производство», «Интеллектуальная фабрика» и «Фабрика будущего» – описывают видение будущего промышленного производства. С этой точки зрения, «Умная фабрика» будет более интеллектуальной, гибкой и динамичной. Производственные процессы будут организованы по-другому, производственные цепи (поставщики, логисты и жизненный цикл управления продуктом) тесно связаны в рамках корпорации.

Интеллектуальные машины будут самостоятельно координировать производственный процесс, обслуживающие роботы – кооперироваться в процессе производства с работниками-людьми, беспилотные транспортные средства будут самостоятельно выполнять логистические задания и т. д. Процессы производства будут взаимосвязаны/соединены далеко за рамками отдельных предприятий для оптимизации потока материалов, компонентов и распознавания на ранней стадии ошибок в потоке производства либо для реагирования на изменение требований покупателей.

На «умной фабрике» машины и оборудование могут улучшать процессы с помощью *самооптимизации и автономного принятия решений*. Это сильно контрастирует с нынешним четким выполнением запрограммированных операций.

Ключевые черты будущих промышленных сетевых решений сформируют другой промышленный ландшафт: фабрики будут работать на основе комбинации интеллектуальных производственных технологий с новейшей высококачественной информацией и коммуникационными технологиями. Это сформирует цифровое интегрированное машиностроение, горизонтальную интеграцию по всей цепи формирования стоимости, а также вертикальную интеграцию и связь на всех уровнях производства. Высококачественные, надежные коммуникационные технологии сделают возможным:

- передачу больших объемов информации в реальном времени и с минимальной задержкой;
- очень надежную связь большого количества личных устройств с высочайшими стандартами безопасности данных;
- использование все большего количества беспроводных технологий как на территории завода, так и для удаленного соединения;
- энергетически эффективную деятельность.

Необходимая автоматизация технологий улучшается путем введения методов самооптимизации, самонастройки, самодиагностики, квалифицированной и разумной поддержки работников при усложняющейся деятельности. Характеристикой промышленного производства в условиях «Промышленности 4.0» является точная подстройка продуктов под условия очень гибкого (массового) производства.

Самые большие мировые компьютерные и промышленные ярмарки в Ганновере в 2015 и 2016 гг. продемонстрировали начало создания нового союза между различными секторами промышленности, деловыми ассоциациями, профсоюзами, федеральными и региональными правительствами, предприятиями в области сложных информационных технологий, предприятиями малого и среднего бизнеса и большими корпорациями. Союзы, сформировавшиеся на основе технологических прорывов и серьезных изменений в расстановке сил в глобальной экономике, привели к жесткой конкуренции среди глобальных игроков. Немецкие игроки в области науки, образования, исследований, политики и корпоративных структур едины в достижении экономических и социальных целей. Германия должна сохранять передовые позиции для управления возрастающей международной конкуренцией в сфере продуктов и цен. При более чем 7,8 млн

работников, занятых в производстве, где трудовые затраты составляют в среднем 20 % от производственных затрат (что намного выше, чем в Китае или в США), немецкая промышленность может оставаться конкурентоспособной только как лидер в технологиях и производитель индивидуальных продуктов на верхнем уровне цепи формирования стоимости.

Для достижения этой цели нужно:

- сократить производственные затраты до 30 %;
- усилить конкурентоспособность на верхнем уровне цепи формирования стоимости;
- увеличить экономическую долю секторов информационных технологий до 78 млрд евро в 2025 г. (грубо говоря, на 23 %);
- децентрализовать принятие решений и завершить командную автоматизацию;
- увеличить занятость в сфере информационных технологий до 900 000 работников;
- получить у государства целевые средства на НИОКР и гарантии открытого доступа, открытых границ, открытых стандартов.

Специализированное и гибкое индивидуализированное массовое производство, основанное на обмене данными между машинами, фабриками и работниками, будет ключевым условием и целью «умной фабрики» в рамках «Промышленности 4.0»; основные изменения коснутся образования и эффективного обучения работников.

Человеческий труд останется важным элементом производства, но содержание его изменится. Гибкая автоматизация и самооптимизация машин в процессе производства освободят работников от тяжелой физической работы для полезного и конструктивного участия в производственном процессе. Произойдут изменения и в объеме промышленной рабочей силы – для Германии ожидаемые колебания оцениваются в плюс/минус 1,5 млн человек. Цели исследовательской, научной и промышленной работы сближаются, а роль и участие промышленных работников в совершенствовании продукции и технических процессов увеличиваются. В связи с этим требуется работник нового типа, владеющий коммуникационными технологиями и выполняющий функции контроля. Предполагается, что рабочая сила в «Промышленности 4.0» предназначена для краткосрочной работы и будет получать квалификацию в процессе обучения на рабочем месте. Профессиональные школы, университеты должны разработать методики обучения и учебные программы, соответствующие изменившимся требованиям производства.

Список литературы

1. http://www.worldeconomics.com/papers/Global%20Growth%20Monitor_7c66ffca-ff86-4e4c-979d-7c5d7a22ef21.paper
2. Веде, Э. Это демография, глупец! – Изд. FAZ. Wirtschaft. – 23.05.2011. – С. 112.
3. Шуберт, Т. Кооперация с государственными научно-исследовательскими институтами и успехи в инновациях: на примере Франции и Германии / Т. Шуберт, С. Робин. – Изд. Fraunhofer ISI // Discussion Papers «Innovation Systems and Policy Analysis». – № 24. – Karlsruhe. – Апрель 2010 г.
4. Глобальные тенденции 2025: Трансформированный мир. www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html
5. Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры. www.dni.gov/nic/globaltrends

В. Т. Рязанов¹

НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНО-ТЕХНОТРОННОЕ ОБЩЕСТВО: ГРЯДУЩЕЕ ПОД ВОПРОСОМ²

Происходящие после мирового кризиса 2007–2009 гг. процессы в мировой экономике, в том числе и в России, свидетельствуют о масштабном системном кризисе спекулятивно-финансовой модели неолиберального капитализма, которая господствовала в предшествующие десятилетия и все еще сохраняет свои позиции. Что касается прогнозов развития капиталистической системы хозяйства, то в данном случае можно утверждать о возвращении индустриальному сектору и промышленному капиталу ведущей роли в конкурентной борьбе с финансовым капиталом. В случае его победы наступит время для очередного утверждения новой версии «индустриального общества». В этой связи вполне уместно обращение к теории индустриального общества, которая 50 лет назад была представлена в книге Дж. К. Гэлбрейта [2].

Что же понимал Гэлбрейт под новым индустриальным обществом? Если кратко суммировать, то это – достижение капиталистической общественно-хозяйственной системой нового качества – *зрелого индустриализма в рамках государственно-капиталистической модели хозяйства*. Ее самым значимым признаком является трансформация конкурентно-рыночного капитализма в планоно-регулируемую систему, в которой ведущую роль играют крупные многоотраслевые и вертикально-интегрированные корпорации. При этом объектом регулирования выступают не только издержки и цены, но и спрос. Соответственно изменяется и мотивация: не максимизация прибыли, что присуще фирме в конкурентно-рыночной среде, а обеспечение устойчивости и непрерывности развития, характерное для крупных корпораций при условии поддержания гарантированного уровня прибыли.

Сама эта конструкция трактовалась как результат *«технократической революции»* в сфере управления и одновременно как альтернатива социальной революции. Подчеркнем, что рождение нового индустриального общества рассматривалось Гэлбрейтом как внутренняя эволюция капиталистической системы хозяйства под влиянием *конвергенции* двух общественно-экономических систем в условиях их конкурентного взаимодействия. Соответственно его прогноз строился на предположении завершения процесса конвергенции с образованием нового типа общественно-экономического устройства смешанного характера, многоукладного, но при доминировании государственно-частного комплекса.

Более того, в своей следующей работе Гэлбрейт предложил программу реформирования, целью которой должно было стать выдвижение проекта *«нового социализма»* [3, с. 343–356]. Проект был нацелен на построение более справедливого общества

¹ Виктор Тимофеевич Рязанов, зав. кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, д-р экон. наук, профессор.

² По материалам доклада на III Санкт-Петербургском экономическом конгрессе «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перезагрузка» (Санкт-Петербург, 27 марта 2017 г.).

за счет, в частности, программ выравнивания доходов разных групп населения, а также планирования и регулирования для крупных фирм с сохранением свободного предпринимательства для малого и среднего бизнеса.

Так можно кратко сформулировать главные идеи и прогнозы перестроения капиталистической системы хозяйства. Возникает вопрос: почему предложенные оценки и прогнозы не были реализованы? Почему произошел разворот капитализма в противоположную сторону – в сторону всеобщей либерализации, глобализма и господства финансово-кратии? Эта тема требует глубокого анализа, отмечу только два важных момента [5, с. 328–339].

Первое – сдвиг от господства промышленного капитала к финансовому соответствует циклической и внутренней природе капитализма, это относится не только к производству товаров, но и к циклической смене режимов накопления капитала.

Второе обстоятельство связано с крушением социалистического хозяйства как мировой системы и СССР как ее центрального звена. Это не только снизило привлекательность идеи планово-регулируемой экономики, но и создало новое пространство для экспансии капитала, его броска на завоевание последних неосвоенных территорий.

И вот после нескольких десятилетий господства спекулятивно-финансового капитала на глобальных рынках в 2007–2009 гг. произошел масштабный кризис, и встали вопросы о новом развороте капиталистической системы хозяйства. Для обозначения возможных контуров будущего переустройства мирового хозяйства полезна концепция нового индустриального общества, которая 50 лет назад предлагала путь реформирования капитализма в условиях существования и соревнования двух мировых систем через конвергенцию. Сегодня эту концепцию можно использовать для поиска разумного выхода из тупика, в котором оказался современный капитализм, а значит, для снятия остроты возникших противоречий и преодоления пределов в развитии на основе возвращения к модели госкапитализма, сочетающего рыночные и плановые рычаги в экономике и обеспечивающего социальные приоритеты.

Реалистичность такого варианта развития подтверждают серьезные события и перемены в мире, которые пока в большей степени затрагивают политическую сферу. Однако на очереди крупные сдвиги в экономической сфере. Направленность таких перемен подтверждается отдельными изменениями и декларируемыми намерениями, которые указывают на движение в сторону новой версии «индустриального общества». Профессор С. Д. Бодрунов обозначил ее как наступление НИО.2 – «нового индустриального общества второго поколения» [1], что вполне оправданно с точки зрения преемственности с предшествующим этапом развития капитализма, который не смог реализоваться в полной мере. Сегодня современную версию индустриализма можно определить как переход к «новому индустриально-технотронному обществу».

Что это такое? С одной стороны, при таком типе общественно-хозяйственного устройства продолжают развиваться качества, традиционно присущие доминированию материального производства как основы нормального развития и самого существования человеческого сообщества, с другой – для него характерны новые и существенно отличные черты. Остановимся на последних подробнее:

1 – еще более прочное соединение производства с принципиально новыми технологиями, что предполагает повсеместное развертывание и полноценную реализацию потенциала четвертой промышленной (технологической) революции (массовое внедрение в производство NBIC-технологий, самонастраиваемая робототехника на основе искусственного интеллекта, аддитивное производство и т. п.);

2 – усиление стирания границ между производством материальных благ и услуг, что приведет к такому взаимопроникновению, что их можно будет строго не разграничивать;

3 – если «новое индустриальное общество» в своей прошлой фазе развития формировалось в национально-государственных границах и выступало феноменом самой развитой части мировой капиталистической системы хозяйства, то формирующееся индустриально-технотронное общество приобретает черты мирохозяйственного переустройства. По многим параметрам оно выступает как глобально организованное производство, которое уже стало реальностью при сохранении социокультурной неоднородности мира. Для него характерны совершенно иные скорости распространения новых технологий, новой техники и новых продуктов по всему мирохозяйственному пространству. В то же время противоречия и ограничения, свойственные капитализму как способу производства, приобретут по-настоящему глобальный характер.

О глобальной угрозе обострения экологической ситуации в мире говорят различные негативные проявления в природной сфере. Относительно новыми глобальными становятся проблемы занятости и социального неравенства. Если раньше они решались с той или иной степенью успешности в разных странах и регионах, то сегодня нарастающий вал миграционных потоков, обрушившийся на экономически благополучные страны, приобретает значение опережающего кризисного индикатора и может стать неразрешимой проблемой или, напротив, придать дополнительный импульс к мирохозяйственному переустройству. Ведь уже сегодня неуправляемые миграционные потоки порождены острыми проблемами «глобальной незанятости» и «глобального неравенства».

В этой связи более подробного анализа заслуживает проблема «незанятости». Предварительно отмечу, что использование машин и технологических нововведений – это, пожалуй, ключевая проблема в развитии капитализма начиная с его возникновения. Вспомним о массовом движении луддитов в Англии в конце XVIII в.

Среди экономистов всегда существовали два подхода, отражающие оптимистические и пессимистические взгляды на последствия научно-технического прогресса. До последнего времени оптимизм преобладал и, в принципе, подтверждался реальными процессами: внедрение результатов НТП меняло облик производства, обеспечивало рост производительности труда и стимулировало создание новых рынков (табл. 1). По прогнозу, за счет массовой роботизации производства в ближайшие десятилетия можно ожидать увеличения роста производительности труда.

Таблица 1

Рост производительности за счет новых технологий

Период	Технологические нововведения	Рост производительности труда, %
1850–1910	Развитие машинного и поточного производства	0,3
1993–2004	Механизация и ранняя автоматизация производства	0,4
1995–2005	Цифровые технологии	0,6
2015–2065	Роботизация производства	0,8...1,4

Источник: McKinsey Global Institute (<http://www.mckinsey.com/global-themes>).

Что касается проблемы занятости, то она достаточно успешно решалась за счет перемещения рабочей силы вначале из аграрной сферы в сферу промышленного производства, а затем и в сферу услуг. Подчеркнем, что такое перемещение позволяло обеспечить перекалфикацию работников и, в конечном счете, привело к образованию среднего класса как «подушки безопасности», предохраняющей капиталистическое общество от серьезных социальных потрясений. О том, что собой представляет структура занятости в глобальном измерении, можно судить по табл. 2, где I – аграрно-сырьевой сектор, II – обрабатывающая промышленность и строительство, III – сфера услуг. Как видим, ситуация в мире неодинакова, но общая тенденция смещения занятости в сферу услуг просматривается.

Собственно вопрос, возникающий в связи с занятостью, это вопрос о том, куда будут перемещаться высвобождаемые работники по мере развертывания новой промышленной революции. Оптимистический ответ такой: технологические нововведения будут по-прежнему создавать новые продукты, новые рынки и, значит, новые области занятости. Однако не следует исключать появление качественно новой ситуации в сфере занятости в условиях развертывания четвертой технологической революции. Речь идет о следующих новых чертах:

- существенно возросшая скорость технического прогресса, что снижает возможность своевременной переадаптации сферы занятости;
- наличие гигантских технологических корпораций (Microsoft, Amazon и т. д.), которые располагают огромными возможностями распространения инноваций по всему глобальному пространству;
- перемещение процесса трудоустройства из сферы производства в сферу услуг за счет НТП.

В качестве иллюстрации приведу данные о наращивании процесса роботизации в наиболее продвинутых странах (рис. 1). В мире в 2015 г. насчитывалось 1,6 млн робо-

Таблица 2

Структура занятости в трех секторах экономики развитых стран и стран БРИКС

Страна	1995			2005			2010		
	I	II	III	I	II	III	I	II	III
США	2,9	24,3	72,9	1,6	20,6	77,8	1,6	16,7	81,2
Великобритания	2,0	27,3	70,2	1,3	22,2	76,3	1,2	19,1	78,9
Франция	4,9	26,9	68,1	3,6	23,7	72,4	2,9	22,2	74,9
Канада	4,1	22,0	74,0	2,7	22,0	75,3	2,4	21,5	76,5
Германия	3,2	36,0	60,8	2,3	29,7	67,9	1,6	28,4	70,0
Япония	5,7	33,6	60,4	4,4	27,9	66,4	3,7	25,3	69,7
Италия	6,6	33,7	59,8	4,2	30,8	65,0	3,8	28,8	67,5
Россия	17,3	33,1	49,6	10,1	28,0	61,9	8,8	25,5	65,7
Бразилия	26,3	19,8	53,9	20,5	21,4	58,1	17,0	22,2	60,9
Китай	52,2	23,0	24,8	44,8	23,8	31,4	36,7	28,7	34,6
ЮАР	14,3	27,9	57,9	7,8	25,5	66,6
Индия	61,9	15,8	22,3	56,1	19,0	24,9	51,2	22,3	26,4

Источник: World Bank: World Development Report 2013. Jobs. Washington, 2012. P. 352–353.

тов, а их ежегодный рост прогнозируется с темпом в 12...13 %. В России в 2016 г. насчитывалось 8 тыс. промышленных роботов. По данным Национальной ассоциации участников рынка робототехники, среднегодовые продажи роботов в России составляют 500...600 штук (0,25 % мирового рынка).

Понятно, что степень проникновения роботов (плотность роботизации) в разных странах и отдельных отраслях существенно различается (рис. 2). Сегодня бесспорным лидером является Ю. Корея, в которой на 100 работников приходится 5,3 роботов.

Что касается отраслевого среза в использовании роботов, то это прежде всего автомобилестроение (38 %) и электроника (25 %). При этом в автомобилестроении США на один робот приходится 9 работников. Как показывает практика, внедрение одного промышленного робота приводит к сокращению 4 рабочих мест.

Рис. 1. Количество эксплуатируемых промышленных роботов по странам (регионам), 2014 г. (источник: International Federation of Robotics (IFR))

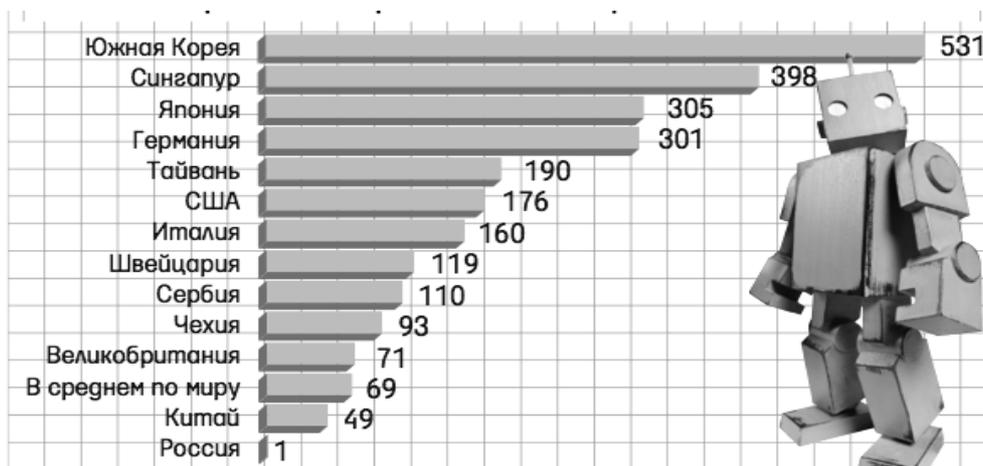

Рис. 2. Количество промышленных роботов на 10000 работников в 2015 г. (источник: Национальная ассоциация участников рынка робототехники (НАУРР))

Если в прошедшем периоде главной областью внедрения роботов и сокращения занятости была промышленность, то в последние годы они все шире внедряются в сфере услуг. Например, использование банкоматов в США привело к сокращению операционистов в банках с 484 тыс. человек в 1985 г. до 361 тыс. человек в 2010 г., и этот процесс будет нарастать³.

Другой пример. Бурное развитие интернет-торговли приводит к массовым сокращениям в сфере розничной торговли, которая отличается наибольшей занятостью в частнопредпринимательском секторе. Так, в России в торговле занято 12 млн человек. Аналитики, изучавшие статистику американского рынка труда по состоянию на лето 2016 г., сделали прогноз о скором крахе «классической» розничной торговли. Сегодня существующие торговые площади в три раза превышают необходимые. Интернет-торговля уже отобрала у розницы не менее 40 % реального оборота. При этом онлайн-товары в среднем на 30 % дешевле, чем товары в супермаркете.

Согласно общим прогнозам по занятости на ближайшие десятилетия, почти половина трудовой деятельности в глобальном масштабе может быть автоматизирована с использованием имеющейся технологии и техники⁴. Самое широкое распространение трудосберегающие технологии получают в сфере услуг. По оценке McKinsey Global Institute, только за счет использования роботов можно сэкономить до 15 трлн долларов на зарплате и обеспечить рост прибылей. Получается, что главным выгодополучателем от внедрения роботизации становится капитал – за счет ущемления интересов наемного персонала. Если не прямая эксплуатация живого труда, так его экономия остается ресурсом для получения прибылей.

Есть еще один пока недостаточно понятный результат развертывания роботизации, который имеет как теоретическое, так и практическое значение. Переход к «безлюдной технологии» на основе массового распространения «умных роботов» ставит вопрос об изменении природы экономических отношений. Можно прогнозировать постепенное вытеснение из системы экономических отношений на периферию такого их звена, как отношения по поводу производства благ (а может быть, даже их исчезновение). Это означает, что в состав новой системы экономических отношений в качестве основных войдут отношения обмена, распределения и потребления.

К этому надо добавить еще ряд неоднозначных последствий перехода к «безлюдной технологии» в сфере материального производства, связанных с характеристикой стоимости и ее трудовой основой. Если стоимость – это овеществленный в продукте труд, то каким будет механизм формирования цены товаров, производимых без участия «живого труда»? Наконец, сами рыночные отношения тоже могут существенно измениться.

Поставленные вопросы важны как для понимания общего контекста назревающих перемен в экономике, так и для характеристики перспектив разрешения проблемы занятости – наиболее острой среди проблем функционирования нынешней хозяйственной системы. Резкое обострение ситуации на рынках труда может спровоцировать масштабный кризис, чреватый самыми тяжелыми последствиями. Не случайно опасность «возвышения роботов» сегодня обсуждается не только писателями-фантастами – об этом уже пишут экономисты [6].

³ Ведомости. 2015. 26 февраля.

⁴ <http://www.mckinsey.com/global-themes/digital-disruption/harnessing-automation-for-a-future-that-works>.

Значит, надо задуматься о разработке новых нестандартных путей решения проблемы растущей «незанятости». В ЕС уровень безработицы сегодня около 10 %, при этом в Греции, Испании он приближается к 25 %. По прогнозам, в период до 2025 г. в мире появится 200 млн новых безработных (в нашей стране, по некоторым прогнозам, к 2040 г. возможно сокращение до 20 млн рабочих мест).

Какие сегодня предлагаются способы решения проблемы незанятости? Самый оптимистичный вариант связан с расчетом на то, что появление новых продуктов, а следовательно, рынков и сфер занятости, приведет к созданию новых рабочих мест. В подтверждение обычно ссылаются на последствия внедрения новых технологий в последние десятилетия, когда освобождение одного рабочего места в сфере материального производства развитых стран сопровождалось созданием дополнительных трех рабочих мест в производстве развивающихся стран и в сферах обслуживания. Кроме того, считается, что еще не до конца использована возможность внутреннего перемещения работников в сфере услуг.

Вместе с тем следует признать реальной опасность вытеснения роботами рабочих мест для людей. Для ее снижения предлагается установить налог на роботы, о чем, в частности, говорил Б. Гейтс. В 2016 г. Европарламент отклонил предложение о введении такого налога, считая, что оплачиваемый налог с прибыли достаточен для воздействия на бизнес. При этом в ЕС разрабатывается нормативный документ о юридическом статусе для роботов, определяющий круг лиц, ответственных за причиненный ими ущерб.

Еще один вариант смягчения негативных последствий роботизации производства (как и других трудосберегающих технологий) связан с выдвижением давней идеи, которая в современной версии получила название «безусловного базового дохода для населения». Такой вариант предполагает регулярную выплату установленной суммы всем членам сообщества вне зависимости от уровня доходов и без необходимости трудоустройства. Его смысл в том, чтобы разорвать жесткую зависимость благосостояния людей от их трудовой занятости. Его можно рассматривать в качестве альтернативы социалистическим проектам национализации и сворачивания рыночных отношений. О такой целесообразности писал американский экономист Томас Пейн еще в конце XVIII в., аналогичные проекты выдвигались и в дальнейшем (организация выплат «социального дивиденда», а также «социального кредита»).

Первый общеевропейский опрос, проведенный в апреле 2016 г., показал, что 64 % жителей Евросоюза поддержали бы введение безусловного базового дохода. (В Швейцарии на референдуме эта идея не получила поддержки.) В Финляндии с 2017 г. проводится эксперимент с введением базового дохода для 2 тыс. безработных. Вместо пособия по безработице они получают 560 евро в месяц. При этом базовый доход будет выплачиваться, даже если человек устроится на работу.

Наконец, заслуживает внимания прогноз Дж. М. Кейнса, сделанный в 1931 г. в разгар Великой депрессии. Английский экономист писал о том, что должно произойти в экономике через 100 лет, т. е. к 2030 г. [4]. Особое внимание он уделил трудосберегающему характеру НТП, считая, что использование его достижений способно решить все проблемы материальной обеспеченности населения, но проблема занятости при этом будет обостряться. Тем не менее Кейнс доказывал, что эту проблему можно решить, сократив рабочий день до 3 часов, а рабочую неделю – до 15 часов. Это позволит решить две проблемы: сохранить занятость и переориентировать людей на использование свободного времени для более гармоничного развития. Но чтобы это случилось,

должна измениться мотивация людей: от накопления материального богатства и потребительской экспансии – к осознанию ценности «искусства жизни как таковой». Таков прогноз Дж. М. Кейнса. Осуществится ли он?

Казалось бы, что такое сокращение рабочего дня способно, по крайней мере, смягчить остроту проблемы занятости. Не случайно в ряде стран проводятся соответствующие эксперименты. Так, в Швеции проверяется вариант перехода на 30-часовую рабочую неделю. Однако при всей полезности сокращения рабочего времени важно учитывать следующее обстоятельство. В современной капиталистической экономике свободное время как безусловное благо для обеспечения гармоничного развития человека превратилось в область потребительского манипулирования со стороны «индустрии потребления». Произошло то, чего не предвидел Кейнс.

Таким образом, разрешение проблемы «незанятости» определяется тем, в какой системе экономических отношений она будет решаться. Будет ли она подчинена интересам извлечения прибыли или возобладают иные интересы и цели?

Список литературы

1. *Бодрунов, С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – СПб., 2016.
2. *Гэлбрейт, Дж. К.* Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. – М., 1969.
3. *Гэлбрейт, Дж. К.* Экономические теории и цели общества / Дж. К. Гэлбрейт. – М., 1976.
4. *Кейнс, Дж. М.* Экономические возможности наших внуков / Дж. М. Кейнс // Вопросы экономики. – 2009. – № 5.
5. *Рязанов, В. Т.* Теория неоиндустриального общества Гэлбрейта: глобальная финансовая сокращения или новая технологическая революция? / В. Т. Рязанов // Гэлбрейт: возвращение / под ред. С. Д. Бодрунова. – М., 2017.
6. *Ford, M.* Rise of The Robots: Technology and The Threat of A Jobless Future / M. Ford. – N.Y., 2015.

Р. А. Субхангулов¹, Г. А. Маслов², А. А. Золотарев³

НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО: ПЕРЕГРУЗКА

27 марта 2017 г. состоялся III Санкт-Петербургский экономический конгресс (СПЭК-2017) «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перегрузка», организованный Институтом нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте [2] под эгидой Отделения общественных наук Российской академии наук.

Основные темы конгресса – пути развития российской промышленности в сложившихся экономических условиях; осуществление международной индустриальной кооперации; выход российской экономики на траекторию устойчивого экономического роста.

Специальная тема СПЭК-2017 была посвящена наследию Джона К. Гэлбрейта и приурочена к 50-летию выхода в свет его фундаментального труда «Новое индустриальное общество» (спустя два года (в 1969 г.) книга была издана в СССР на русском языке).

В работе конгресса приняли участие ученые НИИ РАН, ведущих университетов страны, депутаты Государственной Думы РФ, руководители предприятий реального сектора экономики, представители гражданского общества России и зарубежные коллеги, всего – более 500 человек из 48 городов РФ, из Белоруссии, Казахстана, Азербайджана, Эстонии, Германии, Китая, Франции, Великобритании, Австрии, Греции, США.

С приветственными словами к конгрессу выступили представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития А. И. Котов, член Совета Федерации ФС РФ В. В. Кондрашин и председатель Комитета по промышленной политике и инновациям Санкт-Петербурга М. С. Мейксин. Все они отметили актуальность проведения такого представительного форума в Санкт-Петербурге, поскольку выработка эффективных экономических решений на площадке конгресса важна как для петербургской, так и для российской промышленности.

Открыл работу пленарной сессии конгресса д-р экон. наук, профессор, президент ВЭО России, директор ИНИР им. С. Ю. Витте С. Д. Бодрунов с докладом «Возвращение индустриализации – возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации», посвященным сохраняющейся и постепенно возрастающей роли индустриальных технологий в системе общественного воспроизводства. В докладе отмечено, что

¹ *Рамиль Амирович Субхангулов*, научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, аспирант МГУ им. М. В. Ломоносова.

² *Глеб Андреевич Маслов*, научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, аспирант МГУ им. М. В. Ломоносова.

³ *Александр Анатольевич Золотарев*, исполнительный директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, канд. экон. наук.

в настоящий момент формируется новое качество индустриального производства, открывается путь к новому индустриальному обществу второго поколения. Такой качественный скачок стал возможным благодаря масштабному и ускоряющемуся применению в современном индустриальном производстве новых знаний. Основной тенденцией является сокращение материальной составляющей продукта: удельная капиталоемкость, трудоемкость, материалоемкость изготовления изделий постепенно снижаются, а уровень знаниеемкости возрастает. Все это выступает составной частью научно-технологической революции, которая приведет к изменению общественного устройства. Новое общество и технологии, на которые оно будет опираться, создадут несравнимо более широкие возможности для удовлетворения человеческих потребностей. Но на этом пути существуют определенные риски стратегического характера. Выбор невелик: или превращение человека в придаток технотронной системы, или нооцивилизация. В менее развитых странах возникает угроза использования новых технологических возможностей для безудержного увеличения производства материальных благ, выходящего за рациональные ориентиры. С. Д. Бодрунов призвал помнить, что человек – это единственное существо, способное преобразовать окружающий материальный мир в нематериальный мир знаний, причем в процессе этой трансформации человек познает и себя, формирует культурно-цивилизационный код. В заключение автор подчеркнул, что культура – это особый вид знания, реализованного в поведенческой парадигме его носителя, проявившейся в процессе осознания человеком себя как личности. Только соединение в одном индивиде человека знания и человека культуры открывает путь к подлинно гуманистическому отношению к своим потребностям, к другим людям и окружающему миру.

Академик РАН, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ А. Г. Аганбегян представил доклад «О программе действий по возобновлению экономического роста в 2018–2020 гг.». По его мнению, нынешняя стагнация вызвана исключительно внутренними причинами: все ветви государственной власти за четыре года (2013–2016 гг.) сократили инвестиции в среднем на 25 %. Ситуация усугубляется невозможностью занимать капитал за рубежом из-за санкций и пр. Автор считает, что для преодоления рецессии необходимы инвестиции в основной капитал и форсированные вложения в отрасли экономики знаний. Чтобы обеспечить эффективность этих капиталовложений, требуется: снижение инфляции, ключевой ставки (до 4...5 %), формирование стимулов для инвестиций в человеческий капитал и институциональные преобразования, способствующие устранению препятствий для экономического роста.

Руководитель направления Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования Д. Р. Белоусов предложил свои рецепты преодоления стагнации в докладе «Операция «развитие»: как преодолеть долгосрочную стагнацию». На его взгляд, с одной стороны, продолжается рост мощности новой экономики; с другой – технологическая революция всегда ведет к вытеснению предыдущих «высоких технологий» в развивающиеся страны Африки и Юго-Восточной Азии с очень низкими трудовыми издержками. В таких условиях России требуется опора на традиционные конкурентные преимущества, обеспечение технологической модернизации широкого слоя производств и динамическое равновесие (задачи стабилизации должны совпадать с задачами развития). Из-за дефицита ресурсов при выборе приоритетов развития необходимо идти на риск – безрисковая стратегия не принесет успеха. В качестве основных мер Д. Р. Белоусов предложил: обеспечение «приростного импортозамещения» – вы-

теснение импорта на приростах рынков; взаимосвязанное повышение производительности труда, реальной заработной платы и потребления населения, не разгоняющие обменный курс и инфляцию; формирование полноценной системы поддержки неэнергетического экспорта; развитие новых технологических рынков (в рамках реализации Национальной технологической инициативы).

Фронтменом-докладчиком конгресса стал Джеймс К. Гэлбрейт – известный американский экономист, профессор Техасского университета, один из лидеров научного экономического сообщества США, сын Джона К. Гэлбрейта. Он рассказал о том, какие изменения коснулись теоретического наследия Дж. К. Гэлбрейта и насколько они актуальны сегодня. По его мнению, идеи Гэлбрейта-старшего применимы к анализу не только нынешних проблем, но и истории. «Проблемы в Советском Союзе заключались не в отсутствии свободного рынка, а в том, что система производства была недостаточно гибкой. И потом, когда появился так называемый свободный рынок, все рухнуло вместо того, чтобы улучшиться», – пояснил Джеймс Гэлбрейт. А мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 г., показал, что для эффективного функционирования экономики необходимы государственное регулирование и директивные плановые механизмы.

Академик РАН, д-р физ.-мат. наук, профессор, директор Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН Р. И. Нигматулин выступил с докладом «Экономические балансы — необходимые условия экономического роста». Он привел яркие примеры растущих дисбалансов в экономике: в 1989 г. в нашей стране самолетами воспользовались 140 млн пассажиров – 1 полет на душу в год, а сейчас – 0,6 полета на душу в год. Зачем нам самолеты, спрашивает Р. И. Нигматулин, если 50 % россиян получают зарплату меньше 20 тыс. рублей. За три года продажа автомобилей сократилась на 40 %, а автомобилей класса люкс возросла на 23 %. Объем федерального бюджета составляет 13...15 трлн рублей, в то время как 0,4 % семей имеют 10 трлн рублей дохода в год. По мнению Р. И. Нигматулина, сегодня наблюдается несбалансированный платежный спрос – единственный двигатель экономики. Для преодоления этой негативной тенденции необходимо увеличивать объем госбюджета за счет сокращения доходов сверхбогатых, и это не «борьба» с ними, а «борьба» за стабильность, итогом которой станет баланс цен, доходов, затрат.

О. Н. Смолин, д-р филос. наук, профессор, академик РАО, первый заместитель председателя Комитета по образованию и науке ГД ФС РФ, в своем докладе затронул вопросы социальной политики и развития человеческого потенциала в России. В мире происходит переоценка ценностей, появилось понятие «индекс развития человеческого потенциала», которое используется для оценки достижений и проблем той или иной страны, а также рассматривается как ключевой фактор модернизации. В последние годы мы наблюдаем позитивную динамику в развитии человеческого потенциала: позиции России по критериям долголетия, благосостояния, образования уверенно росли на протяжении последних девяти лет. Вместе с тем, Россия выпала из группы стран с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала, но осталась в группе стран с его высоким уровнем. Чтобы сохранить место в этой группе, России нужна альтернативная стратегия, в которой необходимо отразить положения о новой индустриализации, более справедливом распределении доходов, о вложениях в человеческий капитал, в особенности в образование, без которого невозможна современная модернизация.

В заключение пленарной сессии было подписано соглашение между журналами «Экономическое возрождение России» (представитель – главный редактор С. Д. Бодрунов)

и «Кембриджский журнал Евразийских исследований» (представитель – главный редактор, профессор Кембриджского университета С. Саксена).

Участники конгресса продолжили работу на трех пленарных конференциях, двух семинарах и девяти «круглых столах». Впервые в рамках конгресса состоялась конференция молодых ученых и студентов «Новое индустриальное общество XXI века: взгляд нового поколения».

В рамках первой пленарной конференции «Новая индустриальная экономика: Россия и мировой контекст» (модераторы – А. В. Бузгалин, Дж. К. Гэлбрейт, Р. С. Голов, В. В. Глухов) рассматривались вопросы импортозамещения, диверсификации, роли государства, глобализации, внедрения инноваций, долгового кризиса и многие другие.

На второй пленарной конференции «Образование, наука, культура: место в новом индустриальном обществе XXI века» (модераторы – О. Н. Смолин, Л. А. Булавка-Бузгалина, В. И. Гайдук) участники обсуждали реформы высшего образования, принципы организации учреждений науки, образования и культуры, источники их финансирования, роль государства и бизнеса в развитии человеческого потенциала.

На третьей пленарной конференции «Новое индустриальное общество XXI века: государство и рынок» (модераторы – А. Е. Городецкий, В. Г. Белов, К. А. Хубиев) были затронуты вопросы взаимоотношений государства и рынка: развитие налоговой системы и государственной статистики, модернизационный опыт России, опыт индикативного планирования в разных странах, феномен неоавтаркии и малых семейных предприятий.

Тематика «круглых столов» и семинаров также была разнообразной: будущее политической экономии, развитие человеческого потенциала, драйверы инноваций, социально-экологические, региональные и отраслевые проблемы индустриального производства и многое другое, включая обсуждение роли киберпространства в социально-экономическом развитии общества.

В рамках заключительной пленарной сессии (модератор – С. Д. Бодрунов) состоялась презентация книги «Гэлбрейт: возвращение», на которой прозвучали доклады ученых-экономистов, чьи материалы вошли в книгу. Как подчеркивается в предисловии, главная задача книги – «... дать целостную картину того, как на почве постсоветской России взошли ростки тех семян, которые Гэлбрейт заронил 50 лет назад. И мы хотим показать, что возвращение его – неслучайно. Джон К. Гэлбрейт во многом предвосхитил «повестку дня» экономических дискуссий начала нынешнего века – дискуссий о роли реиндустриализации, о путях создания нового типа материального производства, о возрождении общественного регулирования рыночной экономики и многих других вопросах сегодняшней экономики» [1].

Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института экономики РАН и ИНИР им. С. Ю. Витте, отметил прогрессивную роль теории Джона К. Гэлбрейта с точки зрения разоблачения рыночного фундаментализма, игнорировавшего существенные изменения социально-экономического строя. Популярность Гэлбрейта в СССР можно объяснить рядом причин, но одной из основных, если не самой главной, является схожая оценка государственно-монополистического капитализма как конца прежней стадии развития экономической системы. Однако переход к новому типу капитализма должен быть совершен мирным путем, под контролем государства и общества, во избежание непредсказуемых и потенциально опасных потрясений. Р. С. Гринберг подчеркнул гуманизм Гэлбрейта, последовательно выступавшего за развитие мирного диалога капиталистического и социалисти-

ческого миров и взаимное разоружение. Современный мир, где существует риск перехода конфликта «изоляционистов-протекционистов» и «интернационалистов-глобалистов» в острую фазу, нуждается в таком гуманизме и благоразумии.

В докладе д-ра экон. наук, профессора, заведующего кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова А. А. Пороховского отмечались уникальность научного подхода Джона К. Гэлбрейта, отражавшего реальные практические проблемы, гибкость его мышления и отказ от догматизма. В наше время эта уникальность особенно заметна на фоне крайних форм догматизма и идеологизации, присущих экономической науке. Его можно назвать «творческим защитником рынка»: отмечая ключевые прогрессивные черты рынка, он указывал на рождающиеся внутри него противоречия и возможные пути их разрешения. Возможно, наиболее ярко это иллюстрируют исследования по проблемам корпоративной собственности. Крайне важны размышления Гэлбрейта о соотношении глобализации, международных связей и сохранения национального суверенитета: он говорил о ложности противопоставления и неизбежной конфликтности «национального» и «международного».

Как подчеркнул В. Т. Рязанов, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета СПбГУ, актуальность работ Джона К. Гэлбрейта несомненна. В первую очередь, речь идет о разрешении противоречия между планом и рынком, особенно в условиях правящей в наши дни финансовкратии. Однако нельзя забывать, что со времени написания книги «Новое индустриальное общество» сильно изменилась индустриальная система – из-за развала Советского Союза уже нет противоборства США и СССР. Как отметил В. Т. Рязанов, восприятие «Нового индустриального общества» меняется при его прочтении в разные периоды. Идеи автора видятся по-новому, когда идет сопоставление с практикой разных лет, но они всегда помогают осмысливать происходящие явления. Это говорит о величии книги и ее вневременном значении для науки при несомненной важности новых исследований.

Г. Н. Цаголов, д-р экон. наук, профессор Международного университета в Москве, говорил о харизме, мастерстве речи и обаянии Джона К. Гэлбрейта; рассказал о совместной работе Гэлбрейта и отечественного экономиста С. М. Меньшикова (ими в соавторстве была написана книга «Капитализм, социализм, сосуществование»). В докладе приведено яркое сравнение: труды Гэлбрейта названы докладчиком не зеркалом (выражение американских биографов) общества, а рентгеном, который позволил увидеть глубинные противоречивые отношения внутри капитализма. Гэлбрейт сотворил революцию в науке – она состояла в подрыве устаревших основ экономикса и новом взгляде на капитализм. Г. Н. Цаголов также сделал акцент на идее Гэлбрейта о планирующей системе, порождаемой технотструктурой, как центральном звене экономики. Такого рода планирование может приводить к острым негативным последствиям и должно осуществляться под постоянным общественным контролем в интересах всего общества. Докладчик говорил о травле Гэлбрейта, развернувшейся в среде «главных» американских экономистов, и подчеркнул, что правда всегда пробивает себе дорогу в историческом движении.

Завершило пленарную сессию выступление Джеймса К. Гэлбрейта, который выразил благодарность организаторам конгресса, в том числе лично С. Д. Бодрунову, и обратился к связям своего отца, Джона К. Гэлбрейта, с нашей страной. В 1956 г. последний впервые посетил СССР (г. Ташкент), в дальнейшем он нередко встречался с советскими (а затем – российскими) экономистами. Какое-то время существовала даже вероятность назначения Гэлбрейта на должность посла США в СССР. К сожалению,

недружественный настрой американской политической верхушки, сохранявшийся на протяжении большей части времени, препятствовал инициативам Гэлбрейта по смягчению напряженности между США и СССР и установлению взаимовыгодных контактов. В конце своей речи Джеймс К. Гэлбрейт подчеркнул звучавшую рефреном на протяжении всего конгресса мысль об ограниченности рынка, необходимости его контроля и высоком потенциале творческого развития идей его отца.

Заключительной частью конгресса стала презентация сборника «Гэлбрейт: возвращение» [1], изданного Институтом нового индустриального развития им. С. Ю. Витте. Анонсируя это мероприятие на второй пленарной сессии, А. В. Бузгалин сформулировал основную цель сборника – критически переосмыслить наследие Джона К. Гэлбрейта, показать новые пути развития его идей. Цель можно считать достигнутой: авторы, ведущие экономисты в своих областях, во многом опираясь на разработки Гэлбрейта, тщательно рассмотрели вопросы будущего индустриального производства в XXI в., трансформации отношений государства и корпораций, взаимосвязи индустриальных и постиндустриальных тенденций, экономическую роль государства в решении задач стимулирования развития материального производства и реализации социальных приоритетов.

Книга состоит из трех основных частей («Новое индустриальное общество: возвращение концепции?», «План, рынок и корпорации: 50 лет спустя», «Гэлбрейт: предвидение реиндустриализации?») и приложения, в котором представлены избранные фрагменты из работ Джона К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» и «Экономические теории и цели общества», а также статья С. М. Меньшикова «Великий Гэлбрейт. Слово прощания».

Отмечая продуктивность работы конгресса в целом, участники выразили надежду на регулярность и эффективность последующих дискуссий по поставленным проблемам.

Список литературы

1. Гэлбрейт: возвращение / под ред. С. Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2017. – 424 с.
2. <https://inir.ru/СПЭК-2017/> – сайт Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте.

ПО ПУТИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

*П. Нолан*¹

УРОКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ: ОПЫТ КИТАЯ И РОССИИ

В России на протяжении нескольких лет наблюдается стагнация. Противоречивая экономическая динамика и предшествующих периодов: глубокий спад 1990-х гг., экстенсивный и непродолжительный рост 2000-х гг., кризис 2007–2009 гг. – все это свидетельствует о серьезных проблемах в экономике России. Либеральная экономическая модель, которая реализовывалась в России, привела к деиндустриализации экономики, катастрофическому снижению потенциала индустриального комплекса – базового элемента экономической системы, что сказалось на ее состоянии и устойчивости. Эти проблемы четко обозначились после распада Советского Союза. Чтобы понять их природу, обратимся к советскому прошлому.

Советский Союз во многих сферах экономики занимал передовые позиции, соответствующие мировому уровню. Например, в начале 1990-х гг. я был в Москве на предприятии «Красный пролетарий». Там было установлено сложнейшее оборудование мирового уровня, передовые системы с числовым программным управлением. Когда мы задавали вопросы директору предприятия, он чуть не плакал, говоря, что может теперь продавать только устаревшее примитивное оборудование уровня XIX в., а не числовые, роботизированные станки, которые оказались никому не нужными. Для меня положение этого завода стало символом катастрофы, ярким примером последствий распада Советского Союза. Для наглядности сравним ситуацию в экономике СССР, современной России и Китая в одни и те же периоды.

В 1970–1980-е гг. СССР намного опережал Китай в технологическом плане. Известно, что Советский Союз производил крайне сложную высокотехнологичную продукцию, в том числе порядка 3000 коммерческих самолетов (Ту, Ан и т. д.), которые поставлялись, в том числе, и на мировой рынок. Выпускалась передовая военная техника (МиГи, самолеты конструкторского бюро «Сухой»), при этом использовались технологии мирового уровня. Сегодня ситуация изменилась кардинально: Китай – крупнейший мировой производитель.

¹ Питер Нолан, британский экономист, профессор Кембриджского университета.

На данный момент Китай является самым большим рынком в сфере автомобилестроения, а ведь в 1970-х гг. данного рынка в стране практически не существовало. В Советском Союзе было не менее шести крупнейших заводов, выпускавших автомобили и грузовики, – отставание Китая было огромным. По общему количеству продукции, выпускавшейся машиностроительной отраслью (включая сельскохозяйственную технику, производственное оборудование и пр.), СССР превосходил Соединенные Штаты! В СССР было значительно больше инженеров и ученых, чем в США.

Все это было в 1970–1980-е гг., но с тех пор Китай и страны, сложившиеся на пространстве СССР, поменялись местами. Разумеется, у Китая есть черты, отличающие его от СССР, можно говорить и о других аспектах, однако, на мой взгляд, если бы Советский Союз пошел по пути, выбранному Китаем (а движение в этом направлении наблюдалось в 1980-е гг., вспомним эксперименты в Ленинграде и Ленинградской области), он не только избежал бы коллапса, но и мог быстро продвинуться вперед. Традиционные советские институты при наличии имевшихся высоких технологий могли постепенно реализовать необходимые реформы, но только при ограничении влияния глобального рынка. На Западе принято считать, что распад СССР был неизбежен и безальтернативен. Однако я думаю, что Советский Союз в 1990-е гг. имел шанс быстро продвинуться вперед.

В частности, проведение экономических реформ не требовало такого катастрофического падения качества жизни, которое произошло после распада СССР. При принятии правильных мер и проведении разумной политики можно было значительно улучшить благосостояние советских людей. Это показывает пример Китая.

Во-первых, в Китае была создана атмосфера стабильности, членам Коммунистической партии Китая разъяснили смысл проводимых реформ. Они должны были осознать поставленную задачу и использовать имеющиеся у партии рычаги управления для достижения поставленной цели. Одним из важнейших успехов китайской политической системы с момента запуска программы реформ в 1970-х гг. стала внутренняя реформа Коммунистической партии.

Далее, Китай начал с проведения самых простых, но самых важных реформ. Первые нововведения – в сельскохозяйственном секторе и сфере услуг – внедрялись крайне осторожно. В Советском Союзе (как и в Китае) в аграрной сфере преобладали огромные неэффективные колхозы, и, на мой взгляд, простая реформа институциональной структуры сельскохозяйственных предприятий (особенно в сфере поставок продовольствия и качества производимых продуктов) привела бы к повышению общего благосостояния.

Концепция китайских реформ 1980–1990-х гг. во многом основывалась на идеях Н. И. Бухарина. Китайцы были хорошо знакомы с новой экономической политикой СССР 1920-х гг., и в 1990-х гг. в Китае часто звучал тезис Бухарина о том, что человек должен стать хозяином своей судьбы и стремиться к росту своего благосостояния путем накопления и последующего инвестирования средств. В 1980-х гг. в Китае эта идея была представлена известным (очень популярным в то время) бухаринским лозунгом, который можно перевести как «вперед к богатству».

В 1979 г. на заре реформ я беседовал с Дэн Сяопином, и он повторил вслед за Бухариным: равенство в нищете – это не социализм; социализм предполагает возможность каждого увеличивать свое благосостояние, а для этого нужна мотивация, без утраты, однако, контроля над ситуацией.

В Китае по-своему восприняли советский опыт: идеология Бухарина играла важную роль при выработке подхода к проведению реформ. Помимо реформирования сель-

ского хозяйства, Китай позволил людям «освоить» сферу услуг: открыть небольшие магазины, кафе и рестораны – без каких-либо ограничений. Китайцам разрешили создавать небольшие мануфактуры, малый бизнес. Учредить предприятие было довольно просто – требования по начальному капиталу были крайне мягкими. В основном это касалось легкой промышленности (точно по Бухарину): были созданы условия для организации заведений общепита, ателье по пошиву одежды и т. д.

Третий этап проходил под лозунгом «реформы и открытость». Огромное значение для Китая имел механизм контролируемого доступа к международному капиталу, организованный так, чтобы этот капитал помогал китайскому привлечь в страну высокие технологии. При этом базовые отрасли индустрии, инфраструктура, большая часть науки и образования, крупнейшие банки оставались в руках государства. А вот российские реформаторы начали не с того конца, хотя были отдельные вполне адекватные попытки. Например, в начале эпохи реформ, особенно в Ленинграде в начале 1980-х гг., руководство предпринимало определенные усилия по проведению реформ, похожих на китайские и направленных на реформирование колхозов, малых и средних предприятий и сферы услуг.

Я думаю: если бы не политический коллапс, о причинах которого можно рассуждать долго, СССР мог бы пойти по другому пути. В Китае в результате реформ сельскохозяйственного сектора, сферы услуг, малых и средних предприятий – очень важно! – изменилась структура общества и значительно повысился общий уровень благосостояния. Однако следует понимать, что залогом успеха стала принципиальная позиция Китая о недопустимости передачи контроля над национальной экономикой глобальному бизнесу. Если бы Китай безоговорочно согласился с правилами ВТО (а его постоянно к этому подталкивают) и приватизировал крупные отрасли промышленности, телекоммуникации, металлургию, добывающую промышленность, тяжелую промышленность, авиастроение и т. д., все сложилось бы иначе.

Характерный пример: сохранение контроля над генерацией и распределением электроэнергии позволяет производить современное оборудование и высокие технологии для нужд электроэнергетики на государственных предприятиях. В этом направлении Китай продвинулся очень далеко.

Кроме того, в Китае государству принадлежат авиакомпании, и правительство может приказывать им приобретать самолеты отечественного производства. Таким образом, в Китае создан внутренний рынок для самолетов, рассчитанных на 80...90 пассажиров. Наличие внутреннего рынка сбыта предоставляет Китаю возможность стать в будущем конкурентоспособным в области авиастроения. Трудно сказать, насколько реально достижение этой цели, но для Китая это экономически возможно.

Еще один важный момент: высокие показатели экономического роста говорят об увеличении доходов государства, при этом, несмотря на постоянное давление международных СМИ и МВФ (особенно международных банков), китайское правительство отказалось приватизировать банки. Крупнейшие банки Китая принадлежат государству, и их ресурсы можно использовать для стимулирования экономического развития.

Последний штрих к портрету китайского экономического чуда: правительство использовало государственные доходы, контроль над банками и за сбережениями населения для финансирования крупнейшей за всю историю программы инвестиций в инфраструктуру, в том числе в строительство дорог, госпиталей, школ, жилья, аэропортов, портов, железных дорог и т. д. Таким образом, Китай смог использовать свое

относительно позднее подключение к мировым процессам для создания современной инфраструктуры, заложив основу для будущего процветания. Россия, к сожалению, пошла по другому пути.

Да, советская система распалась, и это был длительный и сложный процесс, но, по-моему, в значительной степени этот процесс – результат усилий по дестабилизации страны, предпринятых международными институтами и, разумеется, США. Было крайне непросто разрушить существующую систему, довести людей до отчаяния, деморализовать их и убедить в отсутствии альтернативы дезинтеграции. Чтобы добиться этого, Запад неустанно трудился на ниве международных отношений и преуспел. Распад СССР – трагедия с далеко идущими последствиями для всей страны и ее граждан.

В 1992 г. я читал курс лекций в Санкт-Петербурге. Никогда не забуду того, что увидел: люди были раздавлены, их культура растоптана, нищие инженеры и ученые продавали ботинки и всякую мелочь – ужасное зрелище.

В том же 1992 г. я брал интервью у Алексея Кудрина, который возглавлял финансовый департамент в правительстве Санкт-Петербурга. Он заказал одной из крупнейших аудиторских компаний в мире (кажется, КПМГ) план развития Санкт-Петербурга. В соответствии с этим планом все материальное производство: фабрики, базы для строительства подводных лодок, сельскохозяйственные предприятия – следовало уничтожить. Концепция развития заключалась в создании исключительно туристического центра и строительстве отелей...

К сожалению, радикальные реформы, проведенные в России, привели к деиндустриализации и другим негативным последствиям – результатам, разительно отличным от китайских.

В. Б. Сироткин¹

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАПАДНОГО КАПИТАЛИЗМА: ЗАКЛЮЧЕНИЯ МАРЖИНАЛИЗМА И ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ

Нами предпринята попытка дать анализ основных тенденций неолиберального капитализма с позиций трудовой теории стоимости К. Маркса. Представляется целесообразным в год столетия русских революций 1917 г. вспомнить марксистские основания критики капитализма. Будет показано, что современный капитализм на Западе в своем стремлении увеличить норму прибыли меняет способы и средства адаптации капитала в социальной среде. Нами рассмотрены три приема приспособления капитала к среде обитания: атомизация и подавление капиталом рабочей силы, распространение влияния капитала за пределы рабочих мест и сотрудничество капитала с бюрократами.

Мы исходили из предположения, что главной движущей силой капиталистического хозяйствования выступает стремление к максимизации нормы прибыли. Эта сила разрушает/преобразует социально-экономическую среду, частью которой выступает сама хозяйственная отрасль человеческой деятельности.

Актуальность исследования определяется следующим:

- неспособностью доминирующей в экономической науке и образовании маржиналистской теории рыночного равновесия адекватно отображать социально-политический динамизм взаимоотношений труда и капитала;
- потребностью в выработке научно обоснованной концепции развития страны и необходимостью выделять научные утверждения из прочих видов высказываний в условиях, позволяющих не отвечать за свои слова.

При анализе капитализма будем исходить из предположения, согласно которому ошибочность трудовой теории стоимости К. Маркса научно не доказана², а стремление к увеличению нормы прибыли выступает главной характеристикой капитализма.

В своих утверждениях мы исходим из следующих предпосылок:

- ситуационная логика способна объяснить приспособление капитала к условиям динамики социальной среды;
- неолиберальная экономическая теория не адекватна социальным условиям; она ограничивает социальное от экономического, производство благ от их распределения;
- утверждения трудовой теории стоимости не получили обоснованной критики;

¹ Владислав Борисович Сироткин, заведующий кафедрой менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, д-р экон. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

² Предпосылку о научной объективности трудовой теории стоимости не следует смешивать с вопросами достоверности других утверждений К. Маркса и многочисленных версий марксистской идеологии.

• отсутствие воображения и критики/честности – основные препятствия для развития способности понимать, что происходит.

О критериях научности утверждений

Выдающийся британский философ Карл Поппер (1902–1994) в 1930-х гг. подверг критике позиции неопозитивизма и утверждал, что индукция и верифицируемость³ не могут выступать в качестве критериев истины и научности утверждений. К. Поппер предложил новую методологическую концепцию знания на основе принципа фальсифицируемости⁴, позволяющего отделять научное знание от ненаучного. Согласно методологической концепции К. Поппера, научная теория не может быть принципиально непроверяемой. Фальсифицированная теория (обнаружен факт, запрещенный теорией) должна быть отброшена как негодная проба. Прогресс в развитии знания – это последовательно сменявшие друг друга теории: выдвижение, формирование, проверка (опровержение) и смена научных теорий. Перечислим отдельные положения методологического подхода К. Поппера, которые потребуются при обосновании последующих утверждений [1]:

1. Познание начинается с проблем, а не с восприятий и наблюдений. Наше знание – это всегда только предложение некоторых пробных решений. Оно может оказаться ошибочным (незнанием) и является временным до тех пор, пока выдерживает критику. Мы не способны установить конечную истину, но можем выявлять наши ошибки.

2. Наука есть метод пробных попыток решить наши проблемы с помощью предположений, контролируемых суровой критикой. Если предложенное решение недоступно критике, оно исключается из рассмотрения как научное. Объективность науки заключается в обоснованности критического метода. Если решение выдерживает критику, мы временно принимаем его как достойное.

3. Решения проблем предлагаются и критикуются. Критика состоит в попытке опровержения предложенного решения. Основное средство логической критики – логическое противоречие. Предмет науки есть конгломерат проблем и пробных решений. То, что существует реально, – это проблемы и научные традиции.

4. Научная объективность есть результат критической позиции, а не отдельного ученого, взаимной критики, сотрудничества и соперничества ученых. Объективность опирается исключительно на взаимную критику по существу дела, а не на среду обитания исследователя.

³ Верифицируемость (от лат. – доказать истину) – понятие методологической науки, характеризующее возможность установления истинности научных утверждений в результате проверки. В концепции логического позитивизма принцип верифицируемости выступает как критерий логической взаимосвязанности концепции, поддающейся эмпирическому обоснованию. Современная методология науки критически относится к идее верифицируемости.

⁴ Фальсифицируемость (принципиальная опровержимость утверждения, опровергаемость, критерий Поппера) – критерий научности эмпирической теории (1935). Теория удовлетворяет критерию Поппера (является фальсифицируемой, т. е. научной), если существует методологическая возможность ее опровержения путем постановки эксперимента. Философская доктрина К. Поппера условием научности теории предполагает ее фальсифицируемость (опровергаемость), а не верифицируемость (доказуемость).

5. Объяснение всегда представляет построение логических выводов. Посылки таких выводов состоят из нескольких начальных условий, а заключением выступает объясняемое. Идея причинного объяснения состоит в том, чтобы найти некоторое объяснение факта, явления, регулярности или исключения из правил.

6. Теория должна иметь такую логическую форму, которая допускает возможность быть опровергнутой опытом. Теория должна удовлетворять трем требованиям: а) исходить из простой, новой, плодотворной и объединяющей идеи; б) быть независимо проверяемой, т. е. вести к представлению явлений, которые еще не наблюдались; в) выдерживать новые и строгие проверки.

7. Кроме общей (дедуктивной, формальной) логики для гуманитарного познания характерна ситуационная логика. Эти науки стоят перед задачей объяснения невольных, часто нежелательных, социальных человеческих действий, которые невозможно объяснить средствами рациональной (общей) логики. Социальная логика считается как с физическим, так и с социальным миром, а также с социальными институтами (традиции, обычаи, государство и др.).

Основной задачей социологии следует считать описание социального окружения с помощью объяснительных теорий. Объективное понимание состоит в сознании того, что действие объективно соответствовало ситуации. Ситуационный анализ замечает психологические элементы элементами ситуации, которые могут быть проанализированы с использованием ситуационной логики.

Трудовая теория стоимости, маржинализм и открытые общества

К 1776 г. шотландский экономист и философ, основоположник классической политэкономии Адам Смит (1723–1790) сформулировал экономические принципы капитализма. Источником любого богатства ученый назвал труд. Труд, необходимый для производства вещи, выступает эквивалентом ее цены. Субстанцию стоимости А. Смит не рассматривал.

Последователь и одновременно оппонент А. Смита английский экономист, крупный коммерсант и биржевик Дэвид Рикардо (1772–1823) предложил однофакторную трудовую теорию стоимости и утверждал, что основным источником стоимости выступают затраты труда. Рикардо сформулировал закон, согласно которому стоимость товаров прямо пропорциональна затратам труда на их производство. Ученый полагал: если сокращать затраты труда, то цена на товар будет падать даже при увеличении спроса. Прибыль владельцев фабрик ученый считал вознаграждением за их труд и критиковал аристократию, получавшую паразитическую ренту вместо того, чтобы работать.

Выдающийся немецкий философ, экономист и социолог К. Маркс (1818–1883) превратил трудовую теорию стоимости в логическое объяснение обмена между рабочим и капиталистом. Труд рабочего образует стоимость товара, но получаемое рабочим вознаграждение меньше стоимости произведенного им товара. Капиталист не получал бы прибыли, если бы соблюдалось равенство: стоимость товара = стоимость труда.

Основным мотивом, пределом и конечной целью капиталистического производства К. Маркс считал прибавочную стоимость. К. Маркс, как и Д. Рикардо, доказывал тенденцию нормы прибыли к понижению. Расхождение заключалось в том, что Д. Рикардо объяснял указанную тенденцию конкурентной борьбой между капиталистами, усиливаемой требованием все больших затрат труда, которое всякий раз прерывается благодаря техническим усовершенствованиям. Маркс полагал, что тенденция нормы

прибыли к понижению – это исторический феномен механизма саморазрушения капитализма. Погоня за устойчивой нормой прибыли определяет изменение органического строения капитала: увеличение доли постоянного капитала в общем объеме капитала при соответствующем снижении доли переменного капитала, выступающего источником прибавочной стоимости.

На основании закона тенденции нормы прибыли к понижению К. Маркс выдвинул теорию циклического развития при капитализме. Главная идея теории циклическости экономического развития состоит в том, что достижению макроэкономического равновесия и устойчивому росту экономики противостоит внутреннее антагонистическое противоречие – стремление увеличивать производство безотносительно к наличию эффективного спроса на товары. Экономические кризисы капитализма К. Маркс объяснял фатальным характером «основного противоречия капитализма» – производить не для потребления, а ради прибыли.

Данные утверждения К. Маркса не были убедительно опровергнуты. К. Поппер полагал, что, пока существует конкуренция, будет сохраняться тенденция к росту производительности труда, экономика будет продолжать развиваться циклически, на что указал К. Маркс. В книге «Открытое общество и его враги»⁵ К. Поппер выступил с критикой историцизма – марксистского пророчества о гибели капитализма.

Теорию циклическости развития и тенденцию к понижению нормы прибыли при капитализме не следует считать фальсифицированной теорией. Поппер был уверен, что каждый раз, когда производительность возрастает, должно начаться, по крайней мере, одно из следующих событий, которое продлится до тех пор, пока оно не уравновесит рост производительности [2]:

- рост потребления и уровня жизни либо всего населения либо его определенных слоев;
- уменьшение рабочего времени через увеличение числа безработных либо за счет сокращения рабочего дня;
- рост объема произведенных, но не нашедших сбыта товаров.

Нежелательное развитие событий должно приводить к контрмерам – ограничению свободного рынка и расширению вмешательства государства. Поппер опасался, что эти меры представляют угрозу для демократии и свободы. Маркс верил в существование «естественного закона исторического развития» – закона эволюции. К. Поппер перечеркнул все поиски смысла таких законов и прочих оснований действий человека. Он утверждал, что жизнь есть результат твоего собственного выбора и последовательных, постепенных шагов к справедливости и братству без надежды на их реализацию⁶. Спасительного круга объяснений открытое общество не предусматривает. Критику и компромиссы Поппер считал концепцией, вытекающей из того, что объективной истины не существует. Он полагал, что существующее на Западе открытое общество – лучшее и справедливейшее из всех существовавших на Земле. Открытое общество мо-

⁵ Открытое общество – термин (1935) французского философа, представителя философии жизни Анри Бергсона (1859–1941) – предлагает критическое отношение к табу и рациональное обоснование решений на базе интеллекта. Закрытое общество характеризуется верой в существование магических табу, которые не обсуждаются [2].

⁶ «Странник! Пути нет, но идти надо» – одна из возможных метафор ситуации человека, предлагаемой К. Поппером (примечание автора).

жет только продвигаться вперед, если оно не хочет быть задержанным и возвращенным в неволю. Задержанные общества насильственно закрываются от влияния со стороны открытых обществ и пытаются вернуться в племенную неволю, где живут в заколдованном круге жизненных табу, законов и обычаев [2]. Философ был сторонником поэтапной социальной инженерии, методов борьбы с конкретным злом, а не борьбы за установление некоего идеального добра. Он утверждал, что Маркс серьезно затормозил исследования в сфере социальных технологий своей пророческой религией и ограничил возможности социализма неколлективистского типа [2].

Научная школа неоклассического направления под названием маржинализм – это доктрина поведения цен и свободных рынков, распределяющих дефицитные ресурсы. Теория предельной полезности (предельных издержек) возникла в конце XIX в. и является противовесом трудовой теории стоимости К. Маркса. Фактором ценности товара выступает его редкость, а не труд. Полезность – это степень удовлетворенности потребителя благом. Ее величина индивидуальна для каждого потребителя. Субъективная оценка полезности зависит от имеющегося запаса товара и степени насыщенности потребности в нем. Ценность блага определяется полезностью последней единицы блага, удовлетворяющей потребность в нем. Закон убывающей предельной полезности утверждает, что по мере количественного роста уже потребляемых единиц блага, субъективная ценность каждой новой единицы блага падает. Это утверждение (1854) объясняет закон спроса и лежит в основе потребительского выбора – выбора, максимизирующего функцию полезности рационального потребителя в условиях ограниченного денежного дохода.

Представитель лозаннской школы, один из основателей маржинализма, Леон Вальрас (1834–1910) утверждал:

а) ничто не имеет изначальной стоимости, кроме той, по которой готов платить покупатель в данный момент;

б) цены, по которым продаются товары, определяются рынком в зависимости от их количества и ценности. Никакие другие условия не следует принимать в расчет;

в) вся стоимость заключается в последней (предельной) добавке, которую вы хотите купить, а не во всем товаре;

г) рынок – высшее достижение человечества – оптимизирует индивидуальное поведение с помощью цен, а не с помощью насилия;

д) рынки, управляемые совершенной конкуренцией, должны достигать равновесия: предложение уравнивает спрос, и цены уравниваются.

Маркс полагал, что жизнь людей определяют объективные законы, не зависящие от воли людей. Вальрас был прогрессистом – сторонником коллективной воли, отличающей нас от животных. Как крупнейший «чистый теоретик» он полагал, что через рынок человечество может уйти от предопределенности и указал путь, по которому мейнстрим экономической теории движется в настоящее время. Вальрас представил экономическую систему в виде уравнений спроса и предложения и первым превратил математику из средства иллюстрации в инструмент выражения экономических взаимосвязей. Концепция равновесия Вальраса стала принципиально новым подходом к анализу экономики.

Неоклассический синтез в учебнике Пола Самуэльсона «Экономикс» в качестве источника прибыли предлагает: образованность, удачливость, предусмотрительность и др. Каждая из указанных причин не выдерживает критики (фальсифицируема), поскольку получение прибыли возможно и без наличия перечисленных источников.

В трудовой теории стоимости труд выступает обязательным условием получения прибыли. Данное положение до сих пор никто не смог научно оспорить.

Экономисты-классики изучали хозяйственную систему со стороны производства – спросу на товары они отводили второстепенную роль. Маржиналисты исходили из равнозначности факторов спроса и предложения в экономике и исследовали главным образом рыночные цены. Они исключили из экономической науки важнейшие положения политэкономии, которые не мог отобразить математический аппарат. Маржинализм является теоретическим обоснованием неолберализма – экономического порядка, устраняющего ограничения для самовозрастания капитала. В центре трудовой теории стоимости К. Маркса стоят прибыль и рабочие места, она указывает на периодические кризисы (снижение цен и нормы прибыли), прогнозирует возникновение противоречий между факторами, определяющими производительность. Представляется актуальным рассмотреть современные средства сопротивления капитала снижению нормы прибыли.

Экономические циклы и неравенство

Для анализа способов сопротивления падению нормы прибыли целесообразно рассмотреть наиболее авторитетные теории существования экономических циклов, поскольку, согласно данной идее, в фазах перехода от спада к подъему капитализм приспособливается и восстанавливает упавшие цены и норму прибыли на капитал. Российский и советский экономист Николай Кондратьев (1892–1938) в 1925 г. опубликовал книгу «Большие циклы конъюнктуры», в которой сформулировал теорию циклов в экономическом, социальном и культурном развитии капиталистических стран. Выделим основные положения данной теории:

1. Большие циклы экономической конъюнктуры состоят из чередующихся фаз относительно высоких и относительно низких темпов экономического роста. Характерный период цикла – 50 лет, с возможными отклонениями от 40 до 60 лет. Большие циклы выявляются в едином процессе динамики экономики.

2. В восходящей фазе большого цикла капитал устремляется в производственную сферу, внедряются новые технологии. Замедление начинается, когда новые изобретения стандартизируются, капиталовложения сокращаются, а сбережения растут.

3. В нисходящей фазе большого цикла капитал застревает в финансовой сфере, капитала накапливается больше, чем можно инвестировать, расширяется предложение кредита, и процентные ставки падают. Начинается депрессия, при которой снижаются заработная плата и цены.

4. Капитализм мутирует: угроза краха ведет к адаптации, изменениям и его выживанию. Какой бы ни была причина цикла, модель перезапустится⁷. Ни один цикл не повторяет предыдущий.

⁷ К 1913 г. теоретик марксизма, философ и экономист Роза Люксембург (1871–1919) установила: а) капитализм – открытая система, занятая поиском новых мест; б) источником кризиса капитализма выступает недопотребление; в) капитализм конечная, а не циклическая система. И. Сталин оправдывал попытку построения социализма в отдельно взятой стране уверенностью в конечности капитализма. В 1930 г. Н. Кондратьев был арестован по делу «Трудовой крестьянской партии», а в 1938 г. расстрелян.

Циклы Кондратьева выступают как последствия изменений внешней среды, в которой функционирует система, а не внутренних процессов. Для задач прогнозирования актуально установление факторов, влияющих на поведение систем.

Австрийский экономист Йозеф Шумпетер (1883–1950) поддержал и развил закономерность, обнаруженную Кондратьевым, и ввел термин «кондратьевские волны». Он использовал понятие инновационных циклов, которые повторяются и исчезают каждые 50...60 лет. Развитие экономики на основе нововведений носит циклический характер. Каждая волна приносит с собой начало очередной новой экономической эпохи [4]. Деловые циклы Шумпетер связывал с нововведениями: экономический подъем ведет к повышению цен на средства производства и предметы труда и к росту заработной платы. Через несколько лет новые товары вытесняют старые (созидательное разрушение). Сокращается доход старых предприятий, а позднее и всех остальных. Снижение доходов ведет к уменьшению спроса на товары и экономическому спаду. Первая инновационная волна (1780–1840-е гг.) была вызвана появлением паровых двигателей и развитием текстильной промышленности; вторая (1840–1900-е гг.) связана с появлением железных дорог и сталелитейной индустрией; третья (1900–1945 гг.) вызвана распространением электричества и двигателя внутреннего сгорания; движущей силой четвертой (1950–1980-е гг.) были достижения в химической промышленности, электронике и аэрокосмической промышленности; пятая (1990–?) связана с распространением сетей типа «клиент – сервер», интернета, телекоммуникаций и мультимедиа. В своих поздних работах Шумпетер утверждал, что крупные корпорации и государственное вмешательство разрушают систему свободного капиталистического предпринимательства. Капитализм как система предпринимательства, основанная на индивидуальном творчестве, постепенно исчезает [5].

В книге французского экономиста Томаса Пикетти (1971 г.) «Капитал в XXI веке» предложен новый взгляд на проблему неравенства доходов в Европе и США [7]. Центральная идея книги: неравенство – это не случайность, а характерная черта капитализма. Пикетти утверждает: а) последние 250 лет постоянно повышается концентрация богатства, а его самокоррекции не происходит; б) решение проблемы возможно путем перераспределения через прогрессивный налог на имущество; в) на протяжении последних 30 лет в США неравенство в доходах резко увеличилось и вернулось на уровень 1930-х гг.; г) мир возвращается к модели патримониального капитализма (наследственного, родового), которая доминировала в XIX в.

Пикетти считает, что быстрый экономический рост обуславливает уменьшение роли капитала и его концентрации в частных руках и ведет к сокращению неравенства. Следствием замедления экономического роста являются рост значимости капитала и увеличение неравенства. Усиление влияния капитала с XVIII в. до настоящего времени прерывалось только один раз – в XX в. В период «славного тридцатилетия» (1945–1975 гг.) в результате двух мировых войн, уничтоживших капитал и сбережения, и кейнсианской политики темпы роста экономики q были выше реальной нормы отдачи на капитал r .

Пикетти доказывает: если $r > q$, то имеет место процесс с положительной обратной связью – по мере экономического роста владельцы капитала не только становятся богаче, но, если они не потребляют всех доходов на капитал, у них остается больше средств для реинвестирования. Рост сбережений ведет к еще большему превышению темпов роста капитала над темпами роста национального дохода. Этот процесс меняет базовое распределение доходов в пользу капитала. Если доходы от капитала более концентрированы, чем трудовые доходы, то личное распределение доходов становится менее

равномерным. Рост неравенства увеличивает вероятность тяжелых социальных и политических последствий.

За методологию анализа Т. Пикетти причислили к марксистам, хотя сам он это отрицает. Американский экономист, лауреат Нобелевской премии 2008 г. Пол Кугман (р. 1953) сказал, что Пикетти изменил наше понимание экономики, так что мы уже не сможем, как прежде, рассуждать о богатстве и неравенстве.

Способы приспособления капитала к снижению прибыли

Рассмотренные ниже явления большинство экономистов-маржиналистов относят к непреднамеренным последствиям экономического роста, вторичным эффектам или экстерналиям и предпочитают не включать их в свои модели, из которых математика вытеснила политэкономия.

Выдающийся французский историк Фернан Бродель (1902–1985) в заключительном томе своего труда [11] рассматривал мировую экономику как чередование господства нескольких миров экономик, объединенных не только единым центром, но и едиными временными ритмами. Капитализм⁸ выживает и трансформируется, производя необходимые преобразования и поправки, перераспределяя силы и средства. Кризисы выступают расплатой за возрастающее несоответствие между структурами производства, спроса, прибыли, занятости и т. д. [11].

Циклы капиталистической экспансии и средства принуждения к неолиберальному порядку рассмотрены нами на страницах журнала [9, 10]. За период своего существования капитализм многократно менял организацию и институты. Акционерные компании (бессрочные организации), Центральный банк и другие формы организации кооперативной деятельности были созданы ради увеличения капиталистической прибыли. Институты (правила игры) капитализма развивались в направлении расширения безличного порядка доступа к ресурсам. Рассмотрим главные способы адаптации капитализма, реализованные в период четвертого кондратьевского цикла (1950–2008 гг., наивысшая точка – 1973 г.).

Атомизация и подавление сопротивления рабочей силы капиталу. Западный капитализм, в котором организованный труд существовал два столетия, перестал считаться с рабочей культурой солидарности и сопротивления.

В 1971 г. США в одностороннем порядке отказались от обмена долларов на золото и перешли к плавающим валютным курсам⁹. Нефтяные шоки 1971 и 1973 гг. пре-

⁸ Бродель выделяет три этажа экономики в обществе: натуральное хозяйство, рыночную экономику и капитализм. Капитал и капитализм – это верхний этаж экономики, рассматривается как сфера международной торговли, спекуляции и банковского кредита. Производственную сферу автор не рассматривает. В схеме Броделя капитализм разрушает социум нижних этажей общества.

⁹ Бретон-Вудское соглашение (1944) предусматривало: а) систему фиксированных обменных курсов валют по отношению к доллару США; б) привязку доллара США к золоту в соотношении 1 тройская унция золота = 35 долларов; в) норматив резервирования для банков на уровне 24 % от объема кредитов. Результатом соглашения стали: снижение государственных долгов в системе капитализма до исторического минимума (25 % от ВВП к 1979 г.); экономический рост прибыли и зарплат; ограничение спекуляций и преобразование сбережений в инвестиции [6].

рвали фазу экономического подъема в четвертом кондратьевском цикле. С 1973 г. развитой мир наращивает долги; снижается доля зарплат в ВВП. В провалах капитализма политики и дельцы обвинили жадность рабочих. После иранской революции 1979 г. и глубокой рецессии (стагфляции), вызванной нефтяным шоком 1971–1973 гг., президент США Рональд Рейган и премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер отказались от кейнсианской политики: сократили зарплаты и госрасходы, закрыли нерентабельные предприятия, что привело к росту безработицы. Капиталисты всегда стремились получить бесплатный труд. С начала 1980-х гг. наблюдалось целенаправленное давление капитала на организованный труд. С середины 1960-х гг. до середины 1980-х гг. рабочий класс развитого мира прошел путь от пассивности к забастовкам и полуреволюционной активности (1968 г.) и потерпел стратегическое поражение [6]. Профсоюз и коллективный договор работников с работодателем утратили свою роль. Капитал победил в глобальной классовой борьбе – разрушил гарантии занятости для рабочей силы.

Изменилось разделение внутри рабочего класса: модель «квалифицированные рабочие против неквалифицированных рабочих» уступила место модели «ядро – периферия». Условием принадлежности к ядру выступают: лояльность работодателю; умение приобретать новые навыки и отказ от существующих; подчинение личной жизни интересам компании, в которой работаешь. Принадлежность к ядру позволяет работнику получить постоянный трудовой договор с нанимателем. Периферийный труд большей частью автоматизируется или перемещается в сферу услуг. Неoliberalизм обеспечил безусловный приоритет капиталу и усилил неравенство внутри рабочего класса.

Рабочий класс не стал бороться с капиталом за политическую власть, как предполагали большевики в России. Он предпочел жить при капитализме и защищать свои профессиональные интересы: уровень заработной платы, условия труда и др. Капитал разделил рабочий класс на группы, подчинил его менеджерам, а затем – финансистам. Менеджеры, работавшие по найму до середины 1970-х гг., солидаризировались с рабочими против чужаков из финансовой среды. Позднее топ-менеджеры реального сектора экономики и финансисты объединили свои цели. Финансовый капитал получил права контроля и надзора за компаниями реального сектора.

Существует гипотеза, согласно которой капитал, «лишившись» сопротивления со стороны рабочей силы, утрачивает способность адаптации /мутации в среде существования и из созидателя превращается в паразита.

Есть и другие значимые факторы, повлиявшие на структуру, качества и способность к сопротивлению рабочих в развитых странах капитализма. Во-первых, эмансипация женщин, получивших доступ к рабочим местам мужчин в периоды Первой и Второй мировых войн, повлияла на подрыв автономии квалифицированных рабочих-мужчин, которые играли главную роль в формировании классового сознания и образования пролетариата. Распространение противозачаточных таблеток (с 1960 г.) расширило участие женщин в труде, что способствовало появлению нового типа рабочего. Во-вторых, постиндустриальная модель свободного рынка расширила поток мигрантов в промышленно развитые страны, который ослабил экономическую силу рабочих по отношению к капиталу. В-третьих, распространение нововведений и автоматизация рабочих мест существенно повлияли на состав и структуру рабочей силы.

Распространение влияния капитала за пределы рабочих мест и превращение нерыночной деятельности в рыночную. Отношения между рабочим классом и капиталом

осуществляются не только в процессе производства на рабочем месте (эксплуатация выражается в оплате меньшего количества часов, чем фактически отработано), но и с использованием потребления и займов.

К концу 1970-х гг. в странах Запада кейнсианские принципы, лежащие в основе общественного договора между рабочими, чиновниками, технократами и политиками, уступили место неолиберальным принципам¹⁰. Цель неолиберализма – атомизация общества и усиление переговорной силы капитала [6]. Ослабляя переговорную силу других членов общества, капитал принуждает оплачивать те виды услуг, доступ к которым ранее обеспечивало государство.

Во-первых, капитал превращает ранее бесплатные услуги в платные – коммерциализирует и приватизирует доступ к общественным благам. Эксплуатация трудящихся распространяется за пределы предприятий – на досуг и на все услуги общества. Неолиберализм вытеснил кейнсианство и настаивает на приватизации услуг по предоставлению общественных благ.

Во-вторых, ориентация деятельности, скорее, не на предпринимательскую прибыль, полученную за счет создания и управления фирмой, а на доход с капитала (инвестирование с низким уровнем риска в целях надежного хранения капитала) позволила существенно расширить объем долгового финансирования. Финансовая сфера выступает посредником между спросом и предложением, устанавливает цену на капитал и перераспределяет его по отраслям и видам деятельности. Когда кредитно-денежная среда выходит из-под контроля государства, она генерирует долги. В нисходящей фазе четвертого кондратьевского цикла излишки накопленного капитала, не поглощаемые инвестициями в реальном секторе экономики, обеспечили воспроизводство капитала не согласно схеме Д-Т-Д', а в соответствии со схемой Д-Д'.

Долговая схема умножения капитала позволила увеличить покупательную способность работающих даже при снижении их реальной заработной платы. Возникла возможность наращивания капитала не только благодаря снижению оплаты труда, но и за счет присоединения процентов, начисляемых на расширяющийся объем займов. Увеличение потребления за счет бесконтрольной эмиссии кредитов стало одной из причин мирового финансового экономического кризиса в 2008 г. и уничтожения огромного объема сбережений в экономике. Крупнейший социолог И. Валерстайн (р. 1929), автор мир-системного анализа утверждает [13]:

- система капитализма заходит в тупик, что проявляется в виде диких колебаний в деятельности, которые делают бессмысленными даже краткосрочные прогнозы;
- страх перед наступлением разрушительного эгалитаризма (восстание масс, власть худших) заставляет сохранять чудовищные диспропорции: чтобы не уменьшать норму прибыли (стимул для создания новых рабочих мест), реальную заработную плату замораживают, а увеличение платежеспособного спроса (стимул для роста производства) расширяют за счет кредитования. В основе всех крупных финансово-экономических кризисов лежат долги, которые не могут быть погашены;

¹⁰ Неолиберальные принципы сформулированы в положениях Вашингтонского консенсуса (1989 г.): приватизация, дерегулирование экономики, либерализация финансовых рынков и др. Использование этих принципов направлено на снижение роли государственного сектора и усиление роли рыночных сил в экономике.

- расширение Евросоюза и глобализация – это способы смягчения экономического и политического противоречия в центре капиталистической мир-системы.

Сотрудничество капитала с бюрократиями. Большинство полагает, что бюрократии демократического государства препятствуют эксплуатации граждан капиталистами. Вместе с тем, с начала 1980-х гг. начал оформляться союз финансовой, корпоративной и политической бюрократии. Представление о том, что главной целью корпораций выступает создание вещей, устарело. Среди ценностей промышленных компаний на первое место выдвинулось создание денег. Основатель второго по величине индексного фонда Vanguard американский предприниматель и финансист Д. Блог (р. 1929) утверждает [14]:

- в США от капитализма собственников перешли к капитализму менеджеров и посредников (финансовые посредники контролируют более 50 % всех акций);

- интересы финансовых институтов взаимозависимы, в том числе благодаря совместному владению собственностью. В результате советы директоров компаний (органы надзора) захвачены менеджерами, которые руководствуются не интересами акционеров, а собственной выгодой;

- доля вознаграждения управляющих не пропорциональна эффективности их деятельности в интересах инвесторов; оппортунизм менеджеров (действия во вред другим) позволяет им получать высокие доходы даже в периоды кризисов.

Американские исследователи Дж. Фридмен и В. Краус приводят объяснение кризисов с позиций ограниченной рациональности [15]:

- недостаток современных демократий заключается в том, что, пытаясь решить социальные и экономические проблемы, законодатели и регуляторы должны принимать единую интерпретацию (возможно, не лучшую, а худшую, ориентированную на безответственного и аморального участника), которая, приняв форму закона, обеспечит единообразное поведение во всей системе. Если такая интерпретация ошибочна, то под угрозой оказывается вся система;

- регуляторы под влиянием концепции стимулов упускают из вида возможность произвольных когнитивных ошибок, что ведет к оправданию требований «надзора над капиталистами». Вместе с тем, сами регуляторы допускают ошибки: а) ошибочно принимают неверную гипотезу в масштабах всего общества (из-за единообразных действий большого числа участников такие ошибки многократно умножаются в масштабах общества); б) ошибочно отказываются от верной гипотезы;

- нерегулируемый капитализм не может быть хуже регулируемого, так как разнообразие имеет больше шансов, чем «стадное» поведение: частные игроки не могут навязывать свое мнение в качестве закона для исполнения во всем обществе.

Следствием слияния государственной и частной власти является глобальная бюрократизация: культ сертификатов, лицензий, рейтингов, дипломов и других бумаг. Под предлогом формирования честных, безличных отношений юридическое устройство общества наполняется инструментами произвольного извлечения денег у граждан. Парадокс либеральной политики социального государства заключается в том, что любые действия по уменьшению вмешательства правительства в экономику ведут к росту числа чиновников и расширению регулирования. Известный антрополог Дэвид Гребер (р. 1961) указывает, что культура бюрократического оценивания и контроля распространяется, становится вездесущей и может рассматриваться как продолжение базовой логики классовой перестройки общества, которая началась в 1970–1980-х гг. Ученый полагает, что суть процессов тотальной бюрократизации

заключается в превращении корпоративной бюрократии в продолжение финансовой системы [12].

С 1960–1970-х гг. неoinституционалисты¹¹ (Р. Коуз, Д. Норт и О. Уильямсон и др.) стремятся, отталкиваясь от неоклассической экономической теории и ее современных методов (микроэкономика и теория игр), дедуктивным путем объяснять конкретные явления общественной жизни. Неoinституционалисты движутся от экономики к политике и праву, а не наоборот, как это делали старые институционалисты. Последние (Т. Веблен, У. Митчелл, Т. Поланьи) исследовали на основе холизма коллективное поведение (действия профсоюзов и правительства), а неoinституционализм основан на методологическом индивидуализме, концепции экономического человека и любую деятельность рассматривает по аналогии с рыночным обменом. Согласно этой концепции: а) государство – это рынок особого рода: избиратели и политики представлены как индивиды, обменивающиеся голосами и обещаниями; б) под формальными институтами понимаются правила (ограничения), созданные и поддерживаемые государственными чиновниками; в) повышение отдачи и снижение институциональных издержек осуществляется на основе формализации, единой стандартизации, формального контроля и применения санкций к нарушителям.

Современный институционализм открывает возможности для исследований экономики бюрократии – системы организаций, отвечающей двум условиям: 1 – эта система не производит материальные блага, имеющие стоимостную оценку; 2 – система получает часть своих доходов, реализуя собственные интересы и интересы особых групп. За счет общественных благ бюрократические организации могут получать большие доходы. Принятие дорогостоящих проектов, использование путей обхода единого порядка и контроля позволяют получать политическую ренту. Поведение бюрократии определяет поиск ренты.

Исходя из предпосылок неoinституционализма можно допустить, что для большинства стран мира институциональные издержки, необходимые для создания порядка открытого доступа¹², предельно высоки.

Заключение

1. Капиталистический способ хозяйствования обеспечил высокий уровень жизни людей на Западе. С начала промышленной революции в Англии благосостояние населения западных стран росло. Пророчество К. Маркса и большевиков о гибели буржуазно-промышленного капитализма не осуществилось, несмотря на жестокие кризисы и две мировые войны. За 250 лет своего существования капитализм неоднократно демонстрировал способность адаптироваться и видоизменять социальную среду, в которую он встроен. В восстановительной фазе каждого кондратьевского цикла капитал

¹¹ Неoinституционализм разделяет с неоклассикой концепцию экономического человека. Это – рациональный индивид, руководствующийся в своей деятельности единственно экономическим принципом маржинализма – сравнением предельных выгод и предельных издержек.

¹² Порядок открытого доступа – равный для всех, безличный порядок коммуникаций граждан с организациями и институтами общества. В обществах ограниченного доступа элиты за счет наличия привилегий при коммуникациях с организациями и институтами получают сверхдоходы/ренты.

восстанавливал норму прибыли, расширял поле своей деятельности и предлагал социуму новые правила игры.

2. Анализ динамики капитализма целесообразно осуществлять с позиций трудовой теории стоимости, сформулированной К. Марксом. В отличие от теорий, основанных на маржинализме (методологическом индивидуализме), теория прибавочной стоимости и снижения нормы прибыли способна адекватно отображать политические и социальные последствия взаимоотношений главных факторов производства – капитала и труда. Уровень абстракции в теории, сформулированной К. Марксом, позволяет дать анализ последствий взаимодействия капитала и рабочей силы для больших групп участников. К. Маркс разработал новую концепцию подозрительности в экономике – познание нового типа, основанное на неверии в идеи, ценности и убеждения, за которыми стоят классовые интересы. Концепции подозрительности использовали также Ф. Ницше (присутствие скрытого биологического дочеловеческого начала), З. Фрейд (наличие подсознания). Указанная идея выявления обманов и самообманов существенно повлияла на последующее развитие науки, культуры и искусства.

3. Идеология социализма выступает как наследие христианства – веры в воображаемую справедливость. Христиане верили в то, что совесть должна судить власть, а не наоборот. В социалистической доктрине источником справедливости выступает государство. Неолиберальные теории опровергают идею коллективного блага и полагают, что рыночный обмен – лучший способ увеличить объем благ для индивидов. Либеральный подход выделяет свободу как главную ценность и не стремится преодолеть неравенство – разделяет мир на сильных и слабых. Современные институциональные теории капитализма основаны на принципах методологического индивидуализма и маржинализма. Вместе с тем, неоинституциональная концепция позволяет по-новому увидеть и оценить бюрократическое поведение, его последствия и эффективность иерархии.

4. Для получения достоверных выводов о динамике современного отечественного капитализма на основе теории длинных циклов не хватает надежных данных: продолжительности наблюдения длиной в 30 лет недостаточно, а достоверность доступных данных не вызывает доверия. В то же время можно с достаточно высокой степенью надежности утверждать следующее:

а) с начала 1990-х гг. капитал радикально преобразовал отношения между людьми и социальную среду в стране. Уровень имущественного, социального и политического неравенства граждан многократно увеличился. Любое благо надоедает и уже не привлекает, когда мы перестаем его замечать и не способны оценить. Рабочий класс устал от советского социализма и получил неолиберальный капитализм. От самоорганизующегося капитализма начала 1990-х гг. перешли к изоляционизму и капитализму, формируемому и управляемому группой лиц сверху. Обострилась проблема легитимной ротации участников правящей группы, критики и контроля за их действиями;

б) росло неравенство в уровне жизни различных групп населения и между регионами страны. Организованное сопротивление экспансии капиталистических отношений было устранено. Главные средства противостояния экспансии капитала со стороны общества: высокие налоги на престижное имущество и наследство, дифференцированная шкала налогов на доходы – задействованы не были. Предметом первостепенного внимания правительства стали налоги на труд и потребление, которые проще собирать;

в) Россия рассчиталась с внешними долгами и получила значительные золотовалютные резервы, небольшой внутренний госдолг и дефицит бюджета;

г) распределение капитала по отраслям и среднюю норму прибыли формирует не рыночная конкуренция, а иерархическая система власти. Отток капитала превышал его приток в страну. Потенциал частного капитала использовался существенно слабее, чем государственно-монополистического сектора. Рост зарплат существенно превышал темпы производительности. Качество продукции и услуг для граждан не повышалось; цены на товары и услуги постоянно росли;

д) деятельность политиков и чиновников при формировании и контроле за институтами была ориентирована преимущественно на поиск ренты, а не на наращивание общественных благ. Росло число запретов, предписаний и бумажной волокиты, ужесточалось наказание за их нарушение. Класс руководителей общества устанавливает и распространяет нормы поведения для большинства (поведение по правилам), а сам нарушает эти нормы (поведение исходя из ситуации). В результате такой институциональной практики неопределенность результатов деятельности растет, а доверие в обществе падает.

Большинство перечисленных отрицательных явлений, обострившихся после капиталистической трансформации в стране, имели место и в эпоху СССР. Проблема выявления факторов влияния (капитал, институты, технологии и др.) на социально-экономические процессы в стране остается малоизученной. Рекомендации по улучшению экономического поведения основываются на заключениях западных исследователей (институционалистов, маржиналистов, эволюционистов, неоклассиков и др.), сформулированных для условий капитализма в западных демократиях (защита прав собственности, индивидуализм и др.).

5. Основной движущей силой капитализма в нашей стране выступает государственная власть, а не частный капитал и рынки. В системах государственно-монополистического капитализма такого типа присутствует следующее экономическое противоречие: с одной стороны, государству следует сдерживать экспансию капитала и защищать покупательную способность трудящихся; с другой – стимулировать активность капитала (наращивать инновации, инвестиции и экономический рост – источники увеличения благ). Государственная власть в обществах ограниченного доступа вынуждена в экономической подсистеме бороться сама с собой.

Основным инструментом управления в иерархических системах выступает соотношение цен и заработных плат, позволяющее удерживать эмоции большинства в зоне безразличия. Монетарных мер для поддержания платежеспособного спроса в таких системах недостаточно. Для перемещения капитала по отраслям требуется прямое вмешательство правительства и президента в поведение субъектов хозяйствования, препятствующее воспроизводству экономики дефицита.

6. Экономические теории могут быть представлены как научные при условии достаточно продолжительного следования одним и тем же безличным правилам поведения, как это происходило в западных капиталистических обществах. В среде, где поведение, рассматриваемое как законное, через непродолжительный промежуток времени объявляется новым лидером незаконным, общественные теории, претендующие на научность (выявление регулярностей), имеют мало возможностей опереться на достоверные эмпирические закономерности.

В режимах ограниченного доступа власть не испытывает особой нужды в научных причинно-следственных объяснительных и описательных экономических теориях. Такие теории заменяют идеологии – большие рассказы, направленные против опасных классов. Фрагменты околонуточных текстов и дискурсов широко используют сред-

ства массовой информации при постановках популистских шоу и спектаклей. В таких зрелищах участники не различают возможное и желаемое (ожидаемое), смешивают цели и средства их реализации, полагают себя безгрешными и ищут ответственных за свои ошибки. Чтобы власть могла сбалансировать влияние различных монополистических и олигополистических групп в обществе в ручном режиме более востребован ситуационный анализ.

Список литературы

1. *Поппер, К.* Эволюционная эпистемология и логика социальных наук / К. Поппер. – М.: Эдиториал, УРСЕ, 2000.
2. *Поппер, К.* Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М.: Феникс, 1992.
3. *Маркс, К.* Капитал. Критика политической экономии: Т. 1 / К. Маркс. – М.: Изд-во МАИИ, Иванов и Фербер, 2016.
4. *Шумпетер, И.* Теория экономического развития / И. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982.
5. *Шумпетер, И.* Капитализм, социализм, демократия / И. Шумпетер. – М.: Экономика, 1995.
6. *Мейсон, П.* Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему / П. Мейсон. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
7. *Пикетти, Т.* Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
8. *Поланьи, К.* Великая трансформация, политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи. – М.: Территория будущего, 2009.
9. *Сироткин, В. Б.* Взаимообусловленность экономической и политической власти: принуждение к неолиберальному порядку / В. Б. Сироткин // Экономическое возрождение России. – 2016. – №1 (47). – С. 82–100.
10. *Сироткин, В. Б.* Циклы капиталистического накопления: от материальной экспансии к финансовой / В. Б. Сироткин // Экономическое возрождение России. – 2016. – №2 (48). – С. 69–84.
11. *Бродель, Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.: в 3 т. – Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Прогресс, 1986; Т. 2. Игры обмена. – М.: Прогресс, 1988; Т. 3. Время мира. – М.: Прогресс, 1992.
12. *Гребер, Д.* Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии / Д. Гребер. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
13. *Валлерстайн, И.* Динамика глобального кризиса: тридцать лет спустя / И. Валлерстайн // Эксперт. – 2009. – №35. – С. 48–54.
14. *Блог, Д.* Битва за душу капитализма / Д. Блог. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011.
15. *Фридмен, Дж.* Рукотворный финансовый кризис: системные риски и провал регулирования / Дж. Фридмен, В. Краус. – М.: Мысль, 2012.

Е. В. Попов¹, А. Ю. Веретенникова², Ж. К. Омонов³

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АТЛАС СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ⁴

Введение

Нестабильность российской экономики, вызванная как внешними экономическими и политическими изменениями, так и постепенной деиндустриализацией страны, общим снижением экономических показателей, ростом социальной напряженности, негативной демографической динамикой и множеством сопутствующих проблем, требует разработки и внедрения моделей, позволяющих более эффективно решать общественные проблемы. Основой таких моделей могут стать социально-инновационные проекты, предлагающие альтернативные способы трансформации социально-экономических процессов. Для российской экономики социальные инновации являются особо значимым направлением, что подтверждается разрабатываемыми концепциями инновационного развития в сферах образования, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунального хозяйства, а также в социальной сфере. Более того, социально-инновационное развитие общественного сектора экономики является фундаментальной задачей, что обусловлено его влиянием на экономическое благосостояние [1], а следовательно, качество жизни населения.

Эффективное социально-инновационное развитие предполагает наличие институциональных условий, стимулирующих социальную активность населения и поддерживающих социальных новаторов. Отметим, что по результатам проведенных ранее исследований наиболее эффективные инновационные проекты в социальной сфере (в международной и отечественной практике) инициированы простыми гражданами [61].

Целью данного исследования является анализ институциональной среды формирования социальных инноваций в российской экономике с помощью метода институционального атласа. Нами были проанализированы подходы к рассмотрению социальных инноваций; представлены и обоснованы критерии институционального атласа; выделены 58 основных экономических институтов, систематизированных в рамках институционального атласа; проведен качественный анализ уровня их развития и сделан вывод о проблемных областях в институциональной среде.

¹ *Евгений Васильевич Попов*, руководитель Центра экономической теории Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор.

² *Анна Юрьевна Веретенникова*, научный сотрудник Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, канд. экон. наук.

³ *Жоомарт Кубанычбекович Омонов*, аспирант, младший научный сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Института государственного управления и предпринимательства.

⁴ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-32-00003.

1. Определение социальных инноваций

Проблемам социальных инноваций посвящены многочисленные форумы и конференции: конференция «Social Innovation Residency» в Канаде, «Social innovation summit» в Сан-Франциско, Форум социальных инноваций регионов (Омск). Растет число структур и организаций, занимающихся поддержкой развития социальных инноваций: офис социальных инноваций и гражданского участия в Белом доме (Вашингтон), Министерство социального развития и социальных инноваций (Британская Колумбия), Центр социального предпринимательства и социальных инноваций (НИУ ВШЭ) и др.

Интерес к данной тематике обусловлен быстрой трансформацией современных социально-экономических систем в связи с увеличением скорости технологических изменений, процессом глобализации, интенсивностью информационных потоков, а также развитием сетевых отношений между экономическими агентами.

При этом теория социальных инноваций еще только формируется, несмотря на то что социальные инновации являются одним из эффективных инструментов повышения общественного благосостояния [16]. Среди основных наиболее известных примеров социальных инноваций: Википедия, Открытый университет, проекты массового образования (Coursera, Khan Academy); сообщества ветровых ферм [20] и др.

В научной литературе данная проблематика раскрыта недостаточно, в частности, отсутствует общепринятая трактовка социальных инноваций. Среди зарубежных исследователей, раскрывающих сущность данного явления, выделим Дж. Мулгана, П. Коха, Дж. Хукнеса, Дж. Филаса, М. Мура, Р. Нельсона, Л. Эрла; среди отечественных назовем А. Голубеву, Е. Соколову, Х. З. Ксенофонтову. Особенности развития социальных инноваций и социальной инфраструктуры раскрыты также в работах ученых уральской экономической школы.

Существует три основных подхода к определению социальных инноваций. Представители первого подхода [20, 27, 52, 54, 58] трактуют социальные инновации как инновации, нацеленные на достижение социальных результатов, при этом социальность должна присутствовать и в самой деятельности. Представители второго подхода [21, 34, 50, 57] и Центр социальных инноваций Стэнфордского университета рассматривают социальные инновации как новшества, происходящие в социальном пространстве, уделяя основное внимание процессным, институциональным и организационным нововведениям. Такая трактовка близка к сфере институционального анализа. Представители третьего подхода [14, 16, 42, 61] оперируют понятием инноваций в общественном секторе, что в определенной степени тождественно понятию социальных инноваций, которые рассматриваются как общественное благо.

Исходя из проведенного анализа, мы предлагаем следующее определение социальных инноваций: *новые комбинации ресурсов в социальном пространстве, меняющие институциональный контекст и стимулирующие эффективное решение общественных проблем*. Под социальным пространством понимается совокупность взаимосвязанных социальных процессов, отношений, а также социальных практик и позиций, влияющих на деятельность по созданию социальных инноваций. Институциональный контекст – совокупность институтов, определяющих текущее развитие социально-экономических процессов.

2. Институциональный анализ социальных инноваций

За последние десятилетия институциональная экономика получила широкое признание. Это подтверждается присуждением нобелевских премий Дж. Бьюкене-

ну (1986), Р. Коузу (1991), Д. Норт (1993), Л. Гурвицу, Р. Майерсону и Э. Маскину (2007), О. Ульямсону и Э. Остром (2009), О. Харту и Б. Хольстрому (2016). Сам термин «институт» очень распространен в современном научном мире. К тому же, применение неоклассических методов решения реальных экономических задач все чаще показывает свою несостоятельность, в том числе в текущих экономических и политических условиях. При этом, как отмечают исследователи [3, 10], термин «институты» понимается по-разному как в среде экономистов, так и среди представителей социологии, философии, истории, юриспруденции. В связи с этим можно наблюдать смешение различных направлений институционализма (традиционного, нового, математического), а также заимствование отдельных понятий и категорий в смежных областях. Вследствие методологической разобщенности большинство попыток проведения качественного институционального анализа не увенчалось успехом. В данном исследовании мы используем теоретико-методологический аппарат новой институциональной теории, который позволяет выделять основные экономические институты из всего многообразия норм и правил, характеризующих принципы и черты «разумного хозяйствования».

Широко известна трактовка института Д. Нортом – «как правил игры». В свою очередь, Э. Фуруботн и Р. Рихтер предлагают понимать под институтом набор формальных и неформальных правил, включая устройства, обеспечивающие их соблюдение [13]. Данное определение дает более развернутое понимание института. Именно с этой позиции происходило построение институционального атласа социальных инноваций в данном исследовании.

Целесообразность применения методов институционального анализа для исследования феномена социальных инноваций, а также тенденций и механизмов их развития подтверждается тем, что все виды ресурсов и все заинтересованные лица связаны между собой системой формальных и неформальных правил и норм, которые представляют собой институциональный контекст социальных инноваций. Взаимодействие институтов и социальных инноваций отражено в следующих тезисах:

- институты формируют социальные инновации. Институциональная среда может как формировать, так и сдерживать социально-инновационные инициативы [66];
- социальные инновации имеют потенциал, чтобы трансформировать и менять институты. Ярким примером может служить идея детского сада Фридриха Фребеля, которая несомненно являлась социальной инновацией, а впоследствии полностью изменила институты дошкольного образования;
- социальные инновации могут быть преобразованы в институты, т. е. институционализированы. Каждая социальная инновационная практика имеет свойство институционально закрепляться. Более того, при расширении социально-инновационной практики происходит заимствование социальных инноваций вместе с институтами социальных инноваций. Например, первая успешная модель микрокредитования была институционально закреплена в виде институтов, на базе которых функционировал Грамин-банк. Впоследствии институты вместе с самой моделью микрокредитования были заимствованы другими странами.

3. Критерии институционального атласа

Атлас является многофакторной системной характеристикой объекта исследования. Под институциональным атласом подразумевается сводная классификация институтов, объединяющих несколько типов их систематизации по различным критери-

ям. В рамках данного исследования были выделены следующие критерии систематизации институтов.

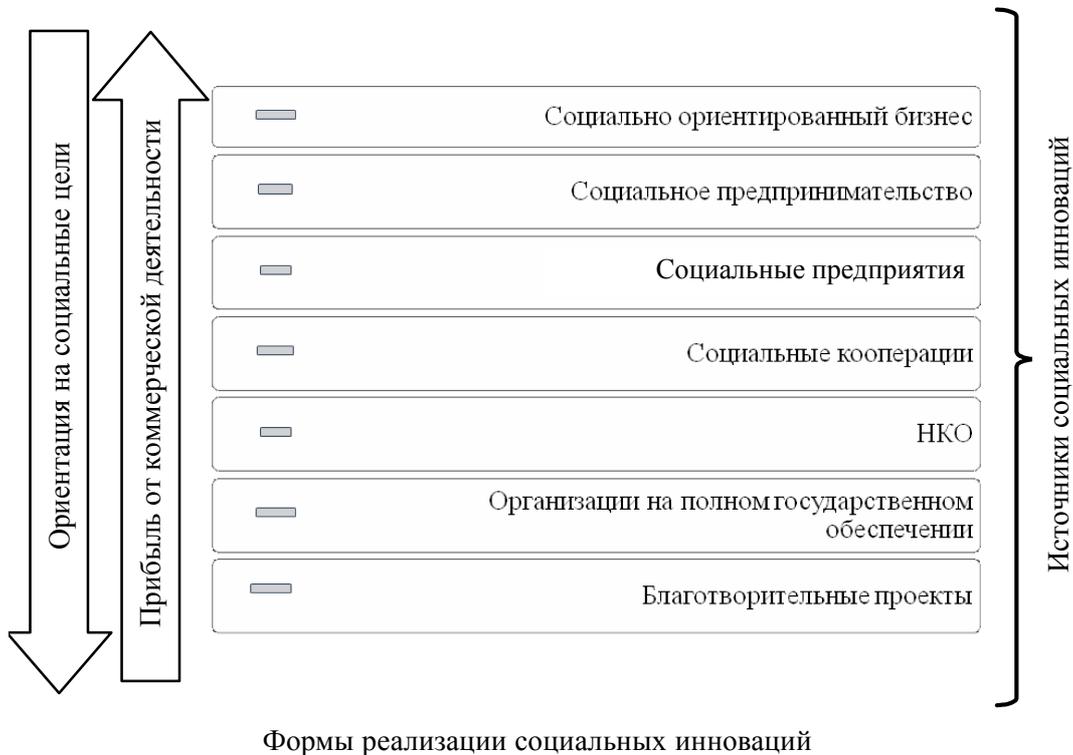
Первый критерий – это источник социальных инноваций. В целом, любая организация или кооперация, создающая социальную ценность, может выступать в качестве производителя социальных инноваций. Важно отметить, что на создание социальных инноваций влияет наличие: 1) социальной миссии организации, что определяет сам факт существования социальной инновации; 2) коммерческой деятельности, что является источником финансирования социальных инноваций. Как отмечает Д. Янг [69], для устойчивого развития организаций, способных создавать социальные ценности в рыночной среде, необходимо гармонично совмещать социальную миссию и коммерческую деятельность. Ученый выделил следующие формы реализации социальных инноваций: социально ориентированный бизнес, социальное предпринимательство, социальные предприятия, некоммерческие организации, организации на полном государственном обеспечении, благотворительные проекты (см. рисунок).

Социально ориентированный бизнес нацелен на стратегические достижения, когда социальная миссия позволяет улучшить общественные отношения и эффективно сотрудничать с государством.

Социальное предпринимательство стремится к достижению баланса между социальной ценностью и прибылью.

Социальные предприятия – это вид организаций, созданных для достижения социальных целей, но при этом использующих коммерческую стратегию.

Некоммерческие организации не ориентированы на получение прибыли, но могут получать доходы для поддержания деятельности своей организации. В данную

категорию также входят такие традиционные организации, как некоммерческие театры, госпитали, школы, производители социальных услуг. Основными отличительными признаками данных организаций являются: покрытие собственных издержек выручкой; ненацеленность на прибыль; при невозможности полного покрытия выручкой собственных издержек привлечение других источников финансирования (субсидии государства, поддержка фондов, благотворительность).

Социальные кооперации представляют собой объединения граждан, нацеленных на достижение общественных выгод.

Доход от *благотворительных проектов* направляется на реализацию социальных целей и помощь нуждающимся.

В связи с тем, что особую роль в производстве социальных инноваций играют гражданские инициативы [59], при разработке институционального атласа мы сконцентрировались на следующих формах реализации социальных инноваций: социальное предпринимательство, социальные кооперации, НКО, благотворительные проекты и социально ориентированный бизнес.

Второй критерий институционального атласа – тип ресурсов (трудовые, информационные, финансовые и капитальные). Трудовые ресурсы рассматриваются здесь как интеллектуальный ресурс [9].

Третий критерий представляет собой фазы социально-инновационного процесса. Цикл развития, согласно Й. Шумпетеру [63], состоит из трех фаз: инвенция, инновация, диффузия. На этапе инвенции создается прототип нового продукта (услуги, технологии) с использованием нового способа применения существующего знания. Данный прототип представляет собой базовую модель инновации. В фазе инновации происходит внедрение данной модели. Под диффузией понимается распространение инновации путем ее копирования либо создания подобного продукта. Развивая идеи Й. Шумпетера, С. В. Кортов [2] выделяет следующие фазы инновационного процесса: инвенция, имитация и адаптация. Инвенция включает в себя определение прав на знание, оценку его стоимости, трансформацию знания в объект и установление монопольного права на объект. Имитация обеспечивает диффузию инновации путем копирования или повторения готового цикла производства объекта. Процесс адаптации предполагает трансформацию инновации в условиях изменения потребительских предпочтений в связи с социальными, экономическими, политическими или технологическими переменами [2]. В книге «The Open Book of Social Innovation» [20] выделяются шесть фаз процесса социальных инноваций: побуждение, предложение, испытание, сохранение, масштабирование и системное изменение. Социальные инновации рассматриваются здесь как импульс, ведущий к значимым социальным изменениям.

С нашей точки зрения, все указанные подходы имеют недостатки. Так, в двух первых подходах уделяется мало внимания процессу инициации, играющему важную роль при создании социальных инноваций. Автор третьего подхода недостаточно внимания уделяет особенностям институциональной среды создания социальных инноваций, спросу на социальные инновации и адаптации к быстро меняющимся реалиям или новым территориям охвата.

Мы выделяем четыре фазы социально-инновационного процесса: инициация, инвенция, имитация и адаптация. На стадии инициации на основе анализа проблемного поля формируется идея социально-инновационного проекта. На стадии инвенции разработчик облекает идею в конкретную форму: прорабатывается суть проекта, формируется основная документация, команда проекта и т. д. Поскольку процесс создания

социальных инноваций тесно связан с обеспеченностью населения общественными благами, дисфункциями государственных и общественных институтов, провалами рынка, необходим комплексный анализ процесса инициации. Оформленная в том или ином виде идея проходит через определенный институциональный фильтр. Как только проект готов, целесообразно перейти к доведению инновации до потребителя. Стадия имитации предполагает распространение инновации среди потребителей, а также копирование предлагаемого решения на других территориях или силами иных экономических субъектов. Потребности общества и особенности социально-экономических систем постоянно меняются, и социальные инновации должны адаптироваться к данным изменениям. Подобное «возрождение» реализуется в рамках стадии адаптации, а жизненный цикл запускается вновь.

4. Институты социальных инноваций

Для проектирования институционального атласа социальных инноваций выделены 58 основных экономических институтов, представленных в научной литературе, а также подтвержденных существующими нормативно-правовыми актами. Данные институты базируются на законодательных актах (Конституция РФ, Гражданский и Трудовой кодексы, указы, постановления Правительства и Президента РФ, региональные нормативно-правовые акты и т. д.). Все институты объединены в группы (табл. 1–6).

Институты развития человеческого капитала характеризуют изменение количества компетентных специалистов, потоки знаний, повышение компетентности персонала, создание позитивных экстерналий, усиление коллабораций и др. В данную группу были объединены следующие институты (см. табл. 1).

Государство является основным игроком в развитии социальных инноваций. Последние могут инициироваться и реализовываться как самим государством, так и гражданами, при поддержке государства. Более того, социальные инновации могут выступать как результат эффективного сотрудничества государства с частным сектором, учебными заведениями, некоммерческими организациями и с гражданскими инициативами. В табл. 2 представлены институты блока «государственное управление».

Таблица 1

Институты развития человеческого капитала

Номер	Название	Упоминание в литературе
1	Институты распространения знаний	[19, 45, 53]
2	Институты высшего образования	[29, 43, 70]
3	Институты базового образования	[29, 43, 70]
4	Институты подготовки научно-исследовательских кадров	[29, 43, 44]
5	Институты здравоохранения	[20, 29, 64]
6	Институты миграционной политики	[17, 25, 47]
7	Институты переподготовки кадров	[29, 43, 44]
8	Институты повышения квалификации	[27, 35, 47]

Институты государственного управления

Номер	Название	Упоминание в литературе
9	Институты государственно-частного партнерства	[39, 41, 45]
10	Институты регулирования деятельности предпринимательства	[51, 60]
11	Институты стратегической политики	[23, 32, 35, 51]
12	Институты занятости	[25, 26, 35, 56]
13	Институты информационной безопасности	[43, 68]
14	Институты правовой защиты	[7, 31]
15	Институты контрактных отношений	[7, 31]
16	Институты контроля деятельности	[9, 46]
17	Институты противодействия коррупции	[9, 13]
18	Институты частной собственности	[6, 9, 13]
19	Институты разработки программ развития	[22, 25]
20	Институты стимулирования деятельности	[16, 22, 48]
21	Институты мониторинга	[17, 46]
22	Институты взаимодействия с органами власти	[5, 49]
23	Институты трансфера технологий	[8, 45]
24	Институты предоставления общественных благ	[20, 35, 69]
25	Институты предоставления клубных благ	[20, 35, 59, 69]
26	Институты идентификации потребностей населения	[20, 24, 53]
27	Институты доверия к органам власти	[5, 49]

Инновационная инфраструктура – это совокупность организаций, готовых оказывать поддержку в обеспечении инновационной деятельности; предполагает наличие нормативной базы для развития инновационных процессов [53]. Институты инновационной инфраструктуры представлены в табл. 3.

Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития [55], основным барьером в инновационной деятельности являются проблемы взаимодействия различных экономических агентов, обусловленные особенностями формальной и неформальной институциональной среды. При этом неформальные институты и социальный капитал зачастую выступают в качестве субституты формальных институтов [24, 28]. В связи с этим были выделены институты гражданского общества (табл. 4), которые имеют решающее значение на всех стадиях социально-инновационного процесса.

Институты финансирования (табл. 5) представляют собой совокупность норм, задающих специфику распределения ресурсов на всех фазах социально-инновационного

Таблица 3

Институты инновационной инфраструктуры

Номер	Название	Упоминание в литературе
28	Институты инновационных кластеров	[4, 20]
29	Институты инновационных фондов	[15, 22]
30	Институты экспертно-консалтинговой поддержки	[22, 44, 53]
31	Институты финансовой поддержки инноваций	[15, 20, 44, 68]
32	Институты развития фондов поддержки (социального) предпринимательства	[20, 57]
33	Институты информационной поддержки	[22, 44, 53]
34	Институты отбора идей	[19, 20, 22]
35	Институты содействия (в лицензировании и патентовании)	[22, 44, 53]
36	Институты внедрения инноваций	[21, 44, 45]
37	Институты генерации идей	[19, 20, 22]

Таблица 4

Институты гражданского общества

Номер	Название	Упоминание в литературе
38	Институты вовлечения граждан	[11, 18]
39	Институты регулирования деятельности НКО	[11, 20, 65]
40	Институты социальных коопераций	[20, 59, 70]
41	Институты социального развития	[24, 26, 67]
42	Институты самозанятости населения	[20, 59, 70]
43	Институты самоуправления	[30, 40]
44	Институты доверия среди населения	[21, 28, 45]

Таблица 5

Институты финансирования

Номер	Название институтов	Упоминание в литературе
45	Институты кредитования	[15, 20, 38]
46	Институты инвестирования	[15, 20]
47	Институты микрофинансирования	[15, 20]
48	Институты совместного финансирования	[15, 20, 57]
49	Институты финансирования науки	[15, 20, 29, 38]
50	Институты финансового посредничества	[15, 20]

процесса. Данные институты определяют условия доступности финансовых средств, а также финансовые потоки для различных видов социальных инноваций.

Институты развития бизнес-среды (табл. 6) также формируют условия развития социальных инноваций. Прежде всего, институты данной группы стимулируют ориентацию производителей на создание социальной ценности и задают траекторию взаимодействия (сотрудничества) бизнес-среды с гражданами, государством и наукой.

Таблица 6

Институты развития бизнес-среды

Номер	Название	Упоминание в литературе
51	Институты налогообложения	[68]
52	Институты поддержки малого и среднего бизнеса	[62, 68]
53	Институты поиска партнеров и контрагентов	[33, 45, 67]
54	Институты интеграции науки и бизнеса	[22, 35, 47]
55	Институты профессиональных союзов	[22, 35, 47]
56	Институты адресной поддержки	[22, 35, 47]
57	Институты страхования	[12, 21]
58	Институты торговли	[9, 35]

Функционирование и развитие представленных институтов в значительной степени определяют результат создания социальных инноваций. Для комплексного анализа влияния институтов на социальные инновации необходимы оценка данных институтов, а также их классификация по критериям институционального атласа.

4. Процедура исследования

Основной задачей данного исследования является формирование институционального атласа, который позволит сделать вывод о состоянии институциональной среды социальных инноваций. Для анализа качества институтов применялся метод экспертной оценки. Экспертами выступили топ-менеджеры двадцати организаций из Свердловской области – производителей социальных инноваций (из Екатеринбурга, Первоуральска, Нижнего Тагила и Каменск-Уральского). В число экспертов входили по четыре представителя социально ориентированного бизнеса, социального предпринимательства, социальных предприятий, НКО и благотворительных организаций. Задача экспертов состояла в оценке каждого из 58 представленных институтов по 5-балльной шкале (1 – институт отсутствует или неэффективен; 5 – институт функционирует отлично и эффективно).

5. Результаты исследования

Результаты анализа показали, что баллы большинства институтов (41 из 58) колеблются в пределах трех пунктов из пяти. Только четыре типа институтов получили оценки выше среднего – это институты налогообложения, высшего образования, базового образования и переподготовки кадров. Критически низкую оценку (ниже двух баллов)

получили 13 институтов, в том числе институты повышения квалификации, государственно-частного партнерства, правовой защиты, противодействия коррупции, взаимодействия с органами власти, доверия к органам власти, инновационных кластеров, инновационных фондов, инвестирования, генерации идей, экспертно-консалтинговой поддержки, финансовой поддержки инноваций, финансовой поддержки (социального) предпринимательства.

Полные результаты анализа представлены в табл. 7 (100 % соответствует 5 баллам).

Среди институтов развития человеческого капитала институты высшего образования, базового образования и переподготовки получили оценки выше среднего балла. Оценка института повышения квалификации оказалась критической (36 %). Остальные институты показали среднее значение.

Институты государственного управления получили достаточно низкие оценки. Четырнадцать институтов показали средние значения, а четыре – критически низкие (институты государственно-частного партнерства – 37 %, правовой защиты – 35 %, противодействия коррупции – 31 %, взаимодействия с органами власти – 38 %, доверия к органам власти – 31 %). В данном блоке оказалось наибольшее количество институтов с критическими значениями.

В блоке институтов инновационной инфраструктуры критическое значение показали институты инновационных кластеров (33 %), инновационных фондов (37 %), финансовой поддержки инноваций (32%), финансовой поддержки (социального) предпринимательства (37 %), экспертно-консалтинговой поддержки (35 %), генерации идей (34 %).

Оценки институтов гражданского общества оказались вполне приемлемыми – все они показали удовлетворительное значение. Среди институтов финансирования и развития бизнеса также все значения оказались выше критических.

На основе полученных данных был построен институциональный атлас социальных инноваций и выявлены области, требующие дополнительного развития. Числа, представленные в табл. 8, соответствуют номерам, присвоенным институтам (см. табл. 1–6); жирным шрифтом выделены институты, показавшие критические значения; подчеркнуты институты, оценка которых оказалась достаточно высокой. Большинство институтов получили оценки в пределах 3 баллов. Как видно из табл. 8, наибольшее количество слабо развитых институтов приходится на распределение информационных ресурсов. Наиболее проблемными зонами являются институты информационных ресурсов социального предприятия и социально ориентированного бизнеса. Особо стоит отметить институт доверия к органам власти, а также институты инновационных фондов, экспертно-консалтинговой поддержки, взаимодействия с органами власти.

В секторе финансовых ресурсов социальных предприятий наблюдается концентрация институтов с критическим значением: институты финансовой поддержки инноваций, институты финансовой поддержки (социального) предпринимательства, институты инвестирования.

Институты, относящиеся к производственной сфере (капитальные ресурсы), показали среднее значение, за исключением институтов генерации идей и государственно-частного партнерства. Отметим, что неразвитость данных институтов влияет на фазу инициации.

В секторе трудовых ресурсов критическое значение показал только институт повышения квалификации, который влияет на весь социально-инновационный процесс.

Таблица 7
Степень развития институциональной среды социальных инноваций, % (100 % – наивысшая степень развития)

Но- мер	Название	Оценка, %
2	<i>Институты развития человеческого капитала</i>	
	Институты высшего образования	71
3	Институты базового образования	63
7	Институты переподготовки кадров	60
1	Институты распространения знаний	54
4	Институты подготовки научно-исследовательских кадров	51
5	Институты здравоохранения	49
6	Институты миграционной политики	49
8	Институты повышения квалификации	36
	<i>Институты государственного управления</i>	
16	Институты контроля деятельности	54
24	Институты предоставления общественных благ	51
10	Институты регулирования деятельности предпринимательства	49
11	Институты стратегической политики	49
12	Институты занятости	49
13	Институты информационной безопасности	49
19	Институты разработки программ развития	49
21	Институты мониторинга	49
23	Институты трансфера технологий	49
25	Институты предоставления клубных благ	49
18	Институты частной собственности	46
15	Институты контрактных отношений	43
26	Институты идентификации потребностей населения	43
20	Институты стимулирования деятельности	40
22	Институты связи с органами власти	38
9	Институты государственно-частного партнерства	37
14	Институты правовой защиты	35
17	Институты противодействию коррупции	31
27	Институты доверие к органам власти	31
	<i>Институты инновационной инфраструктуры</i>	
34	Институты отбора идей	46
33	Институты информационной поддержки	43
35	Институты содействия (в лицензировании и патентировании)	43
	<i>Институты развития инноваций</i>	
36	Институты внедрения инноваций	43
29	Институты инновационных фондов	37
32	Институты финансовой поддержки (социального) предпринимательства	37
30	Институты экспертно-консалтинговой поддержки	35
37	Институты генерации идей	34
28	Институты инновационных кластеров	33
31	Институты финансовой поддержки инноваций	32
	<i>Институты гражданского общества</i>	
44	Институты доверия среди населения	51
41	Институты социального развития	49
39	Институты регулирования деятельности НКО	46
38	Институты вовлечения граждан	43
40	Институты социальных коопераций	43
42	Институты занятости населения	43
43	Институты самоуправления	40
	<i>Институты финансирования</i>	
47	Институты микрофинансирования	51
45	Институты кредитования	49
49	Институты финансирования науки	49
48	Институты совместного финансирования	46
50	Институты финансового посредничества	43
46	Институты инвестирования	38
	<i>Институты развития бизнес-среды</i>	
51	Институты налогообложения	60
58	Институты торговли	54
55	Институты профессиональных союзов	51
57	Институты страхования	51
52	Институты поддержки малого и среднего бизнеса	49
53	Институты поиска партнеров и контрагентов	49
54	Институты интеграции науки и бизнеса	49
56	Институты адресной поддержки	43

Таблица 8

Институциональный атлас социальных инноваций

Сфера деятельности	Инициация	Инвенция	Имитация	Адаптация	
Социально ориентированный бизнес	Капитальные ресурсы	36,37, 23,24,25,9, 15, 16, 18, 19, 20, 21	24,25,20,14,17	9,10,11,24,25	24,25,23,51,20
	Финансовые ресурсы	9,10,11,20,45,45,46,48,51,29	9,10,11,20,45,45,46,48,29	9,10,11,20,45,45,46,48,51	9,10,11,20,45,45,46,48
	Информационные ресурсы	1,41,27,44,30,32,53, 22	1,41,27,44,30,33,54,55,13, 22	1,41,27,44,30,33,53,13, 22	1,41,27,44,29,33
Социальное предпринимательство	Трудовые ресурсы	2,3,4,5,6,7,8,12	2,3,4,5,6,7,8,12,38,40	2,3,4,5,6,7,8,12,38,40	2,3,4,5,6,7,8,12,38,40
	Капитальные ресурсы	36,37, 14, 15, 24, 25, 52, 54, 49, 33	24,25,20,52,58	53,25,52,58	23,24,25
	Финансовые ресурсы	31,32,45,45,46,48,51,29	31,32,45,45,46,48,29,56	31,32,45,45,46,48,51,29	31,32,45,45,46,48,29
Социальные предприятия	Информационные ресурсы	1,41,27,44,29,33,55,34,35	1,41,27,44,29,33,55,34,35	1,41,27,44,29,33,55,34,35	1,41,27,44,30,33,55,34,35
	Трудовые ресурсы	2,3,4,5,6,7,8,12	2,3,4,5,6,7,8,12	2,3,4,5,6,7,8,12	2,3,4,5,6,7,8,12
	Капитальные ресурсы	24,25,52,54,49,34	24,25,20,52	53,25,52	23,24,25
НКО	Финансовые ресурсы	31,32,45,45,46,48,50,51	31,32,45,45,46,48,56	31,32,45,45,46,48,51,56	31,32,45,45,46,48
	Информационные ресурсы	1,41,27,44,30,32,55,32,17	1,40,27,44,30,32,55,32,56	1,40,27,44,30,32,55,32	1,40,27,44,30,32,55,32
	Трудовые ресурсы	2,3,4,5,6,7,8,12	2,3,4,5,6,7,8,12,38,40	2,3,4,5,6,7,8,12,38,40	2,3,4,5,6,7,8,12
Благоотворительность	Капитальные ресурсы	36,37, 24,25,38,54,49,33	24,25,20,39	53,25,39	23,24,25,39
	Финансовые ресурсы	50,39, 45,45,46,48	50,39, 45,45,46	50, 39, 45,45,46	50,39, 45,45,46
	Информационные ресурсы	1,41,27,44,29,33,55,39,35,13	1,41,27,44,29,33,55,39,35,13	1,41,27,44,29,33,55,39,35,13	1,40,27,44,30,33,55,39,35,13
Благоотворительность	Трудовые ресурсы	2,3,4,5,6,7,8,12	2,3,4,5,6,7,8,12,38,40	2,3,4,5,6,7,8,12,38,40	2,3,4,5,6,7,8,12
	Капитальные ресурсы	36,37, 24,25,52,54,49,39	24,25,20,52	53,25,52	23,24,25
	Финансовые ресурсы	45,45,46,48	45,45	45,45,46,48	45,45,46,48
Благоотворительность	Информационные ресурсы	1,41,27,44,30,33,55	1,30,41,27,44,53,55	1,30,41,27,44,53,55	1,30,41,27,44,53,55
	Трудовые ресурсы	2,3,4,5,6,7,8,12	2,3,4,5,6,7,8,12,38,40	2,3,4,5,6,7,8,12,38,40	2,3,4,5,6,7,8,12

6. Обсуждение результатов

Институт повышения квалификации оказался наименее развитым в блоке институтов развития человеческого капитала. Это показывает, что скорость адаптации трудовых ресурсов к изменениям достаточно низка, как следствие, достаточно низким является и ресурсный потенциал хозяйствующих субъектов. Весьма важен также уровень развития рынка услуг по повышению квалификации. Более того, необходимо обеспечивать доступность данных услуг для работников социальной сферы, выступающих потенциальными социальными новаторами.

Анализ институтов блока государственного управления показал, что и в этой сфере есть целый ряд проблемных областей. Во-первых, низкие оценки институтов правовой защиты и противодействия коррупции указывают на необходимость повышения прозрачности деятельности органов власти. Это обеспечит снижение коррупции и повысит степень исполнения законов. Одним из направлений развития может стать полный переход на оказание услуг в электронном виде, что предполагает высокий уровень развития институтов информационного обеспечения. Во-вторых, неразвитыми оказались институты государственно-частного партнерства, взаимодействия с органами власти. Сотрудничество государства с частным и третьим сектором в сфере социальных инноваций находится в зачаточной стадии. Возможный выход видится, в частности, в дерегуляции и деbüroкратизации отношений власти и общества, что позволит государству привлечь различные сектора к решению общественных проблем. Подчеркнем, что государство должно задавать вектор в данных отношениях, например, формировать налоговые стимулы для частного сектора в процессе производства социальных инноваций, поощрять гражданские кооперации, развивать инфраструктуру для социального предпринимательства. Данные меры положительно скажутся на развитии института доверия к органам власти.

Оценка большинства институтов развития инновационной инфраструктуры также оказалась критической. Это свидетельствует о неразвитой платформе не только социальных, но и технологических инноваций. В этой связи целесообразно развитие инновационной инфраструктуры, которая выступит платформой для создания инновационных кластеров, формирования и поддержки новаторов. Однако пока что скорость реализации соответствующих проектов крайне низка. Можно говорить о положительных сдвигах в данной сфере, в основном, в Москве и Санкт-Петербурге. Для повышения эффективности проблемных институтов инновационной инфраструктуры в других регионах необходимо развивать инновационные центры, хабы, инкубаторы.

Особого подхода требует развитие института инвестирования в сфере социальных инноваций. Социальная сфера не является прибыльной, и экономические агенты априори не мотивированы на инвестирование в данный вид деятельности. В связи с этим важное значение приобретает создание системы стимулов для инвесторов: для частного бизнеса это могут быть налоговые поощрения, для граждан – производство частных и общественных благ. Ключевым моментом является прозрачность социальной сферы, что расширило бы представление предпринимателей и новаторов об инвестиционных возможностях.

Выводы

1. Представлен новый подход к определению социальных инноваций как новых комбинаций ресурсов в социальном пространстве, меняющих институциональный контекст и стимулирующих эффективное решение общественных проблем.

2. Дана классификация институтов социальных инноваций по видам ресурсов, источникам социальных инноваций и фазам социально-инновационного процесса.

3. На основе экспертной оценки получены результаты измерения институтов социальных инноваций в Свердловской области и определены наиболее слабо развитые области в институциональной среде.

4. Разработан институциональный атлас социальных инноваций, показывающий количественное наполнение институциональной среды и ее качественную оценку.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в расширении существующих положений теории инноваций применительно к общественному сектору и концепции социальных инноваций. Практическая значимость полученных результатов состоит в выявлении недостаточно развитых областей в институциональной среде социальных инноваций и определении направлений возможного устранения существующих недоработок.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Модернизация российской экономики на современном этапе / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2012. – № 33(3). – С. 6–9.
2. Кортков, С. В. Эволюционное моделирование жизненного цикла инноваций / С. В. Кортков. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2003.
3. Московский, А. Институционализм: теория, основа принятия решений, метод критики / А. Московский // Вопросы экономики. – 2009. – №3. – С. 110–124.
4. Никулина, О. В. Инновационный кластерный подход к развитию региона / О. В. Никулина // Региональная экономика: теория и практика. – 2009. – № 41. – С. 76–83.
5. Полищук, Л. И. Экономическое значение социального капитала / Л. И. Полищук, Р. Ш. Меняшев // Вопросы экономики. – 2011. – №12. – С. 46–65.
6. Полтерович, В. М. Институциональные ловушки: есть ли выход? / В. М. Полтерович // Общественные науки и современность. – 2004. – №3(май). – С. 5–16.
7. Полтерович, В. М. Эволюционная теория экономической политики: Ч. 1: Опыт быстрого развития / В. М. Полтерович, В. В. Попов // Вопросы экономики. – 2006. – №7. – С. 4–23. URL: http://mprg.uib.uni-muenchen.de/22168/1/MPPRA_paper_22168.pdf
8. Полтерович, В. М. Диффузия технологий и экономический рост / В. М. Полтерович, А. А. Хенкин. – М.: Наука, 1988.
9. Попов, Е. В. Институты / под ред. Д. А. Некипелова. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2015.
10. Сухарев, О. С. Методологические основы институционального анализа: старая, новая школы и мейнстрим / О. С. Сухарев // Финансы и кредит. – 2013. – №41. – С. 7–24.
11. Тамбовцев, В. Л. Государство как инициатор развития гражданского общества / В. Л. Тамбовцев // Общественные науки и современность. – 2007. – №2. – С. 69–77.
12. Форум социальных инноваций регионов. – 2015. Retrieved June 1, 2015. <http://socioforum.ru/2015/>
13. Фуруботн, Э. Г. Институты и экономическая теория / Э. Г. Фуруботн, Р. Рихтер. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005.
14. Amable, B. Discussion paper of Innovation and Production / B. Amable // Innovation (October 1998). – 1999. – P. 23–24.
15. Antadze, N. Funding social innovation: How do we know what to grow? / N. Antadze, F. Westley // The Philanthropist. – 2010. – № 23(3). – P. 343–356.

16. *Battistella, C.* Open innovation web-based platforms: The impact of different forms of motivation on collaboration / C. Battistella, F. Nonino // *Innovation: Management, Policy & Practice*. – 2012. – № 14. – P. 557–575.
17. *Berzin, S. C.* Role of State-Level Governments in Fostering Social Innovation / S. C. Berzin, M. Pitt-Catsouphes, C. Peterson // *Journal of Policy Practice*. – 2014. – №13. URL: <http://doi.org/10.1080/15588742.2014.901205>
18. *Boettke, P. J.* Civil society, social entrepreneurship, and economic calculation: towards a political economy of the philanthropic enterprise / P. J. Boettke, A. Rathbone // *In Working Paper 8. Fairfax Country: The Philanthropic Enterprise*. – 2002.
19. *Brown, T.* Design Thinking for Social Innovation / T. Brown, J. Wyatt // *Stanford Social Innovation Review*. – 2010. – Winter. – P. 30–35. URL: <http://doi.org/10.1108/10878571011042050>
20. *Caulier-grice, J.* The open book of social innovations. Social innovator series: ways to design, develop and grow social innovations/ J. Caulier-grice, G. Mulgan, R. Murray // *The Young Foundation*. – 2010. – №30(8). – P. 224. URL: <http://doi.org/10.1371/journal.pcbi.0030166>
21. *Chalmers, D.* Social innovation: An exploration of the barriers faced by innovating organizations in the social economy / D. Chalmers // *Local Economy*. – 2012. – № 28(1). – P. 17–34. URL: <http://doi.org/10.1177/0269094212463677>
22. *Cressey, P.* Stimulating, Resourcing and Sustaining Social Innovation: Towards a New Mode of Public Policy Production and Implementation / P. Cressey, P. Totterdill, R. Exton, J. Terstriep. – 2015. – Vol. 3. Working Paper. Gelsenkirchen: SIMPACT Working Paper Series. (SIMPACT Working Paper Series), 3(3), 25. URL: <http://doi.org/10.1186/1471-2180-9-124>
23. *Dortmund, S.* Social Innovation and Workplace Innovation in Germany High-Tech Strategy for Germany, 2012.
24. *Dorward, A.* Institutions for Markets' or Markets as Institutions: Linking Development Policy to Theory and Praxis / A. Dorward, J. Kydd, J. Morrison, C. Poulton // *Development and change*. – 2005. – Vol. 36, №1. – P. 1–25.
25. European Commission. (2010). Europe 2020 Flagship Initiative Innovation Union.
26. European Commission. (2011). Employment and Social Developments 2011. <http://doi.org/10.2767/42590>
27. European Commission (n.d.). Social Innovation. Retrieved from. URL: http://ec.europa.eu/enterprise/policies/innovation/policy/social-innovation/past-editions/definition_en.htm
28. *Fafchamps, M.* Development and social capital / M. Fafchamps // *Journal of Development Studies*. – 2006. – №42(7). – P. 1180–1198. URL: <http://doi.org/10.1080/00220380600884126>
29. *Fulgencio, H.* What is the social innovation system? A state-of-the-art review / H. Fulgencio, H. Le. Fever // *International Journal of Business Innovation and Research*. – 2016. – 10(2/3), 434. <http://doi.org/10.1504/IJBIR.2016.074837>
30. *Gerometta, J.* Social innovation and civil society in urban governance: Strategies for an inclusive city / J. Gerometta, H. Haussermann, G. Longo // *Urban Studies*. – 2005. – №42(11). – P. 2007–2021. URL: <http://doi.org/10.1080/00420980500279851>
31. *Gertler, M. S.* Rules of the Game: The Place of Institutions in Regional Economic Change / M. S. Gertler // *Regional Studies*. – 2010. – №1(44). – P. 1–15.
32. *Grimm, R.* Social Innovation, an Answer to Contemporary Societal Challenges? Locating the Concept in Theory and Practice / R. Grimm, C. Fox, S. Baines, K. Albertson // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. URL: <http://doi.org/10.1080/13511610.2013.848163>
33. *Hansson, J.* An Ecosystem for Social Innovation in Sweden. A strategic research and innovation agenda / J. Hansson, F. Bjork, D. Lunborg, L.-E. Olofsson // *Agenda for an Ecosystem for Social Innovation in Sweden*. – 2014. URL: <http://doi.org/10.13140/RG.2.1.3446.7607>

34. *Heiscale, R.* Social innovations: structural and power perspectives / R. Heiscale // Social Innovations, Institutional Change and Economic Performance. – 2007. – P. 52–79.
35. *Hubert, A.* Empowering people, driving change. Social innovation in the European Union. Bepa, 2010. – May. – P. 1–172. <http://doi.org/10.2796/13155>
36. Innovations in Governance and Public Administration: Replicating what works – 2006. – 1–190.
37. URL: [http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/ UN/UNPAN021963.pdf](http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/UN/UNPAN021963.pdf)
38. *Jaeger-Erben, M.* Sustainable consumption through social innovation: A typology of innovations for sustainable consumption practices / M. Jaeger-Erben, J. Ruckert-John, M. Schafer // Journal of Cleaner Production. – 2015. URL: <http://doi.org/10.1016/j.jclepro.2015.07.042>
39. *Jensen, B.* Social innovation in public sector strategies addressing endangered children Approaching the basis for social innovation with an organizational learning theory / B. Jensen // Paper presented at the 2008 OLKC Conference Learning to Innovate: Innovating to Learn, Northeastern University Boston, Ma., USA. – 2010. – June 3–6.
40. *Josselin, J.-M.* The influence of population size on the relevance of demand or supply models for local public goods: Evidence from France / J.-M. Josselin, Y. Rocaboy, C. Tavera // Papers in Regional Science. – 2009. – №88(3). – P. 563–574. <http://doi.org/10.1111/j.1435-5957.2008.00210.x>
41. *Khutrakun, A.* Process and Dynamics of Social Innovation: Case Studies of Local Initiatives in Northern Thailand / A. Khutrakun // Japan Social Innovation Journal. – 2013. – №3(1). – P. 12–18. <http://doi.org/10.12668/jsij.3.12>
42. *Koch, P.* On innovation in the public sector / P. Koch, J. Hauknes // Publin Research Project. – 2006. – P. 1998–2002. Retrieved from URL: <https://ep.bib.mdh.se/login?url=http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&db=edsref&AN=IPSSPR.KOCH.NIFUSTEP.BJF&site=eds-live>
43. *Krlev, G.* Measuring What Matters-Indicators of Social Innovativeness on the National Level / G. Krlev, E. Bund, G. Mildenberger // Information Systems Management. – 2014. URL: <http://doi.org/10.1080/10580530.2014.923265>
44. *Landabaso, M.* Guide to social innovation / M. Landabaso, L. De. Letter. – 2013. – February. – P. 71.
45. *Lettice, F.* The social innovation process: themes, challenges and implications for practice / F. Lettice, M. Parekh // International Journal of Technology Management. – 2010. – №51 (1). – P. 139. URL: <http://doi.org/10.1504/IJTM.2010.033133>
46. *Li, Y.* Downward accountability in response to collective actions / Y. Li // Economics of Transition. – 2014. – № 22(1). – P. 69–103. URL: <http://doi.org/10.1111/ecot.12033>
47. *Lloyd, P.* The European Union and its programmes related to the third system / J. Evers, A., Laville, Ed. – Cheltenham: Edward Elgar, 2004.
48. *Martinus, K.* Can Public Space be a Platform for Social Innovation? A Study of Sannomiya, Kobe, Japan / K. Martinus // Japan Social Innovation Journal. – 2014. – №4(1). – P. 44–54.
49. *McElroy, M.* Social innovation capital / M. McElroy // Journal of Intellectual Capital. – 2002. – №3(1). – P. 30–39. URL: <http://doi.org/10.1108/14691930210412827>
50. *Minks, M.* Social innovation: new solutions to social problems / M. Minks // A Thesis submitted to the Faculty of The School of Continuing Studies and of The Graduate School of Arts and Sciences in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Libe. – 2011. URL: <http://doi.org/490953>
51. *Moore, M.-L.* Public Sector Policy and Strategies for Facilitating Social Innovation / M.-L. Moore, F. Westley // Innovation. – 2001. – P. 1–11.
52. *Moulaert, F.* General Introduction: the return of social innovation as a scientific concept and a social practice / F. Moulaert, D. MacCallum, D. Mehmood, A. Hamdouch // The International Handbook on Social Innovation: Collective Action, Social Learning and Transdisciplinary Research. – 2013. – 1–153. URL: <http://doi.org/10.4337/9781849809993>

53. *Mulgan, G.* The Process of Social Innovation / G. Mulgan // *Innovations: Technology, Governance, Globalization*. – 2006. – №1(2). – P. 145–162. URL: <http://doi.org/10.1162/itgg.2006.1.2.145>

54. *Nicholls, A., & Ziegler, R.* An Extended Social Grid Model for the Study of Marginalization Processes and Social Innovation. – 2014. URL: http://www.sbs.ox.ac.uk/sites/default/files/research-projects/CRESSI/docs/CRESSI_Working_Paper_2_D1.1_Chp2_18Nov2014.pdf

55. OECD. Managing national innovation systems. – 1999. URL: <http://doi.org/10.1787/9789264189416-en>

56. *Oeij, P.* Workplace Innovation, Social Innovation, and Social Quality / P. Oeij, R. a., & S. K. Dhondt // *International Journal of Social Quality*. – 2011. – №1(2). – P. 31–49. URL: <http://doi.org/10.3167/IJSQ.2011.010204>

57. *Phills, J.* Rediscovering social innovation / J. Phills, K. Deiglmeier, D. Miller // *Stanford Social Innovation Review*, Fall. – 2008. – P. 34–43. URL: <http://doi.org/10.1111/j.1369-7625.2010.00656.x>

58. *Pol, E.* Social innovation: Buzz word or enduring term? / E. Pol, S. Ville // *The Journal of Socio-Economics*. – 2009. – №38(6). – P. 878–885. URL: <http://doi.org/10.1016/j.socec.2009.02.011>

59. *Popov, E.* Analysis of Civic Initiatives: Multiparameter Classification of Social Innovations / E. Popov, J. Stoffers, Z. Omonov, A. Veretennikova // *American Journal of Applied Sciences*. – 2016. – № 11(13). – P. 1136–1148. URL: <http://doi.org/10.3844/ajassp.2016.1136.1148>

60. *Sanders, B.* Social Innovation. *Stanford Social Innovation Review*. – 2008. URL: <http://doi.org/10.1016/j.biocontrol.2007.10.015>

61. *Sang, M.* Open innovation in the public sector of leading countries / M. Sang // *Management Decision*. – 2012. – №50(1). – P. 147–162. URL: <http://doi.org/10.1108/00251741211194921>

62. *Schmitz, B.* Social Entrepreneurship, Social Innovation, and Social Mission Organizations: Toward a Conceptualization / B. Schmitz // *Cases in Innovative Nonprofits: Organizations That Make a Difference*. – 2006.

63. *Schumpeter, J. A.* The Theory of Economics Development/ J. A. Schumpeter. – London: George Allen & Unwin, 1911.

64. Portraying innovation in the public service of Brazil: Frameworks, systematization and characterization / M. Sousa [et al.]. <http://doi.org/10.5700/rausp1213>

65. *Tanimoto, K.* The emergent process of social innovation: multi-stakeholders perspective / K. Tanimoto // *International Journal of Innovation and Regional Development*. – 2012. – №4. – September 2010. – P. 267. URL: <http://doi.org/http://dx.doi.org/10.1504/IJIRD.2012.047561>

66. *Terstriep, J.* Economic Foundation of Social Innovation: New Modes of Policy Production / J. Terstriep, P. Totterdill. – 2014. – October. URL: http://www.simpact-project.eu/publications/scientific/Terstriep_Totterdill_RIP2014.pdf

67. *Vega, R. A. (n.d.).* How Can Social Innovation Change Cultures and Create Public Value? A Mediterranean Comparative Multiple Case Study 1. A Defining Framework for Social Innovation, (1), 1–15.

68. *Wass, S.* Challenges of Stimulating a Market for Social Innovation-Provision of a National Health Account / S. Wass, V. Vimarlund // *Studies in Health Technology and Informatics*. – 2015. – № 210. – P. 546–550. URL: <http://doi.org/10.3233/978-1-61499-512-8-546>

69. *Young, D. R.* Defining the Universe of Social Enterprise: Competing Metaphors / D. R. Young, J. D. Lecy // *Voluntas*. – 2014. – № 25(5). – P. 1307–1332. URL: <http://doi.org/10.1007/s11266-013-9396-z>

70. *Young, H. P.* The dynamics of social innovation. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2011. – №108 (Supplement_4). – P. 21285–21291. <http://doi.org/10.1073/pnas.1100973108>

С. В. Кузнецов¹, Н. М. Межевич²

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СССР: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДЛЯ НОВЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ УСЛОВИЙ

Территориальные особенности России предполагают (особенно на современном этапе) признание значения региональных аспектов экономического развития. К закономерностям развития территориально-политического устройства относится его постоянное совершенствование с учетом конкретных задач развития общества. Территория является развивающейся динамической системой. Выделим ее основные характеристики:

1 – во всех государствах – это основа организации государственной власти. Представительные и исполнительные органы власти организованы территориально – на общегосударственном уровне в субъектах Федерации и на местном уровне в районах, городах и населенных пунктах;

2 – это весьма значимый экономический фактор, на ней расположены объекты, осуществляющие важнейшие производственные процессы; она играет все большую роль в развитии инфраструктуры;

3 – это важная база развития социальных отношений, здесь происходит производственная деятельность людей, здесь же они удовлетворяют свои материальные, культурные, социальные и другие общественные потребности [1]. В любой стране регионы различаются по уровню экономического развития и, соответственно, финансовым ресурсам, поэтому государство вынуждено заниматься выравниванием возможностей территорий по финансированию социальных расходов.

Таким образом, необходимость и возможность выделения региональной политики как особого вида управления базируется на объективных законах развития общественного производства и самой системы управления экономикой. В социалистической практике хозяйствования присутствовали специфические сферы, эффективное управление которыми возможно только по территориальной линии. Региональная политика еще при социализме стала специфическим механизмом реализации требований объективных законов общественного развития, отношений собственности, общественных интересов.

Для выработки стратегического курса на выравнивание развития различных регионов необходимо сформулировать приоритеты и принципы этого процесса. Важно определить стратегии развития регионов и их интеграции в межрегиональные программы развития, а не создавать в регионах производства, которые в стратегической

¹ Сергей Валентинович Кузнецов, директор Института проблем региональной экономики РАН, д-р экон. наук, профессор.

² Николай Маратович Межевич, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, д-р экон. наук.

перспективе столкнутся с отсутствием рабочей силы, негативной конъюнктурой рынков, технологическим устареванием. Требуется не столько выравнивание, сколько реорганизация структуры хозяйства депрессивных регионов, содействие миграции рабочей силы в зоны нового освоения.

Ключевое значение имеет соотношение экономических приоритетов с военно-стратегическими, которые могут потребовать усиления присутствия в малоперспективных с экономической точки зрения регионах. Ведущей задачей государства в процессе выравнивания социально-экономического развития на данном этапе должно стать не приведение всех территорий к одному уровню и качеству жизни, а снижение граничных перепадов на межрайонном, межрегиональном и межокружном уровнях.

СССР был исключением, более того, диспропорции между территориями по обеспеченности финансовыми ресурсами были огромными [2]. Поиск эффективных механизмов уменьшения этих диспропорций был проблемой чрезвычайно актуальной. Именно поэтому еще в середине 1950-х гг. сформировалось понимание регионального развития как совокупности управленческих действий, юридических норм и хозяйственной практики, направленных на обеспечение сбалансированного территориального развития при условии баланса экономических интересов государства и регионов. Де-факто региональная политика в СССР, «...искусственно выравнивая объективные контрасты между центральными и периферийными районами и насильственно лишая первые привилегий и выгод, рисковала спровоцировать спад эффективности национального хозяйства в целом» [3, с. 25].

В условиях СССР роль КПСС в вопросах управления экономикой была решающей. Основные этапы эволюции хозяйственной системы прослеживаются в решениях партии и правительства. В рамках данного исследования политические оценки процесса не даются. Нам важно проследить основные этапы экономического развития страны и выявить основные организационные формы территориального и отраслевого управления.

Политико-правовые факторы формирования пространственной организации экономики на протяжении более 70 лет постоянно менялись, закономерно изменяя и характер региональной политики. Дать оценку пространственной экономики, унаследованной Россией, трудно, и тем более определить перспективы развития страны без подробного анализа истории политико-правовых основ региональной политики. Закономерен вопрос: насколько целесообразно рассматривать одновременно политико-правовые основы региональной политики и практику ее осуществления. С одной стороны, эти вопросы относятся к разным сферам, но, с другой – они соотносятся, как «причина» и «следствие» [4]. История региональной политики может рассматриваться и как осуществление политики перераспределения средств и ресурсов. К основным критериям, по которым можно определить уровень и характер развития региональной политики, относятся:

1. Соотношение отраслевого и территориального управления народного хозяйства.
2. Стратегия территориального развития (наличие дифференцированного финансирования, развитие различных регионов и механизмов осуществления подобного финансирования).
3. Наличие определенных политико-правовых основ региональной политики (РП) [5].

Существует несколько подходов к периодизации РП в СССР. Классической стала периодизация РП на основе анализа соотношения отраслевого и территориального

принципов управления. Подобный подход был предложен коллективом ученых под руководством профессора А. И. Муравьева. Авторами было выделено 8 основных этапов эволюции территориального подхода:

1. 1917–1918 гг. Начальный период формирования единой системы хозяйственного руководства в стране на базе территориального принципа организации.

2. 1919–1920 гг. Период военного коммунизма: становление и утверждение ведомственного подхода при фактическом отходе от территориального.

3. 1921–1923 гг. Введение в рамках мероприятий нэпа новой структуры управления на базе использования территориальных органов общей компетенции.

4. 1923–1931 гг. Период постепенного усиления централизующей тенденции в управлении на базе использования различных отраслевых органов.

5. 1932–1955 гг. Период функционирования высокоцентрализованной отраслевой системы управления хозяйством.

6. 1956–1959 гг. Период резкого усиления использования территориального подхода, реализованного в системе управления хозяйством на базе совнархозов экономических районов.

7. 1960–1964 гг. Период постепенной трансформации децентрализованной территориальной системы управления хозяйством в централизованную многоуровневую систему отраслевых, функциональных и территориальных органов.

8. 1965–1991 гг. Период существования преимущественно отраслевой системы управления хозяйством с постепенным нарастанием применения территориального подхода [6].

Значение соотношения территориального и отраслевого подходов для периодизации РП можно оценить по-разному. С одной стороны, прослеживается достаточно четкая обратная корреляция между активизацией РП и господством отраслевого подхода, что закономерно, так как РП, по сути, является противовесом против безграничного диктата ведомств. Периоды господства территориального управления связаны со свертыванием перераспределительных процессов и концентрацией внимания на социально-экономическом развитии регионов – как частей страны, а не страны – как совокупности регионов [7]. Однако подобное сопоставление достаточно условно и помогает лишь при выяснении тенденций эволюции РП.

История РП в СССР четко коррелирует с политико-правовыми рамками ее осуществления. При этом внимание должно быть привлечено к основным «рамочным» актам и решениям. К примеру, общеизвестно, что значительное влияние на характер РП оказывают законы о местном самоуправлении, статьи Конституции, касающиеся компетенции органов государственной власти. С другой стороны, многие решения партии и правительства, направленные на реализацию задач РП (к примеру, государственная программа развития Нечерноземья), оказали на региональное развитие непропорционально малое влияние. В связи с этим при периодизации РП будем опираться только на наиболее значимые акты, связанные с вопросами регионального развития.

Какой же принцип периодизации РП в СССР является наиболее приемлемым? Думается, что ни один из подходов в отдельности не дает как достаточно четкой картины осуществления РП, так и четкой перспективной оценки регионального развития России. Приведенный ниже анализ РП, по возможности, проведен на основе всех вышеуказанных критериев.

Эволюция территориальной организации производства и расселения – процесс непрерывный, однако, это не означает, что его нельзя структурировать. Принципиальные

изменения социально-политических условий вызывают к жизни новые тенденции в пространственной организации общества.

Для оценки влияния РП на пространственную структуру экономики в нашей стране рассмотрим географию российской экономики в досоветский период. Без этого невозможно определить результаты экономической политики за годы советской власти. Кроме того, территориальная организация общества (ТОО) до 1913–1916 гг. является результатом развития в капиталистических рыночных условиях. Именно поэтому необходимо тщательно рассмотреть движущие силы регионального развития в этот период, выявить все положительное, пригодное для использования в настоящее время.

Начало XX в. в России связано с быстрым развитием капитализма и нарастанием его монополистических характеристик. В большинстве исследований, начиная с В. И. Ленина («Развитие капитализма в России»), указывались характерные черты экономики этого периода. Р. С. Лившиц отмечает: «Концентрация промышленности в немногих районах и крупных городах; отрыв обрабатывающих отраслей промышленности от их сырьевых баз; все более усиливающаяся противоположность между городом и деревней и между индустриальными и сельскохозяйственными районами – таким сложилось размещение русской промышленности домонополистического капитализма. Империалистическая стадия развития русского капитализма усугубила эту картину» [8, с. 197].

Подобная оценка за более чем 80 лет ее существования стала настолько привычной и бесспорной, что принималась как данность. И все 70 с лишним лет шла упорная борьба с концентрацией промышленности, с отрывом от сырьевых баз и т. д. В течение XIX в. промышленность в России традиционно развивалась преимущественно в Центре, на Северо-Западе и Урале; тенденция к освоению новых территорий не прослеживалась. Новое строительство и реконструкция предприятий осуществлялись прежде всего в Москве, Санкт-Петербурге, в губерниях Центрального и Северо-Западного района, на территории современной Украины, на Урале, а также в Баку.

Неправильно объяснять это исключительно политическими факторами, так как в те годы принцип экономической целесообразности еще не корректировался никакими идеологическими догмами. И лишь когда критерий эффективности производства компенсировал издержки на преодоление неблагоприятных природных условий, та или иная отрасль развивалась в новых районах.

Отметим, что в России статистический учет в экономике не был достаточно развит. Особенно это относится к пространственному аспекту в развитии экономики. Тем не менее, тезис о якобы консерватизме «размещенческой» политики XX в. не выдерживает критики. Рассмотрим этот вопрос на примере машиностроения. В 1897 г., как и в 1912 г., основными центрами машиностроения являлись Северо-Западный экономический район, Центрально-Промышленный район и Украина. Если в 1897 г. в этих районах был сосредоточен 41 % предприятий, то в 1912 г. – 58,3 %. На первый взгляд, эти расчеты подтверждают вышеупомянутый вывод. Однако в период между переписями крупные центры машиностроения, сопоставимые с Петербургом (67 предприятий), возникли в прибалтийских губерниях – 55 предприятий, Западном районе – 54, на Северном Кавказе – 41, в Поволжье – 65 [9]. Такие показатели, как участие иностранного капитала, биржевая и банковская активность, убедительно свидетельствуют об особой роли Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Баку. Свыше 20 % всего иностранного капитала в России было сосредоточено в Санкт-Петербурге и прибалтийских губерниях. Крупнейшие банки также были сосредоточены в столичных городах. Капиталовложе-

ния в столице и вышеуказанных районах использовались с максимальным эффектом и обеспечивали сохранение мультипликативного процесса. Анализ размещения промышленности в России в начале века полон критических замечаний о неравномерности экономического развития даже в пределах «столичных регионов». Действительно, 47 % всей промышленности Центрального района было сосредоточено в Московской губернии, 95 % промышленной продукции Северо-Западного района производилось в Санкт-Петербурге [8, с. 200]. Гипертрофированное развитие указанных территорий в ущерб периферии продолжалось и в последующие 80 лет, несмотря на многочисленные ограничительные постановления партии и правительства, принимаемые с 1936 г. Некоторые тенденции размещения промышленности оказались как бы законсервированными на период 1917–1991 гг. Так, например, однобокая ориентация Санкт-Петербурга на развитие материалоемких отраслей, существовавшая с петровских времен, к началу XX в. стала заменяться более характерными для столицы функциями (наукоемкое производство, банковское и биржевое дело, торговля). Однако, в период, последовавший за восстановлением разрушенного войной и революцией хозяйства, началось форсированное развитие именно непрофильных отраслей.

В дореволюционной России около 92 % промышленного производства и более 87 % промышленных рабочих были сосредоточены в Европейской части страны. На долю Урала приходилось 4,4 %, восточных районов – 4 % промышленной продукции [10].

Эти показатели активно используются при обосновании тезиса о диспропорциях в размещении капиталистического хозяйства, коренной неспособности капитализма обеспечить приемлемые условия развития всех районов. Подводя некоторые итоги, отметим, что фактор неравномерности развития экономики России начала XX в., существенно переоценивался. Неадекватно характеризуется политика экономического развития национальных окраин. В качестве примера «колониальной политики» приводится развитие Средней Азии, но, как правило, не упоминается такая национальная окраина, как Польша и Украина, где промышленность росла опережающими темпами. Экономист, географ и государственный деятель А. И. Александров писал: «По отношению к автономным национальным областям предполагается ни в коем случае не умалять предоставленных им прав, что же касается территориального распределения, то мелкие образования должны войти в состав областей как самоуправляющиеся подрайоны (Марийская область, Вотская и т. п.). Более крупные образования составляют самостоятельные области (Туркестан), и самые большие могут образовать в своем составе несколько районов (Кирреспублика, Украина). С договорными республиками должны быть заключены соответствующие соглашения. Нет никаких сомнений, что те национальные распри прошлого, ключ к которым все же приходится искать в экономике, при правильном экономическом районировании будут изживаться с чрезвычайной быстротой. Раз только район явится надлежащим звеном народного хозяйства всей Федерации, то само нащупывание моментов подъема его энергетики будет превыше всего ставить интересы мирной созидательной работы, развертывающей небывалые формы отношений людей в их трудовых процессах. И вместе с чертами отсталого провинциализма будут все более отходить на задний план отрывки националистического шовинизма, теряющего свою питательную среду» [11, с. 72].

После 1917 г. исходя из программных положений РСДРП была поставлена задача восстановления хозяйства на новых экономических принципах. Дискуссии, посвященные оптимальной системе управления, разворачивались достаточно активно. Приведем отрывки из записи беседы И. В. Сталина с сотрудником газеты «Правда» 3–4 апреля

1918 г. Сталин говорит: «Российская Федерация представляет союз не отдельных самостоятельных городов (как это думают карикатуристы из буржуазной прессы) или вообще областей (как это полагают некоторые наши товарищи), а союз определенных исторически выделившихся территорий, отличающихся как особым бытом, так и национальным составом <...>

С другой стороны, несомненно, что своеобразный федерализм московских областников, старающихся искусственно объединить вокруг Москвы 14 губерний, также не имеет ничего общего с известным постановлением III съезда Советов о федерации. Нет сомнения, что центральный текстильный район, охватывающий всего несколько губерний, представляет некоторую целостную экономическую единицу и, как таковой, он, несомненно, будет управляться своим областным органом, как автономной частью Высшего Совета Народного Хозяйства. Но что может быть общего между захудалой Калугой, промышленным Иваново-Вознесенском и по какому признаку их «объединяет» нынешний областной совнарком, – уму непостижимо.

Очевидно, субъектами Федерации должны быть, и могут быть не всякие участки и единицы и не всякая географическая территория, а лишь определенные области, естественно сочетающие в себе особенности быта, своеобразие национального состава и некоторую минимальную целостность экономической территории. Таковы – Польша, Украина, Финляндия, Крым, Закавказье (причем не исключена возможность, что Закавказье разобьется на ряд определенных национально-территориальных единиц, вроде грузинской, армянской, азербайджанско-татарской и пр.), Туркестан, Киргизский край, татаро-башкирская территория, Сибирь и т. п. ...» [12, с. 28–29].

В этих программных тезисах главы Наркомнаца есть несколько весьма важных моментов:

- Сталин признает особую, преимущественную значимость экономического фактора в районировании;
- Сталин в 1918 г. выступает с позиций объединения экономического районирования и административного деления. (В дальнейшем он откажется от этого принципа.)

С 1918 г. резко усиливается тенденция к централизму. Вместе с тем развитие планирования еще не достигло максимума. А. И. Рыков отмечал: «Я утверждаю, что для хозяйственной жизни России десятки хорошо пущенных фабрик были гораздо дороже сотен детально разработанных, но бумажных планов» [13, с. 89]. К марту 1919 г. наступает окончательный перелом в пользу отраслевого управления, права местных Советов существенно урезаются. По мнению А. И. Рыкова, «Фабрично-заводская жизнь должна организовываться теперь не в зависимости от территорий, а в зависимости от принадлежности предприятий к той или другой отрасли промышленности. Поэтому и появились разные Главки и Центры, то есть, главные управления всех национализированных предприятий данной отрасли промышленности» [13, с. 100]. Важным шагом на пути к дальнейшему ослаблению территориального управления стало принятое ВСНХ «Положение о губерниях СНХ». Этим распоряжением губсовнархозы выводились из подчинения местных исполкомов и рассматривались как исполнительные органы ВСНХ. С начала 1920-х гг. в решениях партии и правительства принцип планирования становится главным фундаментальным ориентиром в хозяйственной деятельности. 22 февраля 1921 г. подписывается декрет СНК РСФСР «Положение о государственной общеплановой комиссии». Согласно декрету, на Государственную общеплановую комиссию возлагаются:

а) «... разработка единого общегосударственного плана, способов и порядка его осуществления;

б) рассмотрение и согласование с общегосударственным планом производственных программ и плановых предположений различных ведомств, а также областных (хозяйственных) организаций по всем отраслям народного хозяйства и установление очередности работ» [14, т.1, с.199].

Дальнейшее развитие принципов связано с Декретом СНК от 21 марта 1921 г. «О плановых комиссиях» и Декретом ВЦИК и СНК от 8 июня 1922 г. «Положение об областных плановых комиссиях».

Вышеупомянутые декреты тесно связаны с ленинским планом коренной перестройки системы управления народным хозяйством. Еще в 1921 г. были образованы местные органы СТО Союза ССР – областные экономические совещания (ЭКОСО), призванные согласовывать и усиливать деятельность всех хозяйственных органов на местах и губернских экономических совещаний (в их состав входили уполномоченные наркоматов). В 1920-е гг. госпланы союзных республик создавались непосредственно при республиканских ЭКОСО (были отдельные межреспубликанские ЭКОСО и госпланы при них, например, по Средней Азии); они действовали под их непосредственным руководством и вместе с тем выполняли задания Госплана СССР по выработке общегосударственных планов. Все государственные учреждения и предприятия союзных республик, а также общесоюзные предприятия и организации, действовавшие на территории союзной республики, были обязаны представлять в республиканский Госплан требуемые сведения и материалы.

Областные (краевые) плановые комиссии рассматривали хозяйственные планы общесоюзных и республиканских учреждений и предприятий в части, связанной с их деятельностью на территории данной области (края), и сообщали свои заключения в Госплан соответствующей союзной республики и в Госплан СССР по принадлежности. Они разрабатывали вопросы союзного значения по заданию Госплана СССР.

При этом по декрету «Об областных плановых комиссиях» (ст. 7) последние обязаны представлять в областные ЭКОСО отчеты о своей деятельности. Система ЭКОСО – плановых комиссий неоднократно изменялась, до 1991 г. сохранялись плановые комиссии в исполкомах областей и краев со времен нэпа. Однако с 1923–1924 гг. по мере преодоления основных трудностей восстановления хозяйства стали нарастать централистские тенденции.

Первая схема экономического районирования России была разработана в рамках ГОЭЛРО в 1920 г. В 1921 г. В. И. Ленин писал: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость». Поэтому, по замыслу В. И. Ленина, составной частью программы экономического подъема страны явилось «... рациональное размещение промышленности... с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта» [15, т. 43, с. 228]. Планомерному преодолению экономической и культурной отсталости национальных республик должно было отвечать новое размещение производительных сил. Как указывалось в резолюции X съезда партии (март 1921 г.), первоочередной задачей в этих районах «...является последовательная ликвидация всех

остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни и, прежде всего, планомерное насаждение промышленности на окраинах путем переноса фабрик к источникам сырья (Туркестан, Башкирия, Киргизстан, Кавказ – текстильная, шерстяная, кожевенная промышленность и др.)» [16, с. 253]. В практике социалистического строительства нельзя было обойтись без всестороннего учета многообразных хозяйственных, бытовых и природных условий различных районов. Еще на VIII съезде партии (март 1919 г.) В. И. Ленин говорил: «Было бы ошибкой, если бы мы просто по шаблону списывали декреты для всех мест России, если бы большевики-коммунисты, советские работники на Украине и на Дону, стали бы без разбора, огулом распространять их на другие области» [17, т. 38, с. 144]. Еще в плане ГОЭЛРО предусматривалось подразделение страны на крупные экономические районы. Однако тогда не ставилась задача разработать принципиальную схему территориального уровня управления народным хозяйством. Первые шаги Госплана сразу после его организации в феврале 1921 г. были направлены на решение именно этой проблемы. Госплан разработал проект административно-экономического деления СССР на 21 район, одобренный В. И. Лениным. Такой подход к экономическому районированию заключался в учете целого ряда взаимосвязанных факторов в их единстве – экономического (принцип достижения наивысшей производительности труда), национального, исторического, перспективного, территориальной специализации производства, его комплексности и концентрации, транспортного фактора, технического и т. д., что обеспечивало обоснованное распределение по территории плановых заданий. Это нашло отражение в тезисах по вопросу об экономическом районировании России, выработанных Комиссией ВЦИК и Госплана СССР. Там же дано определение экономического района и основных принципов районирования, сохраняющее до настоящего времени свое научное значение.

Ввиду особой государственной важности вопросы экономического районирования рассматривались XII съездом ВКП(б) (апрель 1923 г.). На основе предложенной ВЦИК и Госпланом схемы деления на экономические районы было принято решение провести опытное районирование еще в двух районах (кроме Украины) – промышленном и сельскохозяйственном. По постановлению ВЦИК опытными районами становились Урал и Северный Кавказ. Работа по районированию проводилась под непосредственным руководством председателя Госплана Г. М. Кржижановского. Активное участие в ней принимали видные ученые и специалисты: И. Г. Александров, Л. Л. Никитин, Н. Н. Колосовский, Н. М. Тоцкий и др.

Партийный и хозяйственный руководитель А. С. Енукидзе, касаясь проблем территориального разграничения и экономического районирования, писал: «Мы, как республики единого Союза, не можем базироваться только на национальном признаке. В общих интересах Союза огромное, даже первенствующее значение имеет экономический фактор, так что из-за чисто национального признака, часто сомнительного, неясного, мы не можем экономически ослабить важнейший район, который имеет значение для всего Союза. <...> Украина, как мощная сама по себе республика и мощная нация, совершенно не нуждается в том, чтобы непременно выдергивать украинское население из великорусских областей и экономически ослабить этим и РСФСР, и УССР» [18, с. 115]. Госплан неоднократно рассматривал вопрос о ходе районирования. На заседании Президиума Госплана СССР 23 июля 1926 г. заслушивался доклад Л. Л. Никитина об итогах и дальнейшем развитии экономического районирования. Была подчеркнута особая «эффективность» областного звена, давшего возможность: в сфере

плановой работы – углубить и осуществить идеи планового регулирования народного хозяйства, укрепить текущее и перспективное планирование на местах; более правильно организовать сельское хозяйство; обеспечить концентрацию производства в промышленности, наладить регулярное снабжение сырьем, скоординировать капитальное строительство с планами производства; оживить торговлю; мобилизовать и использовать различные источники местных финансов, перераспределить средства, оказать помощь отсталым и маломощным округам и низовым районам (в том числе национальным) за счет более развитых.

Особое внимание уделялось экономической целесообразности того или иного объединения или разделения. Экономическое районирование непосредственно связывалось с организационно-территориальной структурой управления, системой региональных руководящих, хозяйственных и плановых органов. Помимо союзно-республиканских и областных партийных и советских организаций, она включала Бюро ЦК ВКП(б) по отдельным группам союзных республик и областей (краев), местные органы ВСНХ (затем наркоматов), республиканские и областные (краевые) экономические совещания и т. д.

Система территориальных хозяйственных и плановых формирований находилась в полном соответствии со структурой высших партийных и государственных органов. Согласно Уставу ВКП(б), принятому XIV съездом партии (декабрь 1925 г.), там, где существовали областные хозяйственные звенья (экономсоветы и т. д.), или в районах, значительно удаленных от центра, организовывались областные бюро, назначаемые ЦК ВКП(б) и ответственные только перед ним. Были созданы, например, Средазбюро ЦК ВКП(б), Средне-Волжское бюро ЦК ВКП(б) и ряд других. Эти органы до своей ликвидации в 1934 г. проделали большую работу по подъему хозяйства и культуры многих областей, краев, республик.

Примерно до 1927 г. продолжалось одновременное развитие двух тенденций – к централизации и децентрализации. Тенденция к централизации реально реализовывалась в деятельности СТО и ВСНХ, из ведения местных органов изымались все новые и новые отрасли. Децентрализация декларировалась на пленумах и совещаниях, но реально не осуществлялась. В. З. Дробижев приводит пример, иллюстрирующий соотношение реальных возможностей управления региональным развитием. Он цитирует Р. И. Эйхе (председатель Сибирского крайисполкома в конце 1920-х гг.): «Получается, что у нас есть какие-то два государства: одно – в Москве, другое – на местах. И одно с другим находится, по крайней мере, в разрыве дипломатических отношений. Смешно: если в ведение Москвы передать предприятие, то на это дело деньги можно дать. А если нет, то денег не находится» [19, с. 168]. Постепенно местные СНХ превратились из органов управления промышленностью на местах в органы управления местной промышленностью. При этом доля местной промышленности постоянно уменьшалась. Изменилось и отношение к плану. Точка зрения А. И. Рыкова сменилась тезисом, четко выраженным в трудах С. И. Гусева: «Лучше какой-нибудь план, но твердо проводимый, чем хаос живой практики без всякого плана» [10, с. 49].

К концу 1920-х гг. складываются условия для реального осуществления РП:

1 – к этому периоду уже сформирована административно-командная система партийно-государственного управления страной;

2 – восстановление разрушенного Первой мировой и Гражданской войной народного хозяйства, в целом, закончено.

Как уже было отмечено, первым опытом разработки планов регионального развития стал план ГОЭЛРО, в котором была впервые поставлена задача совершенствования

территориальной организации хозяйства. Основные методологические принципы, разработанные в плане ГОЭЛРО, были использованы при подготовке планов на первую пятилетку 1928–1932.

Реконструкция территориальной организации хозяйства за годы первой и второй пятилеток была проведена в следующих направлениях:

1. Реконструкция промышленности в староосвоенных районах страны. С одной стороны, Москва, Ленинград, Харьков, Горький превратились в центры освоения новых производств. С другой стороны, в этих городах происходила консервация сложившейся отсталой структуры промышленного производства. В историческом плане вторая тенденция оказалась более устойчивой.

2. Ускоренный рост производительных сил восточных районов.

3. Создание крупной промышленности в ранее отсталых национальных районах. Эта задача была блестяще, в духе времени, сформулирована Н. Н. Баранским, выдающимся советским экономикогеографом: «В наши времена прежней грабительской политике по отношению к окраинам положен конец. Нужды окраины удовлетворяются не только наравне с нуждами центра, но сплошь и рядом в порядке возмещения за прежнее – преимущественно перед нуждами центра. Термин «колониальная политика» может употребляться у нас, по выражению т. Рыкова, только в том смысле, что колониальная политика, например Великобритании, заключается в развитии метрополии за счет колоний, а у нас – колоний за счет метрополий» [21, с. 276]. Уже в период подготовки первого пятилетнего плана XV съезд партии (декабрь 1927 г.) поставил вопрос о завершении экономического районирования. Это связывалось с улучшением разработки народнохозяйственных планов, укреплении плановой дисциплины. Ввиду обширности территории Советского Союза и большого разнообразия природных и экономических условий на это потребовалось около 7 лет. К октябрю 1929 г. деление на районы было проведено по всей стране (за исключением низового районирования в Закавказье и некоторых районов в РСФСР). Губернии, уезды и волости ликвидировались, вместо них создавались области и края, а также административные районы.

Правда, при этом были допущены отклонения от предварительной схемы. Так, если состав Центрально-Черноземной области, Нижне-Волжского, Северного края и некоторых других полностью соответствовал требованиям Госплана, то, например, Центрально-Промышленную область пришлось разделить на Московскую, Ивановскую области и Нижегородский край (т. е. поступить не так, как считал И. Сталин в 1918 г., а прямо противоположным образом).

Были внесены и другие изменения. Так, в целях успешного хозяйственного и культурного развития национальных образований предусматривалось их вхождение в крупные административные единицы – края, в них также включались значительные промышленные центры прилегающих районов и т. д.

План первой пятилетки, разработанный еще до завершения районирования (что в определенной степени осложняло планирование), составлялся с учетом деления страны на 24 экономическо-административных района. Единое экономическое и административное районирование конца 1920-х гг. было важной формой территориальной организации народного хозяйства, которая содействовала решению кардинальных политических и экономических задач, в первую очередь успешной разработке и реализации пятилетнего плана. XVI съезд партии (июнь – июль 1930 г.) подчеркнул исключительную роль районирования в социалистической реконструкции хозяйства и новом размещении производительных сил.

В связи с образованием в начале 1930-х гг. общесоюзных промышленных наркоматов были сформированы институты их уполномоченных на местах, а затем – областные (краевые) управления по соответствующим отраслям. К местным Советам перешло руководство сельским хозяйством и местной промышленностью. Однако территориальный разрез общегосударственных планов разрабатывался Госпланом СССР в объеме всего народного хозяйства вне зависимости от ведомственного подчинения. План второй пятилетки составлялся уже по 32 районам.

Новое экономическое районирование способствовало более эффективному решению проблем размещения производительных сил, рациональному использованию природных и трудовых ресурсов, формированию крупных территориально-хозяйственных комплексов. Территориальный разрез народнохозяйственного плана получил прочную научную основу, обеспечивались тесное взаимодействие и координация центральных и местных плановых органов.

В 1940 г. уже насчитывалось 126 областей, краев, АССР. Поскольку общегосударственное планирование должно было охватить в первую очередь большие хозяйственные территории – мощные производственные комплексы, встал вопрос о новой, укрупненной сетке экономических районов. В третьем пятилетнем плане территория РСФСР подразделялась на 9 крупных (основных) экономических районов: Европейский Север, Северо-Запад, Центр, Поволжье, Северный Кавказ и Крым, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток. Планирование остальных союзных республик осуществлялось в целом. В 1940 г. при образовании 9 территориальных отделов в Госплане СССР была утверждена группировка экономических районов: районы Дальнего Востока и Восточной Сибири, Урала и Западной Сибири, Средней Азии и Казахстана, Закавказья, Юга, Центра, Юго-Востока, Севера и Северо-Запада, Запада. Эта группировка положена в основу территориально-экономического деления в генеральном хозяйственном плане.

Приблизительно до 1955 г. три вышеотмеченные тенденции регионального развития сохранялись в неизменяемой административной системе. Серьезные изменения произошли в середине 1950-х гг. Сформировавшаяся в 1920-е гг. наркоматовская система управления доказала свою эффективность в годы войны и в первое послевоенное десятилетие. Однако на этом этапе степень управляемости хозяйством уже не увеличивалась при ужесточении управленческих мер. Отраслевой подход пришел к своему логическому завершению, и в 1954–1955 гг. около 15 тысяч предприятий были переданы из центрального подчинения в республиканское.

Оперируя границами и набором полномочий для административно-территориальных единиц, власть старается влиять на общественное развитие в целом. Отметим, что одной из составляющих территориальной организации общества является административно-территориальное деление государства. Совершенствование административно-территориального и территориально-политического устройства закономерно началось после стабилизации политического управления и закрепления у власти Н. С. Хрущева.

27 февраля 1957 г. председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков направил членам Госплана в связи с формированием пятилетнего плана критические замечания, высказанные депутатами Верховного Совета СССР. Депутаты от регионов активно критиковали отраслевую систему управления и высказались за предоставление местным органам власти больших прав в управлении промышленностью. Все это затрудняло увязку развития различных отраслей на территории и не обеспечивало комплексного

развития хозяйства экономических административных районов. Отдельные предложения региональных представителей были поддержаны Госэкономкомиссией Совета министров СССР.

В 1957 г. была сделана попытка коренной реформы управления народным хозяйством. Для управления промышленностью (включая переработку сельскохозяйственной продукции) и строительством были образованы региональные советы народного хозяйства – совнархозы. Эти органы местного самоуправления экономикой должны были сформировать условия для самореализации местной инициативы, привлечения всех материальных и интеллектуальных ресурсов на местах для дальнейшего развития производства исходя из потенциальных возможностей регионов, а также освободить центральную власть от решения множества проблем местного значения. Предполагалось, что эта реформа создаст условия для насыщения внутреннего рынка товарами народного потребления и при определенных условиях обеспечит выход на мировой рынок не только с сырьевыми, но и с конкурентоспособными товарами широкого потребления.

Образование совнархозов было обосновано еще и тем, что сталинская партийно-государственная централизация и жесткая система отраслевого управления промышленностью при строгом партийно-политическом надзоре были вполне оправданны при решении задач быстрой индустриализации страны, создании новых отраслей промышленности, реформировании и перевооружении армии. Такая система оказалась полезной и в годы восстановления народного хозяйства и городов в условиях отсутствия достаточных средств в союзных республиках и регионах РСФСР, пострадавших от военных действий. Создание экономических административных районов (в основном по политико-административным единицам – союзным и автономным республикам, краям и областям) и образование в них совнархозов означало передачу управления и планирования на места по двум отраслям материального производства – промышленности и строительству. Первоначально совнархозы были созданы почти в каждой области, крае, автономной республике (в 1957 г. было 105 совнархозов); многие из них имели невысокий промышленный потенциал и испытывали дефицит в квалифицированных специалистах. Укрупнение совнархозов (в 1962 г. их стало 47) слабо увязывалось с объективно сформировавшимися экономическими районами и приводило к разрыву сложившихся производственных связей. Чтобы избежать этого, в ряде случаев при укрупнении районов руководствовались не комплексным, а отраслевым подходом [22]. Анализ мероприятий по дальнейшему реформированию территориального управления в 1950–1960-е гг. показывает, что они привели к положительным изменениям. Однако основные территориальные резервы повышения эффективности экономического и социального развития не были задействованы, так как преобразования осуществлялись в рамках сложившейся системы, без коренной перестройки в соответствии с принципами радикальной экономической реформы. Они касались в основном организационной структуры, сокращения административно-управленческого аппарата, и в значительно меньшей степени затрагивали принципы хозяйственных отношений, функции органов управления и методы их реализации. Слабо использовались экономические формы взаимодействия регионов с предприятиями.

Следующий этап – медленный отход от крайностей территориального управления. Это было связано и с использованием системы экономического районирования в целях экономического управления. В 1961 г. директивные органы при сохранении сложившейся сетки экономических, административных районов (совнархозов) офи-

циально приняли новую 17-членную сетку крупных экономических районов СССР. В целях улучшения планирования в районном разрезе тогда же были созданы советы по координации и планированию крупных экономических районов. Однако вскоре они были упразднены, и вместо них в 1963 г. в экономических районах были организованы плановые комиссии с аналитическо-рекомендательными функциями. В этом же году проводилась корректировка сетки экономических районов. По этой сетке в СССР было выделено 18 экономических районов, из них 10 на территории РСФСР (Северо-Западный, Центральный, Волго-Вятский, Центрально-Черноземный, Поволжский, Северо-Кавказский, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальневосточный); три в составе Украины (Донецко-Приднепровский, Юго-Западный, Южный); три объединяли союзные республики (Среднеазиатский – Узбекскую, Туркменскую, Киргизскую и Таджикскую; Закавказский – Грузинскую, Азербайджанскую и Армянскую; Прибалтийский – Латвийскую, Литовскую и Эстонскую) и, наконец, два – Казахстанский и Белорусский – совпадали с территориями этих союзных республик. Молдавская ССР не входила в состав крупных экономических районов СССР.

Реформы Н. С. Хрущева, в целом, не изменили федеративную конструкцию государства. Однако в ряде законов и актов 1957 г. были расширены права союзных республик. В главном и решающем вопросе положение не изменилось: суверенитет союзных республик остался декларативным. Круг административных полномочий республик и автономий несколько расширился без принципиального изменения их статуса. Вопросы федеративного устройства были затронуты и в новой партийной программе: «Развернутое коммунистическое строительство означает новый этап в развитии национальных отношений в СССР, характеризующийся дальнейшим сближением наций и достижением их полного единства... Границы между советскими республиками в пределах СССР все более теряют свое былое значение» [23, с. 20]. Декабрьский (1956 г.) Пленум ЦК КПСС принял резолюцию о расширении прав республик. Затем было упразднено около 140 министерств, а оставшиеся получили только координирующие функции. Было образовано 105 совнархозов, охватывающих 75 % промышленных предприятий. В компетенции совнархозов находились и полномочия, традиционно принадлежавшие местным органам, и ряд полномочий, раньше принадлежавших центру. Все это означало безусловную победу территориального управления.

Важная особенность совнархозов – усиление внимания к вопросам социальной сферы и инфраструктуры. В большинстве совнархозов улучшились основные экономические показатели.

Объективно существующий «территориальный интерес» оказался сильнее всех запретов. В результате крупные средства перебрасывались с основных производств на социальную сферу. Только летом 1958 г. ЦК КПСС издал два постановления, осуждавших подобную практику. Однако успехи совнархозов в области кооперирования, специализации, роста объемов производства и производительности труда были очевидны. Именно поэтому на новом этапе централизации (начиная с 1958 г.) основа новой системы – совнархозы – была сохранена. Уже в апреле 1958 г. была создана единая общесоюзная система МТС под руководством Госплана СССР. Затем прошло переподчинение всех строительных организаций Госстрою СССР.

Существенную реорганизацию системы управления связывают с ноябрьским Пленумом ЦК КПСС в 1962 г. Во-первых, был сделан еще один шаг к сближению партийного и хозяйственного руководства экономикой. Во-вторых, были укрупнены совнархозы, их осталось 47. Наконец, были созданы единый орган управления экономикой

отрасли – ВСНХ СССР и Государственные производственные комитеты, выполнявшие функции бывших министерств. Каковы же основные направления региональной политики в этот период? Конец 1960-х – 1970-е гг. – период поступательного экономического развития СССР. В это время существовали значительные финансовые возможности для осуществления региональной политики. Поэтому перераспределение средств в этот период может служить индикатором эффективности и объемов РП. Отметим, что тенденции, наиболее активно проявившиеся в 1960–1970-е гг., стали складываться в начале 1950-х гг. XX съезд КПСС, состоявшийся в феврале 1956 г., провозгласил курс на ускоренное развитие Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Казахстана; особо оговаривалось торжество ленинской национальной политики, понимаемое как ускоренное развитие национальных районов.

Рассматривая эволюцию системы территориального управления в СССР, мы остановились на анализе так называемой системы 1963 года. Суть ее сводилась к тому, что, реформируя совнархозовскую систему, правительство пыталось устранить недостатки, неизбежно возникающие при преобладании территориального управления, но сохранить главное достоинство предыдущего подхода – самостоятельность предприятий и комплексный подход к развитию территорий. Попытки решить эту практически неразрешимую задачу привели к возникновению «системы 1963 года», в рамках которой каждое предприятие находилось под руководством 7–8 вышестоящих структур. В результате принятие любого решения затягивалось на месяцы. Да и сама система принятия решений была нечетко сформулирована.

Неэффективность «системы 1963 года» была настолько очевидной, что уже в 1965 г. последовала экономическая реформа, в рамках которой вводилась система единоначалия. У предприятий остался только один реальный хозяин – министерство, от которого предприятие полностью зависело. Естественно, сохранить принцип самостоятельности в этих условиях было невозможно. Роль территориального подхода после реформы 1965 г. существенно снизилась. Формально права местных Советов были подтверждены в многочисленных решениях Верховного Совета, Совета Министров и ЦК КПСС. Однако на практике функции местных хозяйственных органов сводились к контролю предприятий, расположенных на территории соответствующего Совета.

В 1961–1970 гг. темпы роста промышленности в союзных республиках и экономических районах РСФСР были в целом ниже, чем в предыдущее десятилетие. Если по СССР этот показатель – 227 %, то по РСФСР – 215 %. В ряде республик и экономических районов его значение существенно выше: Поволжский район – 256 %; Восточно-Сибирский – 256 %; Дальневосточный – 376 %; Литовская ССР – 303 %; Армянская – 271 %; Киргизская – 308 %; Белорусская – 294 %. Конечно же, не только этот показатель определяет региональную политику. Не менее значим рост производства в сельском хозяйстве и строительстве; еще важнее национальный доход, произведенный на конкретной территории. Эффективность РП можно определить через соотношение экономических районов в объеме промышленного производства и в совокупном объеме капитальных вложений по РСФСР. К сожалению, не все данные доступны для анализа. Официальная статистика сознательно скрывала данные о региональном развитии, тем не менее, можно сделать некоторые выводы.

За десятилетие 1951–1960 гг. по сравнению с предыдущим десятилетием капитальные вложения в народное хозяйство выросли в 3,9 раза, при этом в восточные районы – в 4,3 раза, в Казахстан – в 5,6, в Сибирь – в 4,9 раза. Еще сильнее активизировался «сдвиг на восток» в восьмой и девятой пятилетках.

Нельзя сказать, что освоение Восточной Сибири и Дальнего Востока носило внеэкономический характер и было продиктовано исключительно идеологическими, стратегическими и политическими соображениями. Развитие данных территорий имело очаговый характер и было направлено, прежде всего, на разработку природных ресурсов и получение сиюминутного экономического эффекта. При эксплуатации слабоосвоенных в хозяйственном отношении территорий, не имеющих инфраструктуры и трудовых ресурсов, требуются огромные затраты. Создание диверсифицированных производственных комплексов было затруднено. Региональный воспроизводственный процесс осуществлялся только при мощном финансировании из Центра. Многоотраслевые районы оказывались в абсолютной зависимости от степени исчерпания того или иного природного ресурса.

Даже на уровне союзных республик, которые являлись государственными образованиями, доминировал отраслевой подход. И здесь министерства оказывались сильнее территорий. В результате деятельности союзных министерств в республиках Прибалтики, Средней Азии, Закавказья была полностью реформирована отраслевая и территориальная структура хозяйства. Слабость территориального управления и всей системы Советов закономерно вытекала из фискальной политики.

Уже с начала 1970-х гг., когда отраслевые министерства окончательно «победили территории», для многих экономистов стали очевидными недостатки отраслевого подхода. Поиски выхода велись сразу по нескольким направлениям. Так, уже в 1971 г. были официально признаны прогрессивные формы пространственной организации производительных сил, так называемые территориально-производственные комплексы (ТПК). При всех своих недостатках ТПК обеспечивали более дифференцированное развитие, чем союзные министерства. Однако, не имея собственных органов управления и получая финансирование по отраслевому признаку, ТПК объективно не могли решить задачи сбалансированного регионального развития. Еще один опыт – создание так называемых территориальных межотраслевых объединений (ТМО). Первое ТМО было создано в г. Поти Грузинской ССР. Суть эксперимента сводилась к объединению в один комплекс всех предприятий, находящихся на определенной территории, при этом местные органы управления обеспечивали межотраслевую координацию и рационализацию производства. За счет межотраслевой кооперации, более рациональной системы управления и координации интересов территорий и отраслей достигались высокие экономические результаты [24]. В 1988 г. из регионов РСФСР изымалось 40 млрд рублей, из которых 18 млрд перераспределялись в России. Характерно, что почти 10 млрд рублей получала Москва (51 % внутриреспубликанского перераспределения), 1,6 млрд рублей – Европейский Север (8,5 % внутриреспубликанского перераспределения), столько же получал Дальневосточный экономический район. Восточная Сибирь и Западно-Сибирский экономические районы вместе получали почти 4 млрд рублей (20,8 % внутриреспубликанского перераспределения). 1,8 млрд рублей получали автономии внутри России (9,7 % внутриреспубликанского перераспределения). Закономерен вопрос: а сколько же изъятых средств перераспределялось на территории депрессивных районов Европейской части России? Оказывается только 228 млн рублей – чуть больше 1 % внутриреспубликанского перераспределения. Для страны с высоким уровнем централизации бюджета и уникальной степенью огосударствления экономики подобная РП являлась национальной катастрофой. Завершая анализ данных о перераспределении финансовых ресурсов, отметим, что 53,5 % средств уходило в другие республики [25]. Таким образом, очевидно, что на протяжении более 50 лет

Европейская часть России подвергалась социально-экономической эксплуатации и являлась «внутренней колонией», ресурсы из которой выкачивались и использовались в других регионах.

Выводы

1. Возникшая в 1920-е гг. и просуществовавшая до 1990–1991 гг. отраслевая система управления оказалась недостаточно эффективной и не отвечала задачам, провозглашенным в рамках «ускорения», а затем и «перестройки». Анализ соотношения территориального и отраслевого управления имеет огромное значение, поскольку, анализируя результаты экономического развития, цели, задачи и механизмы РП, мы должны помнить о том, когда и с помощью каких средств осуществлял управление народным хозяйством.

2. Сетка экономического районирования, разработанная в 1963 г., предполагала 18 районов. В 1982 г. Северо-Западный район был разделен на Северный и Северо-Западный. Сегодня на территории России представлены 11 районов и Калининградская область.

3. Система экономических районов оказалась лишенной управленческой составляющей. Рычаги влияния на экономику остались на уровне автономий, областей, краев. Реформы только усложнили ситуацию, сформировав дополнительные предпосылки для экономического сепаратизма. Фактически в рамках районов лишь подводились итоги социально-экономического развития и собиралась различная статистическая информация.

4. Закономерен вопрос и об изменениях в размещении экономики. Очевидно, что сегодня география промышленности и сельского хозяйства не совпадает с существовавшей в 1963 г. Изменились принципы экономического районирования. Экономика России уже не является социалистической и не базируется на принципах размещения, характерных для экономики социализма.

В этом случае возникает вопрос о качестве новаций в области региональной политики в современной России.

Список литературы

1. Кузнецов, С. В. Экономическое пространство России: теория и практика / С. В. Кузнецов, Н. М. Межевич. – СПб., 2012.
2. Межевич, Н. М. Межтерриториальные связи в формировании экономического пространства Европы: вопросы теории и практики / Н. М. Межевич, Т. Ю. Шалденкова. – СПб.: Академия исследования культуры, 2016.
3. Ланддабасо, А. Европейский опыт поможет в решении региональных проблем России / А. Ланддабасо // Евро.– 2000. – №3. – С. 25
4. Кузнецов, С. В. Исследования экономического пространства России в трудах А. Г. Гранберга / С. В. Кузнецов, Н. М. Межевич // Современные проблемы пространственного развития: материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти и 75-летию со дня рождения академика А. Г. Гранберга (СОПС, ИЭОПП СО РАН). – М., 2012.
5. Межевич, Н. М. Территориальное управление в современной России: поиск новой парадигмы развития в 1990-е гг. и перспективы его дальнейшей эволюции / Н. М. Межевич // Управленческое консультирование. – 2005. – №3.
6. Региональный хозрасчет: концепция и формы реализации. – М., 1990.
7. Межевич, Н. М. История территориального управления в России: советский опыт / Н. М. Межевич // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия «Теория и практика управления». – 2015. – №1.

8. *Лифшиц, Р. С.* Размещение промышленности в дореволюционной России / Р. С. Лифшиц. – М., 1955.
9. Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 г. Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет 1887–1926 гг. – М., 1927.
10. *Фейгин, Я. Г.* Развитие производства при социализме и капитализме / Я. Г. Фейгин. – М., 1958.
11. *Александров, И. Г.* О районировании / И. Г. Александров // Вопросы экономического районирования СССР. – М., 1957.
12. Национальный вопрос на перекрестке мнений: документы и материалы. – М., 1992.
13. *Рыков, А. И.* Избранные произведения / А. И. Рыков. – М., 1990.
14. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1971. – Т. 1.
15. *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. – Т. 43.
16. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1917–1924. – Т. 2. – 8-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1970.
17. *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. – Т. 38.
18. Редакционная колонка // Родина. – 1999. – № 9.
19. *Дробижев, В. З.* Главный штаб социалистической промышленности / В. З. Дробижев. – М., 1966.
20. *Гусев, С. И.* О едином хозяйственном плане / С. И. Гусев. – М., 1971.
21. *Баранский, Н. Н.* Экономическая география СССР: обзор по областям Госплана / Н. Н. Баранский. – М., 1926.
22. *Дробижев, В. З.* Из истории совнархозов / В. З. Дробижев, А. Б. Медведев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964.
23. Программа КПСС. – М., 1961.
24. Опыт совершенствования управления народным хозяйством на территориях. Опыт г. Поти. – М., 1986.
25. *Дмитриева, О. Г.* Региональная экономическая диагностика / О. Г. Дмитриева. – СПб., 1992.

М. А. Бражников¹, Е. Г. Сафронов², А. В. Бабкин³

О СТРАТЕГИИ ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВООРУЖЕНИЯ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

В основе современной государственной политики лежит идея форсированного инновационного прорыва – создания благоприятных условий для импортозамещения, проектирования и выведения на рынок высокотехнологичных видов продукции. Перечень ее ключевых задач на уровне национальной экономики представлен в «Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 года» [1, с. 17]. Приоритетное место среди них отводится увеличению доли на рынках высокотехнологичных и интеллектуальных услуг до 5...10 %, росту удельного веса высокотехнологичного сектора в ВВП до 20 %, повышению уровня инновационной продукции в общем объеме выпуска промышленного сектора до 25...35 %.

В настоящее время отечественный научно-производственный сектор довольно слабо представлен на глобальном рынке высокотехнологичных изделий; его доля, по разным оценкам, составляет меньше 1 %, а в гражданской сфере – 0,1 % [2, с. 121]. Научно-технические разработки мирового уровня конкурентоспособны лишь по трети из более чем 30 важнейших технологических направлений. Сложившаяся ситуация во многом обусловлена низким процентом реализации перспективных технологических заделов (уровень коммерциализации технологий составляет 16 %, причем только 8 % – технологии мирового уровня). Планируемые расходы на развитие высокотехнологичных производств на 2013–2020 гг. не превышают 2,3 % от общих расходов на приоритетные проекты [2, с. 77].

Первостепенное значение в решении инновационных задач приобретает машиностроительный комплекс, обеспечивающий устойчивый рост и непрерывное развитие национальной экономики.

Исследование проблем и анализ тенденций развития машиностроительного кластера, оценка потенциала его обновления и модернизации отражены в работах А. Г. Аганбегяна, А. В. Бабкина, М. И. Бухалкова, Б. Я. Татарских и др.

Вопросами прогнозирования взаимосвязи показателей развития машиностроения и параметров экономического роста занимается ряд авторов Института народно-

¹ *Максим Алексеевич Бражников*, доцент Самарского государственного технического университета, канд. экон. наук.

² *Евгений Геннадьевич Сафронов*, доцент Самарского государственного технического университета, канд. экон. наук.

³ *Александр Васильевич Бабкин*, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, д-р экон. наук.

хозяйственного прогнозирования РАН: Б. Н. Борисов, О. В. Почукаева, В. К. Фальцман, Н. И. Комков, В. С. Романцов, А. К. Корнев, В. Г. Боровский, Т. Н. Рыжикова.

Опираясь на результаты научно-практических исследований перечисленных авторов, выделим ряд направлений, требующих более глубокой и детальной проработки. Сконцентрируем внимание на формировании системы стратегических приоритетов и организационно-технических резервов инновационного развития машиностроительных предприятий в решении задачи опережающего роста экономики на основе импортозамещения. Эффективность программы импортозамещения зависит, главным образом, от степени государственного регулирования и выбора опорных кластеров, способствующих активизации экономического роста.

Методика исследования. В основе проведенных исследований лежат результаты стратегического прогнозирования показателей инновационного развития: объема инвестиций в основной капитал, роста реальных доходов населения, индекса машиностроительного производства, увеличения объема выпуска продукции, уровня износа технологического оборудования. Особое внимание уделяется индикаторам, характеризующим технологический потенциал машиностроения и динамику импортозависимости.

Кластерный анализ позволяет сформулировать приоритетные направления развития в структуре обрабатывающих производств. Анализ потенциальных рисков в разработке и реализации стратегии определяет комплекс научно-технических мероприятий, связанных с выявлением организационно-технических резервов машиностроительного предприятия. Основная задача – повышение эффективности функционирования производственной системы за счет устранения разрыва между уровнями развития техники, технологий и организации производства.

Экономико-математическое моделирование стоимостных и технологических параметров в процессе эксплуатации станочного парка приводит к выводу о необходимости изменения сроков полезного использования оборудования и нормы амортизации. Разработанный на этой основе механизм опережающего обновления активной части производственных фондов способствует решению задачи модернизации машиностроительного производства.

Результаты исследования. В секторе обрабатывающих производств доля машиностроительного комплекса по объему отгруженной продукции составляет около 20 %. Структура реализованной продукции характеризуется следующим соотношением: 48 % – транспортные средства и оборудование; 27 % – электрооборудование, электронное и оптическое оборудование; 25 % – машины и оборудование.

Развитие машиностроительного комплекса связано с ростом внутреннего спроса на инвестиционные и высокотехнологичные виды продукции, в том числе для обеспечения обороноспособности и безопасности страны [3]. Основной задачей является устранение ограничений в развитии приоритетных кластеров в целях стимулирования технологического перевооружения, увеличения затрат на НИОКР, создания новых конкурентоспособных изделий. В соответствии с госпрограммой на развитие машиностроительного комплекса до 2020 г. планируется выделить из федерального бюджета свыше 2,8 трлн рублей.

К 2030 г. предполагается увеличение объемов инвестиций в основной капитал и рост реальных доходов населения относительно уровня 2020 г. на 73 и 50 % соответственно [2, с. 204], что обеспечит увеличение индекса машиностроительного производства на 73,2 %. Относительно уровня 2011 г. производство продукции вырастет более чем в 3,2 раза.

Опережающий рост машиностроения формируется под влиянием темпов научно-технического развития реального сектора экономики, интенсификации производства, скорости освоения качественно новых продуктов и внедрения передовых технологий (проектирование материалов, разработка энергетических систем, обновление радиоэлектронной продукции).

Для кластеров со значительным уровнем потенциального спроса (автомобилестроение и сельскохозяйственное машиностроение, производство строительно-дорожной техники и технологического оборудования) следует создавать условия, способствующие активному использованию различных форм государственно-частного партнерства, что обеспечит более высокие темпы роста, чем по отрасли в целом.

Вторая группа кластеров (производство бытовой техники и электроники) характеризуется высокой динамикой рыночного спроса.

Развитие кластеров производства продукции специального назначения (авиа- и судостроение, радиоэлектроника) напрямую зависит от степени реализации механизмов государственного регулирования.

Разработка долгосрочной стратегии развития машиностроительных кластеров должна учитывать потенциальные риски:

- неопределенность развития внутренних и внешних экономических факторов, влияющая на уровень инвестиционной активности, величину реальных доходов населения, объемы внешнеторговых операций;
- сокращение объемов государственной поддержки вследствие изменения структуры расходов консолидированного бюджета;
- неустойчивость рыночной конъюнктуры в силу активизации текущих интеграционных процессов.

Машиностроение является гарантом экономической безопасности, индикаторами которой выступают доля в промышленном производстве обрабатывающей промышленности с пороговым значением не менее 70 % (в РФ – 50 %) и доля в промышленном производстве машиностроения не менее 30 % (в РФ – 20 %) [4]. Таким образом, опережающее техническое перевооружение предприятий машиностроительного кластера – важнейший стратегический приоритет, определяющий конкурентоспособность реального сектора экономики [5, с. 12].

Стратегические линии достижения конкурентного преимущества пересекаются в точке импортозамещения. Ограничение объемов импорта защищает часть внутреннего рынка от внешней конкуренции. Безусловным плюсом в сложившейся ситуации является обеспеченность экономики материально-техническими резервами, главным образом, производственными мощностями. Однако противоречие заключается в катастрофическом моральном и физическом износе основного капитала и низкой инвестиционной активности экономических субъектов в силу высоких ставок по кредиту.

Уровень износа технологического оборудования, по разным оценкам, достигает 90 %, годовые темпы выбытия варьируют в пределах 2...3 %, темпы обновления не превышают 1 %. Реальный период эксплуатации оборудования – более 30 лет, что превышает нормативные значения в три раза. Ожидаемый срок службы вновь введенного оборудования [6] равен 20 годам, что сильно ограничивает возможности реализации программы импортозамещения.

Одним из ключевых инструментов решения проблемы обновления и модернизации машиностроительного производства является разработка и внедрение эффективного механизма амортизации, синхронизирующего темпы аккумулирования амортиза-

ционного фонда и научно-технического развития. Важнейшим узлом механизма служат методы ускоренной амортизации, обеспечивающие промышленным предприятиям РФ (по оценке академика РАН А. Аганбегяна) получение около 2 трлн рублей ежегодно, в том числе за счет освобождения от налога части инвестируемой прибыли. Накопленных средств будет достаточно для реализации «форсированной» инвестиционной политики в сочетании с масштабным развитием проектного финансирования, а также предоставлением таможенных и налоговых льгот. Увеличение инвестиций на 10 % в год будет способствовать росту экономики до 3 % к 2020 г. и до 5 % к 2025 г. [7].

Вопрос технического перевооружения производства остается одним из важнейших и решать его следует поэтапно и достаточно осторожно. Среди основных условий технического перевооружения производства и устойчивого развития инновационных кластеров в машиностроении выделим конкурентоспособность на внутреннем рынке, которая обусловлена действием разнонаправленных факторов [8, с. 36]:

- развитие инновационной сферы, стимулирующей рост выпуска конкурентоспособной продукции;
- снижение потенциала технологической интеграции, свидетельствующее об утрате конкурентных преимуществ.

Инновационно-технологический вектор развития машиностроения базируется на обновлении и модернизации материально-технической базы, главным образом ее активной части. Поэтому ключевым инновационным параметром формирования прогнозных оценок развивающего импортозамещения является темп обновления парка технологического оборудования на предприятиях машиностроения. Ускорение данного процесса возможно при объемах инвестиций, обеспечивающих значение коэффициента обновления не менее 10 %, тогда средний возраст вновь введенного оборудования может снизиться до 8 лет. В табл. 1 представлены прогнозные показатели развития инновационного машиностроения.

Особое значение приобретает модернизация ключевых кластеров: станкоинструментальное производство, электротехническая промышленность и приборостроение.

Таблица 1

Технологический потенциал машиностроения

Показатель	Период упреждения		
	2013	2018	2023
Доля конкурентоспособных мощностей, %	68	80	98
Рост производительности труда, %	100	150	188
Рост производственных мощностей, %	100	140	197
Средний возраст оборудования, лет	19	14	10
Доля молодого оборудования, %	21	36	44
Доля оборудования старше 20 лет, %	61	42	16
Темпы роста активной части, %	102	107	104

В последние годы рост импорта значительно опережает рост собственного производства (табл. 2), что свидетельствует о наличии инновационного кризиса в машиностроении [9, с. 23].

Таблица 2

Динамика импортозависимости

Номенклатура продукции	Индекс 2012/2000		Доля импорта, %	
	Импорт	Производство	2000	2012
Металлорежущие станки	25	<1	70	100
Экскаваторы	25		29	96
Тракторы	4		84	90
Бульдозеры	17		6	63
Грузовые автомобили	6	1	9	37

Выводы

Стратегия технического перевооружения машиностроительного производства должна включать:

1. *Формирование системы стратегических приоритетов.* Решение задачи [10] связано с выделением ведущих кластеров, требующих опережающего развития, и идентификацией источников конкурентного преимущества. Ключевая роль в обеспечении последнего отводится обновлению и модернизации технологического оборудования, ориентированных на совершенствование инструментов дифференциации продукции и снижения издержек. Основой дифференциации продуктового портфеля и создания особой потребительской ценности являются методы разработки гармоничной производственной программы, проектирования изделий с особыми технико-эксплуатационными характеристиками и повышения их качества, персонификации сервисного сопровождения на целевых рынках. Преимущество в издержках связано с поиском возможностей производства продукции со сравнительно низкой себестоимостью, что предполагает повышение эффективности использования активной части средств труда за счет обеспечения гибкости и ритмичности производства.

Иначе говоря, среди базовых стратегических приоритетов следует выделить непрерывное обновление и рациональное использование станочного парка, открывающие перспективы актуализации сбалансированной производственной программы и обеспечения качественно новых потребительских свойств выпускаемых изделий за счет совершенствования систем оперативного управления.

2. *Создание необходимых условий для реализации программы импортозамещения.* Важнейшим инструментом стимулирования роста инвестиций в основной капитал для обеспечения устойчивого социально-экономического развития является совершенствование нормативно-правовой базы: разработка и предоставление налоговых льгот, формирование амортизационной политики, использование инвестиционного кредита. Не меньшее значение имеют вопросы развития инфраструктуры высокотехнологического сектора экономики, включая техническое обслуживание оборудо-

вания, организацию рабочих мест, модернизацию транспортной сети. Одновременно с решением задачи роста инвестиций в основной капитал необходимо обеспечить увеличение инвестиций в экономику знаний (наращивание производственного потенциала машиностроительного комплекса за счет активизации научно-исследовательской, проектно-конструкторской деятельности, внедрения современных информационно-коммуникационных технологий, интеграции промышленных научных центров и учебных заведений).

3. *Разработка механизма.* В качестве основных этапов ускоренного технического перевооружения выделим:

- совершенствование системы госзаказа, что позволит сформировать комплекс перспективных технических регламентов и нормативов;
- внедрение системы налогового стимулирования в целях расширенного воспроизводства материально-технической базы;
- разработку «дорожной карты» научных исследований в части развития методов оптимизации производственного портфеля и организационно-экономического моделирования ритмичности производственных процессов;
- расширение программы государственно-частного партнерства в разрезе приоритетных кластеров машиностроительного комплекса.

4. *Выявление организационно-технических резервов.* Основная задача выявления и реализации резервов – повышение эффективности функционирования производственной системы на основе устранения разрыва между уровнями развития техники, технологий и организации производства. Поиск резервов должен быть связан с ключевыми направлениями наращивания конкурентного преимущества:

- резервы сокращения времени – снижение сроков достижения проектной производительности внедряемого технологического оборудования, сокращение длительности производственного цикла и времени межоперационных перерывов, разработка приоритетов запуска–выпуска и установление очередности обработки предметов труда, совершенствование структуры нормы времени;
- резервы роста производительности и объемов производства – техническое перевооружение активной части основных фондов, повышение коэффициента сменности за счет равномерной загрузки оборудования, рост уровня специализации производственных процессов на основе проектирования предметно-замкнутых участков;
- резервы повышения качества продукции – внедрение современных средств контроля и измерений, организация входного контроля качества сырья и материалов, рост уровня унификации и стандартизации, совершенствование системы менеджмента качества, внедрение прогрессивных систем обслуживания технологического оборудования и организации рабочих мест;
- резервы интеграции функций производственной системы – оптимизация структуры выпуска за счет гармонизации производственного портфеля, формирование сквозного единого материального потока с учетом соблюдения требований целевых рынков, обеспечение ритмичности производственного процесса на основе экономико-математического моделирования оперативно-календарных планов, совершенствование производственной структуры на основе сбалансированности основного, вспомогательного и обслуживающего хозяйств.

В условиях кризиса и обострения проблемы рационального использования ограниченных ресурсов эффективность импортозамещения на основе роста собственного производства может быть обеспечена только при предельной концентрации внима-

ния на небольшом количестве приоритетных проектов. Точечный рост предполагает кластерную декомпозицию процесса импортозамещения [11, с. 60].

Непосредственного государственного регулирования и прямого бюджетного финансирования потребуют развитие гражданского авиастроения и судостроения; производство высокоточных металлорежущих станков.

Таким образом, импортозамещение, связанное с ростом производства на внутренних рынках, создает объективные предпосылки для развития структуры отечественного производства на основе диверсификации и отказа от сырьевой модели экономики. Стратегическим результатом государственной политики должно стать увеличение индекса машиностроительного производства до 70 %. Решение этой задачи напрямую зависит от инвестиционной активности в направлении ускоренного обновления основного капитала не менее чем на 73 % и роста реальных доходов населения на 50 %. Акцент должен быть сделан на идентификацию потенциальных точек роста и обеспечение устойчивого конкурентного преимущества.

Список литературы

1. Инновационная Россия (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года). – М.: Минэкономразвития, 2010. – 105 с.
2. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. – М.: Март, 2013. – 354 с.
3. Здольникова, С. В. Интегрированные промышленные структуры как инструмент реализации синергетического подхода при формировании промышленной политики / С. В. Здольникова, А. В. Бабкин // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – 2016. – № 2. – С. 78–86.
4. Сафронов, Е. Г. Проблемы и перспективы технического перевооружения машиностроительного комплекса РФ в условиях перехода к экономике инноваций / Е. Г. Сафронов // Новая экономическая реальность, кластерные инициативы и развитие промышленности (ИНПРОМ-2016): тр. междунар. науч.-практ. конф. 19–26 мая 2016 г. / под ред. А. В. Бабкина. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. – С. 157–161.
5. Бражников, М. А. Стратегические приоритеты машиностроительного комплекса: инновационное развитие предприятий / М. А. Бражников, Е. Г. Сафронов, М. А. Мельников, Ю. Г. Лебедева; под ред. М. А. Бражникова, Е. Г. Сафронова. – М.: Издат.-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. – 212 с.
6. Бражников, М. А. Моделирование амортизационного периода технологического оборудования / М. А. Бражников, Е. Г. Сафронов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – 2013. – № 5. – С. 90–96.
7. Аганбегян, А. Где взять деньги? / А. Аганбегян // Аргументы и факты. – 2016. – № 15. – С. 10.
8. Борисов, Б. Н. Инновационное машиностроение как фактор развивающего импортозамещения / Б. Н. Борисов, О. В. Почукаева // Проблемы прогнозирования. – 2015. – №3. – С. 31–42.
9. Фальцман, В. К. Форсирование импортозамещения в новой геополитической обстановке / В. К. Фальцман // Проблемы прогнозирования. – 2015. – №1. – С. 22–32.
10. Бражников, М. А. Формирование стратегических приоритетов предприятий машиностроительного комплекса / М. А. Бражников, М. А. Мельников, Е. Г. Сафронов // Вестник Самарского государственного университета. Серия «Экономика и управление». – 2013. – № 10. – С. 5–12.
11. Фальцман, В. К. Импортозамещение в отраслях экономики России / В. К. Фальцман // Проблемы прогнозирования. – 2015. – №5. – С. 52–62.

РЕФЕРАТЫ

УДК 338.2. Д. В. Мантуров. Государство как инвестор: изменение роли государства в финансировании промышленности за последние 20 лет. Настоящее исследование направлено на изучение 20-летнего опыта реализации государством финансовых мер по стимулированию деятельности в сфере промышленности.

Ключевые слова: промышленная политика, финансирование, меры стимулирования, инструменты финансовой поддержки, государство.

УДК 330.354. С. Д. Бодрунов. Возвращение индустрии – возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации. Подчеркивается, что сегодня многие идеи, изложенные Дж. К. Гэлбрейтом в монографии «Новое индустриальное общество», находят свое подтверждение. Мир переходит к постиндустриальному обществу, формируется новое качество индустриального производства – открывается путь к НИО.2. Ставится вопрос о преодолении Россией наследия деиндустриализации, что невозможно без отказа от «рыночного фундаментализма». Современное индустриальное производство базируется на ускоряющемся применении новых знаний и позволяет удовлетворить возрастающие потребности человека. При этом возникают новые вызовы: соблазн сверхпотребления и раздувание симулятивных потребностей. Перед нами стоит дилемма: превращение человека в придаток технотронной системы или осознанное самоограничение как путь в ноосферную цивилизацию, о которой писал В. Вернадский. Важнейшую роль в этом движении играет культура.

Ключевые слова: «Новое индустриальное общество», Дж. К. Гэлбрейт, рыноч-

ABSTRACTS

D. V. Manturov. The state as an investor: a shift in the role of a state in financing industry in the past 20 years. This study focuses on the last 20 years of the State's financial incentives aimed at an industrial sector.

Keywords: industrial policy, financing, incentive measures, financial support instruments, the State.

S. D. Bodrunov. Return of industrialization – return of Galbraith: from NIS.2 to noospheric civilization. The author notices the modern confirmation of the ideas J. K. Galbraith mentioned in the monograph «The new industrial state». The world transits to the postindustrial society, a new quality of industrial production is formed, the way to NIS.2 is opened. There is a question on overcoming Russia's de-industrialization legacy that is impossible without abandonment from the “market fundamentalism”. Modern industrial production is based on the accelerating application of new knowledge and it allows to satisfy the growing human needs. However, there are new challenges: the temptation of overconsumption and the exaggeration of simulative needs. There is a dilemma: the transformation of a person into an appendage of the technotronic system or conscious self-restraint as a way to the noospheric civilization that was written by V. Vernadsky. Culture plays an important role in this movement.

Keywords: «The new industrial state», J. K. Galbraith, market fundamentalism, knowledge production, simulative needs, noospheric civilization, V. Vernadsky, culture.

ный фундаментализм, знаниеемкое производство, симулятивные потребности, ноосферная цивилизация, В. Вернадский, культура.

УДК 330.354. Дж. К. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество: 50 лет спустя. Подчеркивая актуальность труда Дж. К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество», автор приводит оценку С. Д. Бодрунова: идеи Гэлбрейта следует развивать с учетом ситуации в мировой экономике. Согласно «концепции уравновешенной власти», успешная экономика основана не на рынках, а на эффективных организациях широкого профиля при сохранении регулирования со стороны правительства и институтов гражданского общества. Проблема СССР – отсутствие такого регулирования, а не рынков. Плановая система нуждается в хорошо обученном, разнообразном классе инженеров, юристов, менеджеров и пр.; в компетентном и автономном органе управления, способном устанавливать стандарты и обеспечить их соблюдение. Важно определить приоритеты, выработать стратегию и приступить к ее реализации. Чтобы достичь в этом плане консенсуса широких слоев общества, следует устранить катастрофическое социальное неравенство.

Ключевые слова: «Новое индустриальное общество», Дж. К. Гэлбрейт, «Концепция уравновешенной власти», плановая система, регулирование, стандарты.

УДК 330.354. Р. И. Нигматулин. Необходимые условия экономического роста в России. Ключевой проблемой роста экономики России и ее инвестиционного обеспечения является не отсутствие денег, а дефицит покупательского спроса. Именно покупательский спрос должен быть сбалансирован с ВВП доведением доли оплаты труда основной массы народа с 40 до 60 %, чтобы сбалансировать затраты производства с ценами и оплатой тру-

J. K. Galbraith. The new industrial state: 50 years later. The relevance of the work of J. K. Galbraith “The new industrial state” is stressed; the author cites S. D. Bodrunov’s assessment: the ideas of Galbraith should be developed within the framework of the situation in the world economy. “The concept of balanced authority” is based on the effective wide multi-skilled organizations with the management system of the government and civil society institutions. The problem of the USSR is the lack of such management rather than markets. The planned system needs a well-qualified, diverse class of engineers, lawyers, managers ...; as well as competent and autonomous administration that is able to set standards and enforce them. It is important to set priorities, develop a strategy and start its implementation. In order to reach a consensus in all levels of population, it is necessary to eliminate strong social inequalities.

Keywords: The new industrial state, J. K. Galbraith, «The concept of balanced authority», planned system, control, standards.

R. I. Nigmatulin. Necessary conditions for economical growth in Russia. Key problems for economic growth and its investments backing is not the money absence but the deficit of purchasing demand. It is the demand that must be balanced with GDP by increasing the remuneration of labor of bulk of the population from 40 to 60 %. It is necessary to balance production cost with prices and remuneration of labor. The balanced prices have to include investment component. At the

да. Сбалансированные цены должны включать и инвестиционную компоненту. При этом на внутреннем рынке постепенным снижением налогов, нормы прибыли и повышением эффективности производства следует добиваться снижения цен на сырье, топливо и электроэнергию. Инвестором экономики является народ, получающий сбалансированную зарплату. Важнейшим фактором сбалансированности экономики, обеспечивающей ее способность к росту, является сбалансированное неравенство при распределении доходов, которое определяется децильным и центильным коэффициентами. Аномальное неравенство является сильнейшим тормозом экономического роста из-за сокращения покупательского спроса основной массы населения. Налоги на сверхбольшие доходы и сверхдорогую собственность – необходимое условие экономического роста.

Ключевые слова: аномальное экономическое неравенство, центильный коэффициент, покупательский спрос, налоги на сверхбогатство, баланс оплаты труда и ВВП, баланс затрат, цен и зарплат, экономический порядок, дефицит финансирования науки, реформирование системы управления науки.

УДК 352.354. Д. Р. Белоусов. Операция «развитие»: как преодолеть долгосрочную стагнацию. Автор констатирует плачевное состояние российской экономики, анализирует факторы устойчивой экономической стагнации в России и настаивает на активизации поиска выхода из сложившейся ситуации. Предлагаемый план операции «развитие» включает перечень ключевых направлений, в совокупности позволяющих создать потенциал для ускорения экономического роста. Реализация предложенных мер может вывести страну из стагнационной ловушки.

Ключевые слова: экономическая стагнация, факторы устойчивости, операция «развитие», Национальная технологическая инициатива.

internal market the prices for raw materials, fuel and electric energy should be lowered by lowering taxes, profit rate and improving efficiency. The principal investor is the people having balanced wages. The most actual factor of balanced economy impacting its capacity for growth is balanced distribution of incomes, which is characterized by the decimal and centile coefficients. Anomalous economic inequality is a strong break for the economic growth. Taxes for super large incomes and super rich properties of 1% of the richest people are necessary condition for the economic growth.

Keywords: social charges for people development: fraction of GDP for the government spending, anomalous economic inequality, centile coefficient, purchasing capacity, taxing for super-rich people, remuneration of labor balanced with GDP, costs, prices and wages balance, economic order, deficit of the financing, reforming of the management system.

D. R. Belousov. Operation “development”: how to overcome long-term stagnation. The author states the poor state of the Russian economy; he analyzes the factors of stable economic stagnation in Russia and he insists on active search for a way of recovery. The proposed plan of operation “development” includes the list of key areas allowing to create the potential for speedup of economic growth. The implementation of the proposed measures can lead the country out of the stagnation trap.

Keywords: economic stagnation, factors of stability, operation “development”, National technological initiative.

УДК 332.354. П. В. Шульце. Будущее промышленности: четвертая революция – функции государства и общества. На основе краткого анализа развития мировой экономики за последние 40 лет делается вывод об усилении глобализационных процессов и главенствующей роли распространения знаний в долгосрочном экономическом росте. Рассматриваются роль власти, функции общества и государства как «активного уполномоченного» игрока на примере Германии, отказавшейся от неолиберальных концепций. Подчеркивается безальтернативность постоянной модернизации (промышленной, технологической, экономической и социальной). Изложена концепция «Промышленности.4», ядром которой является «Умная фабрика». Отмечается важность человеческого труда как элемента производства при изменившемся содержании труда, что требует эффективного обучения работников в условиях производства.

Ключевые слова: мировая экономика, глобализация, «уполномоченное государство», безальтернативность модернизации, «Промышленность.4», «Умная фабрика», человеческий фактор.

УДК 330.354. В. Т. Рязанов. Новое индустриально-технотронное общество: грядущее под вопросом. Анализируется теория индустриального общества Гэлбрейта, ее особенности и значение для понимания современных проблем развития экономики после мирового кризиса 2008–2009 гг. Переход из кризиса в фазу устойчивого и сбалансированного роста предполагает возрождение приоритетности индустриального сектора на новой технико-технологической основе. С этой точки зрения анализируются перспективы формирования индустриально-технотронного общества и последствия развертывания новой промышленной революции.

Ключевые слова: новое индустриальное общество, корпорации, технострук-

P. W. Schulze. Future of industry: the fourth revolution – functions of state and society. There is a conclusion about the intensification of globalization processes, the leading role of knowledge spread in long-term economic growth based on a brief analysis of the world economy development over the past 40 years. The author considers the role of authorities, functions of society and state as an “active authorized” player in the case of Germany that abandoned neoliberal concepts. The noncompetitiveness of constant modernization (industrial, technological, economic, and social) is emphasized. The concept of “Industry.4” is stated, its main idea is the “Smart Factory”. The article notices the importance of human labor as an element of production within the framework of the changed content of labor requiring effective training of workers.

Keywords: world economy, globalization, “authorized state”, noncompetitiveness of modernization, “Industry.4”, “Smart factory”, human factor.

V. T. Ryazanov. New industrial technotronical society: the future in question. There is examination of the Galbraith’s theory of industrial society, its characteristics and importance for understanding contemporary problems of development of the economy after the global financial crisis 2008–2009. Transition from the crisis in a sustainable and balanced growth implies the revival of priority industrial sectors of the economy on the new technique and technological basis. From this point of view perspectives of the formation of the industrial technotronical society and the consequences of the deployment of the new industrial revolution are analyzing.

Keywords: new industrial society, corporations, technostructure, revival of industrialism, industrial technotronical society, the

тура, возрождение индустриализма, индустриально-технотронное общество, новая промышленная революция и ее последствия, проблема занятости и возможности ее решения.

УДК 330.354. Р. А. Субхангулов, Г. А. Маслов, А. А. Золотарев. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Выполнен обзор выступлений на третьем Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2017), проходившем 27 марта 2017 г. Основная тема конгресса – проблемы и пути переориентации экономической политики России на обеспечение приоритетного развития высокотехнологичного производства (интегрированного с современной наукой, инженерно-техническим творчеством, образованием) и достижение социальных целей. Дается краткое изложение основных подходов к обсуждавшимся проблемам видных ученых: С. Д. Бодрунова, А. Г. Аганбегяна, Д. Р. Белоусова, Дж. К. Гэлбрейта, Р. И. Нигматулина, О. Н. Смолина, Р. С. Гринберга, А. А. Пороховского, В. Т. Рязанова, Г. Н. Цаголова.

Ключевые слова: СПЭК-2017, переориентация экономической политики, высокотехнологичное производство, интеграция производства, науки и образования, новое индустриальное общество.

УДК 332.354. П. Нолан. Уроки экономических реформ: опыт Китая и России. Дается сравнительный анализ опыта реформирования экономики в СССР (России) и Китае. Сформулированы решения, обеспечившие успешность проведения реформ в Китае, а также серьезные ошибки, допущенные в России и приведшие к разрушительным последствиям для страны и всего народа. Автор считает, что либеральная экономическая модель и радикальные методы реформ стали причиной деиндустриализации экономики.

new industrial revolution and its consequences, employment problem and its possible solutions.

R. A. Subkhangulov , G. A. Maslov, A. A. Zolotarev. New industrial society: reloaded. There is a review of speeches presented at the third St. Petersburg economic congress (SPEC-2017) held on March 27, 2017. The main topic of the congress is the problems and ways of Russia's economic policy reorientation to the prioritization of high tech production (integrated with modern science, engineering and technical work, and education) and the achievement of social goals. The article contains a brief summary of the main approaches made by prominent scientists, such as S. D. Bodrunov, A. G. Aganbegyan, D. R. Belousov, J. K. Galbraith, R. I. Nigmatulin, O. N. Smolin, R. S. Grinberg, A. A. Porokhovskiy, V. T. Ryazanov, G. N. Tsagolov.

Keywords: SPEC-2017, economic policy reorientation, high tech production, integration of production, science and education, new industrial society.

P. Nolan. Lessons of economic reforms: experience of China and Russia. The article contains a comparative analysis of the experience of economic reforms in the USSR (Russia) and China. There are the decisions ensuring the success of reforms in China and the serious mistakes made in Russia that lead to devastating consequences for the country and all the people. The author thinks that the liberal economic model and radical methods of reform have caused deindustrialization of economy.

Keywords: experience of reforms, China, Russia, liberal economic model, radical reforms, deindustrialization.

Ключевые слова: опыт реформирования, Китай, Россия, либеральная экономическая модель, радикальные реформы, деиндустриализация.

УДК 330.354. В. Б. Сироткин. Трансформация западного капитализма: заключения маржинализма и трудовой теории стоимости. Дается анализ современного западного капитализма с позиции теории трудовой стоимости К. Маркса. Выделены способы приспособления капитала к среде обитания: атомизация и подавление организованного сопротивления рабочей силы, распространение влияния капитала за пределы рабочих мест и сотрудничество капитала с бюрократиями.

Ключевые слова: капитал, капитализм, норма прибыли, рабочая сила, маржинализм, бюрократия.

УДК 330.341.2; 334.025. Е. В. Попов, А. Ю. Веретенникова, Ж. К. Омонов. Институциональный атлас социальных инноваций. Проведен обзор подходов к рассмотрению социальных инноваций; представлены и обоснованы критерии институционального атласа; выделены 58 основных экономических институтов, влияющих на социально-инновационное развитие; выполнен качественный анализ уровня их развития и сделан вывод о проблемных областях в институциональной среде. Значимость полученных результатов состоит в выявлении недостаточно развитых областей в институциональной среде социальных инноваций, а также определении направлений их возможного устранения.

Ключевые слова: институты, социальные инновации, институциональный атлас, институциональная среда.

УДК 338.2 (47+57). С. В. Кузнецов, Н. М. Межевич. Региональная экономическая политика СССР: исторический опыт для новых хозяйственных усло-

V. B. Sirotkin. Transformation of Western capitalism: summary of marginalism and labor theory of value. There is an analysis of modern Western capitalism from the point of view of K. Marx's theory of labor value. The author points out the ways of adapting the capital to the life environment: atomization and suppression of the work force organized opposition, spread of the influence capital beyond the work places and co-operation of capital with bureaucracies.

Keywords: capital, capitalism, profit rate, work force, marginalism, bureaucracy.

E. V. Popov, A. J. Veretennikova, Z. K. Omonov. Institutional atlas of social innovation. This paper to analyze an institutional environment of social innovations in the Russian economy presents a review of approaches to research social innovations. The criteria of institutional atlas, that include 58 main economic institutions affecting on the socio-innovative development were shown. Also authors carried out a qualitative analysis of the institutions development and determined problem fields in the institutional environment. The significance of these results is identification of the underdeveloped areas in the institutional environment of social innovation, as well as determination ways of their possible solutions.

Keywords: institutions, social innovation, institutional atlas, institutional environment.

S. V. Kuznetsov, N. M. Mezhevich. Regional economic policy of the Soviet Union: lessons learned for new economic conditions. The article examines the Soviet

вий. Рассматривается опыт разработки и проведения региональной экономической политики в СССР с ее классической периодизацией на основе анализа соотношения отраслевого и территориального принципов управления. Показано, что целью региональной политики являлось выравнивание территориальных диспропорций, причем характер ее на протяжении более 70 лет менялся под воздействием политико-правовых факторов, изменяющих и пространственную организацию экономики. Представлены практические шаги по экономическому районированию для более эффективного размещения производительных сил; опыт и основные организационные формы территориального (территориально-отраслевого) управления экономикой (совнархозы, территориально-производственные комплексы, территориальные межотраслевые объединения).

Ключевые слова: региональная экономическая политика СССР, территориальные диспропорции, политика выравнивания, отраслевое и территориальное управление, централизация, децентрализация, территориальная организация общества, пространственная структура экономики, экономическое районирование, размещение производительных сил, федерализм, совнархозы, территориально-производственные комплексы, территориальные межотраслевые объединения.

УДК 338.2. М. А. Бражников, Е. Г. Сафронов, А. В. Бабкин. О стратегии технического перевооружения машиностроительного комплекса в условиях импортозамещения. Исследованы основные проблемы и противоречия развития наукоемких кластеров экономики. Первостепенное значение в решении инновационных задач приобретает машиностроительный комплекс, обеспечивающий устойчивый рост и непрерывное развитие национальной экономики. Сформулированы приоритетные направления развития в

experience in development and implementation of a regional economic policy with its classical periodization based on the analysis of the ratio of the sectoral and territorial principles of governing. It is shown that the aim of regional policy was the alignment of regional disparities. The regional policy varied for more than 70 years under the influence of political and legal factors changing spatial organization of the economy. Practical steps to economic regionalization to address more effectively the problems of distribution of productive forces, experience and basic organizational form of territorial (territorial and sectoral) management of the economy (territorial-production complexes, territorial cross-sectoral associations) are presented.

Keywords: regional economic policy of the Soviet Union, regional disparities, alignment policy, sectoral and territorial management, centralization, decentralization, territorial organization of society, spatial structure of economy, economic regionalization, the distribution of productive forces, federalism, territorial-production complexes, territorial cross-sectoral associations.

М. А. Brazhnikov, E. G. Safronov, A. V. Babkin. Technical re-equipping strategy of machine-building complex within the framework of import substitution. At the heart of modern public policy is the idea of forced innovation breakthrough – the creation of favorable conditions for import substitution, design and launch high-tech products. In this paper the main problems and contradictions of development of high-tech clusters of the economy. Of paramount importance in solving innovative tasks acquires the machine-building complex, ensuring sustainable

структуре обрабатывающих производств. Инновационно-технологический вектор развития машиностроения базируется на обновлении и модернизации материально-технической базы, главным образом, ее активной части. Ключевым инновационным параметром формирования прогнозных оценок развивающегося импортозамещения является темп обновления парка технологического оборудования на предприятиях машиностроения. Особое внимание уделяется индикаторам, характеризующим технологический потенциал машиностроения и динамику импортозависимости, на основе которых предлагается стратегия технического перевооружения машиностроительного комплекса.

Ключевые слова: машиностроительный комплекс, импортозамещение, техническое перевооружение, кластер, стратегические приоритеты, технологическое оборудование.

growth and the continuous development of the national economy. The results of the analysis of trends in the engineering industry confirms its leading role. Cluster analysis allows us to formulate priority directions of development in the structure of manufacturing industries. Innovative-technological vector of development of mechanical engineering is based on the updating and upgrading of material-technical base, mostly of its active part. In this regard, the key innovation generation option for predictive assessments and developing import substitution is the rate of renewal of technological equipment at the enterprises of mechanical engineering. Special attention is paid to the indicators of technological capabilities of the engineering and dynamics of import dependence.

Keywords: mashing-building complex; import substitution; technical re-equipment; clusters; strategic priorities; technological equipment.

D. V. Manturov¹

**THE STATE AS AN INVESTOR: A SHIFT IN THE ROLE OF A STATE
IN FINANCING INDUSTRY IN THE PAST 20 YEARS
(excerpts)**

The state has always been an active investor: as the owner of monies which constitute public revenue, it can allocate funds to cover operational costs or perform capital investment. Unlike private funding, state investment is less concerned with profit and focuses on achieving positive results in industry, public life and other areas of economic activity.

...
In the 1990s, the launch of privatization and introduction of new ownership formats had a major effect on the system of industrial funding... In spite of abandoning its full ownership role, the state could not completely withdraw from industrial development processes. The need to curb social tensions engendered the system of funding which was not based on investment principles, but de facto took the shape of financial aid. Public funding was allocated to loss making industries, and its volume gradually declined due to financial restrictions... During the 1990s crisis, financial industrial groups (FIGs) were supposed to ensure stability, guarantee mutual support and promote the interests of major industrial enterprises.

...
Early 2000s saw the end of the recession, so the government needed to secure the restorative growth of the economy... Having abandoned the role of a major active asset holder (apart from certain core areas) and lacking the means to perform direct or portfolio investment in industry, the state failed to produce an efficient combination of options and participation formats that could ensure industrial development. Support mechanisms were rather limited at the time: due to the lack of funds, the state could not exercise direct oversight, market institutions were poorly developed, and existing indirect measures failed to deliver the desired effect, which made the government quit on the development and coherent implementation of an industrial policy in favor of working on general economic measures.

...
2005–10 saw the increase in the role of federal funding compared with regional funding, along with the tendency towards the increase in the share of external investment and the reduction in the share of public funding. The trend was particularly noticeable in the power, natural gas and water production and distribution segment where the share of public funding is typically the largest (on average, 20 % over the specified period of time): in this sector, the share of federal investment increased from 3 to 10 %, while regional funding decreased from 14 to 6 %. In the processing industry, the share of federal investment almost doubled

¹ *Denis Valentinovich Manturov*, Minister of Industry and Trade of the Russian Federation, Ph.D. in Economics.

as well. Since 2011, the share of public funding has been generally decreasing accompanied by the reduction in investment at federal and regional levels.

... The late 2000s were marked by new approaches to industry support and funding, i.e. the creation of specialized institutions (state corporations, holdings, development institutions) which generally allowed for the successful resolution of emergent social and economic challenges. In an impressive change of course, the state shifted from excessive abstention from participation in industrial development to close involvement in sectoral activities, formation of large industrial structures not under private, but under state management and control, and the creation of relevant development institutions.

... Federal Law No. 488-FZ “On the Industrial Policy in the Russian Federation” of 31.12.2014 dramatically changed industrial subsidizing priorities by delineating five priority subsidized categories, with two of them (partial reimbursement of interest paid on loans provided for R&D and the implementation of new complex investment projects) granted exclusively on a competitive basis. The authorities hope that stipulated subsidies will attract funding by increasing the profitability of investment projects for private investors.

... Currently, financial support for the industrial sector is generally provided by development institutions (Industrial Development Fund, Vneshekonombank, Russian Venture Company, Rusnano, etc.), which use the following support mechanisms: grants, loans and equity participation often determined by the procedure on government subsidy provision for the relevant institution. To a certain extent, development institutions can autonomously distribute allocated funding and provide it to select projects under the public-private partnership format.

... Financial incentivization of industrial production development [in Russia] has grown a lot more complex over the past 20 years, and, presently, industrial enterprises have much broader opportunities for the resolution of emergent issues... As the system stabilizes, the state will ultimately assume the role of an active industrial investor and actor in the industrial production development process in the next 5–10 years.

*S. D. Bodrunov*¹

**RETURN OF INDUSTRIALIZATION – RETURN OF GALBRAITH:
FROM NIS.2 TO NOOSPHERIC CIVILIZATION²
(excerpts)**

Nowadays, 50 years since the publication of John Kenneth Galbraith's *The New Industrial State*, many ideas expressed in the book are being confirmed. *Industry is experiencing a comeback which reasserts the relevance of Galbraith's ideas.* To be more precise, the comeback has less to do with industry (which has always been around) and more with the restoration of a wide understanding of its seminal role for the modern economy, whereas postindustrial society theories have generally gone unconfirmed.

...
While correct in recording the increase in the share of knowledge and information in production, the adepts of postindustrial society theories mistakenly concluded that knowledge and information could replace material production by reducing it to minimal levels... As a matter of fact, the world is not transitioning to the postindustrial society... Au contraire, we are witnessing the formation of a new quality of industrial production which harbingers the coming of the new industrial society of the second generation (NIS.2). These changes pertain to material production itself, as it acquires a new quality by converting into knowledge intensive production of knowledge intensive products wherein technological knowledge becomes prevalent both as a means to cut production costs and ensure the creation of a completely new product capable of satisfying the ever growing human wants.

...
The main qualitative leap pertains to the application of a wide range of various controlled and directed natural processes (lasers, nuclear power, fine chemical processes) in modern industrial production facilitated by large-scale and continuously *accelerating* technological application of new *knowledge* which will result in further reduction of the material component in a product. In some of the most advanced segments, it has already happened. Unit consumption of material, capital and labor in production is decreasing whereas the applied knowledge component is increasing steadily. Production is gradually adopting the format of constant technological innovation, and innovations spread throughout the new generation of industrial production at the “acceleration of acceleration” pace.

...
The new industrialization cannot proceed unless we abandon market fundamentalism stereotypes and neoliberal ideological cliches introduced in the 1990s. The breakthrough that

¹ *Sergey Dmitrievich Bodrunov*, Director of Institute of New Industrial Development (INID) n.a. S.Y. Vitte, President of Free Economic Society of Russia, Doctor of Economics, Professor.

² Based on the paper presented at the Third St. Petersburg Economic Congress *Foresight Russia: New Industrial Society. Reloaded* (St. Petersburg, March 27, 2017).

would enable the transition to the new industrial society of the second generation requires a paradigm shift, change in state economic policies and programs, reorganization of relevant institutions, as well as an active industrial policy that would employ a wide range of state regulation methods, including strategic planning, and promote the development of private-public partnership targeting the reintegration of production, science and education.

...
The new industrial and technological revolution will inevitably change the existing social order. The new order and its core technologies will allow for a dramatically higher number of opportunities for the satisfaction of human wants. The wide application of knowledge intensive material production accompanied by progressive decrease in material costs and explosive innovative growth will soon fully satisfy the demand in essential material goods.

...
Humans are the only species capable of interacting with material surroundings in order to obtain immaterial knowledge. In their learning about the world, people can barely tap the inherent absolute and endless knowledge. They start to see themselves as a special part of this world *capable of self-knowledge* and engage in the study of the material world, other people and social ties that bind them together.

...
Extensive self-knowledge results in the evolution of culture, for only a person of both knowledge and culture is capable of developing a truly humane attitude towards own and others' needs and the environment. If we, i.e. people responsible for the creation of a new quality of material production and industry where key role is attributed to materialized human knowledge, adopt the paradigm of intelligent self-restriction with regards to the satisfaction of simulative wants, we will be able to implement the imperatives incentivized 50 years ago by the great economic mind of John Kenneth Galbraith.

*J. K. Galbraith*¹

THE NEW INDUSTRIAL STATE: 50 YEARS LATER²
(excerpts)

It is a great honor for me, my wife and our daughter who is here to be present at this event in honor of my father's masterwork *The New Industrial State* on the 50th anniversary of its publication. I share in full the sentiments of Professor Sergey Bodrunov expressed to me in a letter that the ideas in my father's work and in this book specifically are "relevant as ever and need to be developed from the standpoint of the new situation in the global economy."

...
The strength of a successful economy, such as the United States was at that time, lay not in magical markets, but in broadly effective organizations able to master the technical, financial and marketing aspects of advanced production and operating in an environment of effective outside constraint and regulation from the public, the government, unions, consumers, the academy and other elements of civil society. The problem in the U.S.S.R. was not the absence of markets, but the vast scale of limited adaptive capacity of the productive units, so that introducing free markets brought collapse rather than improvement, and from collapse there followed many other ills, including internal looting and external predations.

...
If I had to say where the new industrial state survives best in the world, I would name Germany and Japan... A planning system requires a technostructure, a trained, secure, advanced and diverse class of engineers, managers, designers, lawyers, much else working together on terms of relative equality and shared responsibility. It is a mark of decay when one sector or another – finance or high technology – gains a power advantage over all the others and skews the income distribution which, in turn, devalues the specialties that a system of effective and balanced organization requires, makes them difficult to renew and replace, which is a phenomenon that is easily visible in the United States and elsewhere in its effects, among other things, on our universities.

...
Both the United States and Russia must begin to seek once again and understand what our requirements are and to begin to meet them. The study of complex organizations and of their relationship to state, to labor, to science, technology and to finance is a foundational task. It will help to replace a barren economics with something that is constructive, something that gives value to useful knowledge over the empty intellectual and academic games that have too long and too far dominated the development of ideas and the advancement of careers in the economics profession.

¹ *James Kenneth Galbraith*, Professor at the University of Texas at Austin, Doctor of Economics.

² Based on the paper presented at the Third St. Petersburg Economic Congress *Foresight Russia: New Industrial Society. Reloaded* (St. Petersburg, March 27, 2017).

R. I. Nigmatulin¹

NECESSARY CONDITIONS FOR ECONOMICAL GROWTH IN RUSSIA²
(excerpts)

...
Most economists in Russia and industrial countries have ceased to understand that economic crises are mainly caused by insufficient (unbalanced with relation to the GDP) consumer demand due to the appropriation of excessive revenues by the wealthy class.

...
Most economic publications ignore the aforementioned reason behind crises that depress the economy, i.e. the imbalance in effective demand determined by the income of the middle and poor classes that make up 95 % of the population. Effective demand, in turn, is determined by the wage pool of these 95 %. Presently, the wage pool is far from balanced due to excessive (unbalanced) appropriation of income by the wealthy. That is what links the current global crisis with Marx's overproduction.

...
The resources for overcoming the modern crisis shall be sought not in income reduction (hailed as economic efficiency) for the poor and middle classes which determine national consumer demand, but in the balanced decrease in excess profits of the wealthy (1 % of the population) which would be truly efficient in stimulating consumer demand and boosting investment potential.

...
Harmonization and balancing of social inequality can be achieved by changing the system of taxation (income, luxury, large inheritance tax) and legislatively stipulating a minimal wage that would promote reproductivity and create a favorable social environment... In Russia, the flat tax rate has served its purpose. It allowed for the development of a tax system under market conditions. At the next stage, it is necessary to keep the flat rate for 99 % of the population and introduce a luxury tax for the wealthiest 1 %.

...
Investment should target economic segments that can render relatively quick results: public housing; petrochemistry; power generation based on the use of combine cycle gas turbine units, energy efficiency; agriculture and food processing; and high technology sectors, such as aircraft engineering, biotechnologies and pharmaceuticals.

...

¹ *Robert Iskanderovich Nigmatulin*, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of Shirshov Institute of Oceanology of the RAS, Doctor of Physics and Mathematics, Professor.

² Based on the paper presented at the Third St. Petersburg Economic Congress *Foresight Russia: New Industrial Society. Reloaded* (St. Petersburg, March 27, 2017).

*P. W. Schulze*¹

**FUTURE OF INDUSTRY: THE FOURTH REVOLUTION –
FUNCTIONS OF STATE AND SOCIETY²
(excerpts)**

...
The balance of power in the economy has dramatically changed over the past four decades. Globalization, an indelible mark of our time, led to a new division of labor. The CIA and National Intelligence Service *Global Trends 2030: Alternative Worlds* reports admit that Europe and the U.S. might lose their role as economic leaders. Moreover, the recession will also jeopardize Washington's global political influence.

The process of globalization underlies changes in economic theory concepts and requires that we redefine state powers and functions:

1. The hype among economists over the postindustrialist future for Western market democracies subsided in the 1990s.

2. The neoliberal creed which stipulated that the invisible hand of the market was a panacea to all ills related to non-market forces proved to be ideologically motivated.

...
Nowadays, modernization is more complex than 30 years ago when new technologies started to penetrate industrial sectors and then spread to the entire national economy creating new products, revolutionizing industrial production, replacing old industrial structures and causing major social tensions.

...
The European model is characterized by the merger of high technologies and traditional industry into an active network around the "authorized" state. That is fundamentally different from the US experience.

...
Specialized and flexible individualized mass production based on data exchange between machines, facilities and employees will serve as the key prerequisite and goal of a smart factory under the Industry 4.0 concept. Major changes will occur in education and efficient personnel training. Human labor will persevere as an important element of production, but its content will change. As a result of flexible automation and self-optimization in the process of production, machines will perform physically challenging tasks, and employees will engage in useful and constructive operations of the production process.

...

¹ *Peter W. Schulze*, Professor at the Georg August University of Goettingen.

² Based on the paper presented at the Third St. Petersburg Economic Congress *Foresight Russia: New Industrial Society. Reloaded* (St. Petersburg, March 27, 2017).

*P. Nolan*¹

**LESSONS OF ECONOMIC REFORMS: EXPERIENCE OF CHINA AND RUSSIA
(excerpts)**

For several years now, Russia has been exhibiting signs of stagnation... The liberal economic model implemented in Russia resulted in the deindustrialization of the economy, and catastrophic deterioration of industrial potential – a core component of the system – affected the general condition and stability of the national economy. These problems came to the fore upon the collapse of the Soviet Union.

...
If the Soviet Union had followed the path of reform similar to the one chosen by China (which the U.S.S.R. was beginning to do in the 1980s, especially around Leningrad), then the former would have had every chance not only not to collapse, but to go forward very fast, allowing its institutions with high technologies but with limited understanding of the global market to reform themselves gradually. Nowadays the West believes that the collapse of the U.S.S.R. was necessary and inevitable. That is not what I think. In my opinion, the Soviet economy could have advanced in the 1990s. There was no need for the welfare and living standards of Soviet citizens to collapse. I believe that with the correct policies it would have been extremely easy to produce a very fact increase in the real welfare of Soviet citizens. The example of Chinese economic reforms illustrates my point.

...
The philosophy of Chinese reforms in the 1980s–90s owed quite explicitly a great deal to Nikolai Bukharin. The Chinese understood the New Economic Policy implemented in the Soviet Union in the 1920s, and the most important phrase in China in the 1990s was Bukharin’s “take the lead in getting rich.” That ideology of Bukharin was very influential in thinking about the reforms and was used to encourage people to save and to invest, i.e. take the lead in getting rich from very early on.

...
I think if the Soviet Union had not experienced the political collapse (the reasons for which can be discussed at length separately), it could have found its own way. In China, the reform of agriculture, services, small- and medium-sized firms has totally changed the texture of Chinese life and produced a huge improvement in popular welfare, but, still, at the heart of the China’s success is its refusal to allow global business to dominate the national economy. If China had agreed to play by the rules of the WTO (and it was continuously pushed and still is pushed to do so), it would have privatized its large industries, telecommunications, iron and steel, mining, heavy industry, aircraft manufacturing – and China has refused to do that.

...
Unfortunately, Russia implemented radical reforms, which brought on deindustrialization and other negative consequences, so the outcome for Russia is dramatically different compared with China.

¹ *Peter Nolan*, British economist, Professor at the University of Cambridge.